

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

BX
605
.G35
Z95

B 354720 DUPL

Zvarykin : epizod iz istorii
ЗВАРЫКИНЪ. Feofana Prokopovicha.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРИИ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА.

Издано въ Санктпетербургѣ въ типографіи Лермантова и Комп. въ 1862 году.
Печать въ 1862 году.

(Изъ журнала «Духъ Христіанина»).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Лермантова и Комп., Караванная, № 24.

—
1862.

BX
605
.635
Z95

Печатать позволяется. С.-Петербургъ, сентября 27 дня, 1862 года.
Цензоръ, Архимандритъ Фотій.

Lacke
de change
Union Acad of Sci.
-16-77
227367-293

Зварыкинъ.

Эпизодъ изъ исторіи Теофана Прокоповича.

Процессъ Зварыкина принадлежитъ къ числу любопытнѣйшихъ явленій въ нашей исторіи 1 половины XVIII столѣтія и любопытнѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи Теофана Прокоповича.

Въ самомъ дѣлѣ, укажите мнѣ другой процессъ, который бы начался съ такихъ малостей, какъ бредъ больного и полупомѣшаннаго Зварыкина, и разросся въ такую дикую эпопею, какъ фантазмагорія этого процесса, — тянулся болѣе десяти лѣтъ, вобралъ въ себя и поглотилъ множество лицъ всѣхъ званій и состояній, и въ которомъ было бы все ложь, съ начала до конца, — все ложь, исключая страданій несчастныхъ жертвъ этой кровавой драмы. Онъ ярко обрисовываетъ понятія, нравы и общественное состояніе того времени и ложится темнымъ пятномъ на царствованіе Анны, на память Остермана, Ушакова и особенно Теофана Прокоповича.

Процессъ этотъ, въ существѣ дѣла, есть подавленный протестъ противъ церковной реформы первой половины XVIII столѣтія.

Однимъ изъ дѣйствій этой реформы было запрещеніе вновь постригать монаховъ, съ немногими исключеніями, и назначеніе постриженнымъ уже монахамъ обязанностей, казавшихся наиболѣе сообразными съ ихъ служеніемъ для общественной пользы, какъ то хожденіе за больными, увѣчными и проч. Само собою разумѣется, что все это

произвело страшное волненіе между монахами. Явилось множество защитниковъ старой формы монашеской жизни, которые пользовались всѣми средствами для того, чтобы поддержать прежій, вѣками сложившійся, порядокъ и от-страшить или ослабить вліяніе новыхъ установленій, возводимыхъ къ кальвинству и лютеранству. Между дѣйствующими лицами нашей исторіи мы увидимъ такихъ экстапковъ, которые готовы были лучше умереть, нежели подчиниться новымъ правиламъ о монашествѣ.

Оппозиція эта, какъ отдѣльное явленіе, не была бы важна и опасна; но она выражала собой настроеніе многочисленнаго класса въ обществѣ и примыкала къ общей гражданской и церковной реакціи въ пользу старины, реакціи, развернувшейся съ особенною силою въ царствованіе внука Евдокіи Феодоровны, сына царевича Алексѣя, Петра II.

Не знаемъ, чѣмъ кончилось бы дѣло, если бы продолжилось царствованіе этого государя и величіе Долгорукихъ. Но съ смертію его рушились всѣ надежды на возстановленіе старины. Недовольство петровскими нововведеніями, не смѣя высказаться открыто, превратилось въ глухой ропотъ. Явилась апокрифическая, подземная литература, возбуждавшая мученически стоять за старыя преданія и поддерживавшая борцовъ въ ихъ экстазѣ.

Около одного изъ такихъ, непризнанныхъ правительственною цензурою произведеній, вращается и наша эпопея.

Мы назвали ее ложью и сплетеніемъ лжи, потому что страдальцевъ этой печальной драмы истязывали и мучили не за то, въ чемъ они дѣйствительно виновны были, а за то, чего не думали и не дѣлали, и что навязали имъ ихъ ожесточенные и недобросовѣстные противники, чтобы вывести ихъ оппозицію за предѣлы церковнаго вопроса и выдать ихъ за государственныхъ преступниковъ.

Процессъ Зварыкина начинается въ концѣ 1733 года.

Дворъ, послѣ коронаціи императрицы Анны, переехалъ изъ Москвы въ С.-Петербургъ; за нимъ послѣдовали сенатъ, синодъ и тайная канцелярія.

Послѣдніе, т. е. синодъ и тайная канцелярія, оставили въ Москвѣ свои конторы, которыя, наблюдая и разбирая слѣдующія въ нихъ дѣла, за окончательнымъ рѣшеніемъ ихъ относились въ С.-Петербургъ, въ свои высшія инстанціи.

Въ синодальной конторѣ предсѣдательствовалъ ростовскій архіепископъ Іоакимъ. Конторой тайной канцеляріи завѣдывалъ графъ С. А. Салтыковъ.

Изложивши эти предварительныя свѣденія, переходимъ къ самому процессу.

Въ 1733 г., 13 декабря, къ синодальному члену, преосв. Іоакиму, архіепископу ростовскому и ярославскому, пришелъ саровскій монахъ Георгій, и подалъ прошеніе, въ которомъ выставялъ себя замученнымъ совѣстію грѣшникомъ, отступникомъ отъ христіанства, и просилъ о принятіи его въ покаяніе и объ умиреніи его души.

«Въ 1724 г. согрѣшилъ я окаянный, отвергся Христа, а въ 1725 г. въ томъ моемъ согрѣшеніи покался. Отецъ духовный далъ мнѣ заповѣдь не причащаться цѣлую жизнь, до смерти, и я грѣшникъ хранилъ эту заповѣдь и понинѣ; только въ нынѣшнемъ, 1733 г., находясь въ болѣзни при смерти, сподобленъ причастія; по запрещеніе осталось по прежнему. И я грѣшникъ вельми стужаемъ и снѣдаемъ отъ совѣсти моея и едва не прихожу въ отчаяніе спасенія моего». Объяснивши свое безотрадное состояніе, Георгій просилъ Іоакима успокоить его пастырскимъ разсужденіемъ. «И еже ты государь разсудиши, да соблаговолиши подписать оное здѣ, ради Господа Іисуса Христа».

Іоакимъ отослалъ просителя, вмѣстѣ съ его письмомъ, въ синодальную канцелярію, чтобъ взять съ него подробное показаніе.

Въ канцеляріи почему-то нашли нужнымъ тобыскать Георгія; однакожъ никакихъ писемъ и *кореньевъ* у него не оказалось. Послѣ того у него потребовали подробнаго и обстоятельнаго показанія.

Георгій написалъ:

«Отъ роду ему 26 лѣтъ; въ мірѣ звали его Григоріемъ. Отець его Авраамъ Никитинъ, сынъ Зларыкинъ, служилъ въ драгунахъ и убитъ на службѣ подъ Полтавою; а онъ послѣ смерти отца, остался, двухъ лѣтъ, при матери своей, въ костромскомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Погорѣлкахъ. Мать, съ помощію сосѣдняго дьячка, обучала его грамотѣ, а потомъ, съ помощію плѣнныхъ шведовъ, латинскому и нѣмецкому языкамъ и ариметикѣ. Изъ матиринскаго дому онъ уѣзжалъ гостить къ родственникамъ своимъ, чаще всѣхъ къ дядямъ, стольнику В. И. Коетыреву который служилъ въ разныхъ мѣстахъ, въ Обоини, Владимірѣ, Муромѣ, Гороховецѣ, и къ лейтенанту гвардіи Д. С. Коетыреву, жившему въ С.-Петербургѣ.

Въ 1724 г. пріѣхалъ онъ къ В. И. Коетыреву, въ Москву, для присканія мѣста, и разъ какъ-то, на пасхѣ или на еоминной недѣлѣ, шелъ, задумавшись, по Каменному мосту, черезъ Москву рѣку. Вдругъ его останавливаетъ незнакомый беловѣкъ. «О чемъ ты задумался? Ты, кажется, нездоровъ?» Зварыкинъ, вмѣсто отвѣта, спросилъ у него: кто ты такой? «Я мельникъ адмиральской вотчины», отвѣчалъ незнакомецъ. Зварыкинъ объяснилъ ему, что онъ точно нездоровъ и показалъ вредъ (рану) на головѣ, за ухомъ, но прибавилъ, что онъ лечится и беретъ лекарства изъ аптеки. «Съ апткой не выличишься, сказалъ незнакомецъ. А вотъ я знаю такого человѣка, который только присыплеть травкой и все какъ рукой сниметь». Послѣ этихъ словъ Григорій и пошелъ съ мельникомъ за Москву рѣку. Мельникъ привелъ его къ слѣпому старикку, который; осмотрѣвъ ве-

редь, присыпалъ его толченой травой, а сверху положилъ пластырь. Зварыкинъ далъ ему за это денегъ, что-то меньше рубля. Спустя съ недѣлю, вередь его сталъ заживать. Григорій опять пошелъ къ старику поблагодарить его. Старикъ спросилъ: «здѣшній ты, или прїѣзжій?» Григорій отвѣчалъ: прїѣзжій изъ Костромы; живу у дяди и прискиваю мѣстечка. «Хочешь ли, чтобъ до тебя люди были добры?» Какъ не хотѣть. «Возмижь ты этотъ мешечекъ съ кореньями, и носи его на шнуркѣ, гдѣ крестъ носишь».

Дядя нашелъ ему мѣсто у графа Сантія, по письменной части и для изученія геральдики. Когда графъ уѣхалъ въ С.-Петербургъ, то велѣлъ и ему прїѣзжать за собой.

Передъ отъѣздомъ, Зварыкинъ зашелъ опять къ слѣпому старику и сказалъ ему, что собирается въ Петербургъ, а отъ кореньевъ пока мало пользы. «На это я скажу тебѣ вотъ что, отвѣчалъ старикъ: коли ты ѣдешь въ С.-Петербургъ, то коренье схорони здѣсь; а какъ прїѣдешь въ С.-Петербургъ, то выди ты ночью на первый перекрестокъ одинъ и скажи вслухъ: хочу идти къ нѣмчину Вейцу. Какъ только ты проговоришь это, тотчасъ явятся къ тебѣ двое и отведутъ къ Вейцу, а Вейцъ сдѣлаетъ тебѣ все, чего ты захочешь». Чтобъ увѣрить его въ томъ, старикъ показалъ ему въ стеклянной кружкѣ въ водѣ С.-Петербургъ, и видѣлъ онъ домъ этого нѣмчина на Невѣ, на московской сторонѣ, и въ томъ домѣ сидитъ Вейцъ одинъ, примѣрно средняго роста, не старый, въ парикѣ и въ богатомъ нѣмецкомъ платьѣ; а въ другомъ покоѣ множество его слугъ, наконецъ, и тѣхъ двухъ, которыхъ онъ встрѣтитъ на перекресткѣ. Пришедши домой, онъ ночью потихоньку снялъ съ шеи коренья, положилъ въ бересту, и бережно зарылъ подъ воротами въ землю; а на другой день уѣхалъ въ С.-Петербургъ. Прибывши въ С. Петербургъ, онъ остано-

ся на квартиру у одного своего знакомаго и, спустя день или два, вышелъ ночью на условный перекрестокъ и сказалъ заповѣдныя слова. Тотчасъ явились ему двое, которые сказались вейцовыми слугами, и повели его какимъ-то садомъ къ Вейцу. Когда его привели въ домъ къ Вейцу, Зварыкинъ уацалъ его и поклонился, «За чѣмъ ты ко мнѣ пришелъ», спросилъ Вейць. Зварыкинъ отвѣчалъ, что его послалъ къ нему московскій слѣпой старикъ, обладаживая тѣмъ, что Вейць едѣаетъ, что къ нему люди будутъ добры. Вейць отвѣчалъ, что онъ готовъ сдѣлать не только это, но и все, по его желанію. съ однимъ только условіемъ, если онъ—отречется отъ Христа. Зварыкинъ страшно испугался этихъ словъ, и хотѣлъ выдти вонъ изъ комнаты; но Вейць взялъ его за руку и сталъ успокаивать: «чего ты испугался, не бойся ничего; твоей братецъ перебывало у меня больше тысячу, и все довольны мною». Сказавши это, онъ далъ ему мешечекъ съ серебрянымъ замочкомъ; «вотъ тебѣ, говорятъ, тысяча червонныхъ, возми себѣ и употребляй на что хочешь». Пока Зварыкинъ держалъ въ рукѣ червонцы, Вейць развязалъ у него галстухъ и, не стесово схватя съ его шеи серебряный крестъ, взялъ къ себѣ, а ему велѣлъ положить червонцы въ карманъ. «Быть ужъ такъ, сказалъ Зварыкинъ,—что на этомъ свѣтѣ жить по вашей волѣ, чтобъ было за что въ будущемъ вѣкъ муку терпѣть». Послѣ того Вейць велѣлъ ему проговорить за собой: «отрицаюсь Христа и покаянія, и готовъ послѣдовать сатанѣ и творить волю его».

Зварыкинъ написалъ эту клятву на бумагѣ, и подписалъ подъ нею свое имя кровью, которую Вейць пустилъ ему изъ правой руки, большой булавкой. Вейць запретилъ ему креститься и читать молитвы. Потомъ позвалъ во внутренніе покои, велѣлъ подать напитки и поздравлялъ,—и

пили много, такъ что Зварькиимъ напился до безпамятства и ночевалъ у Вейца.

На другой день, они пили съ Вейцомъ кофе, играли въ шахматы и, наконецъ, разстались. «Ну, поди счастливо, дѣлай такъ, и все будетъ хорошо». Тѣ двое, что привели его, проводили до пристани у почтоваго двора, и воротились домой. Послѣ того, живя въ Петербургѣ, онъ въ церковь не ходилъ, а только для виду ставалъ подлѣ церкви, и крестнаго знаменія на себѣ не изображалъ, а только для виду рукой махалъ. Ходилъ къ иѣмчину и бралъ денегъ, сколько ии требовалъ, и пдерживалъ все на распутную жпзнь. Иногда приходила ему мысль просить Вейца снять съ него обязательство и возвратитъ ему письмо, но онъ недолго задумывался надъ нею. Вейць обучалъ его иностраннымъ языкамъ и герольдикѣ, и говорилъ: «еслибъ ты послѣдовалъ моеи волѣ неусумнительно и постоянно, то я сдѣлалъ бы тебя и знатымъ и богатымъ, больше Меэра, такъ что и прикащикибъ у тебя были въ маріотову пору, и далъ бы тебѣ въ услуженіе двохъ бѣсовъ (*)». Григорій просилъ, чтобъ онъ далъ ему бѣсовъ. Вейць позвалъ бѣсовъ, и приказалъ, чтобъ они во всемъ были ему послушны, и какъ онъ ихъ потребуеть вслухъ, тобъ являлись

(*) *Мейеровъ* было двое, старшій и младшій, отецъ и сынъ, богатые купцы, жившіе въ Москвѣ въ нѣмецкой слободѣ. Петръ I очень любилъ и жаловалъ обонхъ; у Мейера старика бывалъ запросто и назначалъ собранія, на которыхъ бывала вся знать. Когда призывалъ его по дѣламъ въ Сенатъ, то велѣлъ ставить ему стулъ подлѣ себя. У Мейэра младшаго крестилъ дѣтей и, по смерти одного изъ нихъ, четырёхлѣтняго крошки, шелъ за гробомъ до самаго кладбища (*Новиковъ*, Дѣянія Петра, III, 373. XIV, 10; *Берхгольцъ*, II, 223. III, 10. IV, 40). *Маріотъ*, кажется, тоже былъ купецъ. Новиковъ, въ дѣянїяхъ Петра (IX, 460) указываетъ на письмо Петра къ Маріоту, отъ 8 февраля 1723 г., о присылкѣ извѣстія, гдѣ находится корабль, отправленный изъ Генуи съ мраморными стуевами и другими вещами,

ему въ человѣческомъ образѣ. Послѣ этого бѣсы во всемъ прислуживали ему, приносили ему пищу и питье, какихъ онъ ни потребуесть, только не днемъ, а ночью, и ту пищу употреблялъ онъ одинъ; а тѣ бѣсы съ нимъ не ѣдали и не пили. Гдѣ они все это брали, того онъ не знаетъ; думаетъ, что у Вейца. Когда онъ посылалъ ихъ куданибудь съ письмами, или съ словеснымъ порученіемъ, они исполняли все чрезвычайно скоро, почти въ тоже время, какого требовалъ какой разговоръ. Однажды онъ послалъ одного бѣса въ Москву и, давши ему денегъ чотыреста червонцевъ, поручилъ купить себѣ домъ въ приличномъ мѣстѣ. Вечеромъ, въ тотъ же день, Вейцъ выговаривалъ ему, за чѣмъ онъ сдѣлалъ это безъ его доклада, и велѣлъ вызвать бѣса назадъ, чтобъ не ославиться въ здѣшнемъ государствѣ богатствомъ. Вейцъ совѣтовалъ ему лучше поѣхать въ Италію и тамъ жить; а не въ Москвѣ. Если онъ хотѣлъ куда ѣхать, бѣсы приводили къ нему лошадей и людей; только, не доѣзжая до того мѣста, куда нужно, онъ тѣхъ лошадей оставлялъ, а хаживалъ одинъ. Онъ полагаетъ, что въ образѣ лошадей были бѣсы. Въ нѣкоторыхъ дѣлахъ, впрочемъ, власть его надъ бѣсами ограничена была контролемъ Вейца, такъ что бѣсы не иначе исполняли его приказанія, какъ спросившись у Вейца. Кто такой былъ Вейцъ и какъ зовутъ его, не знаетъ; бѣсы называли его княземъ. Разъ, за обѣдомъ у хозяина дома, гдѣ жилъ Зварыкинъ, зашелъ разговоръ о священныхъ предметахъ и пробудилъ въ немъ заснувшую совѣсть. Тотчасъ же послѣ обѣда, онъ пошелъ къ казанской церкви и, встрѣтившись съ священникомъ О. Іаковомъ, объявилъ ему про свое безпокойство и просилъ принять его на покаяніе. Священникъ исповѣдалъ его, положилъ эпитимію, но къ причастію не допустилъ и до самой смерти не велѣлъ причащаться. Возвратившись домой, онъ вынулъ изъ подъ изголовья оставшіеся

червонцы и бросилъ въ отхожее мѣсто. Домохозяинъ и всѣ, съ кѣмъ онъ встрѣчался, видя въ немъ перемѣну, спрашивали его объ его состояніи; онъ всѣмъ отвѣчалъ что нездоровъ; выпросился у графа Сантія въ деревню и скоро отправился. Передъ отъѣздомъ, опять навѣстилъ его священникъ и спрашивалъ, не смущаютъ ли его бѣсы? Григорій сказалъ, что бѣсовъ не видалъ, но что совѣсть не даетъ ему покоя, и просилъ духовнаго отца молиться за него. Въ святки 1725 года, гостили они съ матерью у брата ея, В. И. Каетырева, и жили до масляницы 1726 г. Въ великомъ посту онъ исповѣдался въ своемъ селѣ и объявилъ священнику свой грѣхъ; но, по дѣламъ, отбывши въ Москву, опять сталъ жить по прежнему и, чтобы имѣть успѣхъ между людьми, вырылъ тотъ мешечекъ, что далъ ему слѣпой старикъ; однако пробудившаяся совѣсть напала на него съ ужасною силою, такъ что онъ снова зарылъ мешечекъ, на полѣ за Донскимъ монастыремъ, и, чтобы примириться съ совѣстію, рѣшился вступить въ монашество. Купивши въ ряду чернеческое платье и не сказавшись матери, онъ поѣхалъ, будто на богомодѣ въ Кіевъ, и доѣхавъ до Калуги, встрѣтился съ іеромонахомъ Іоанномъ, который назвался черкашениномъ, монахомъ Богородицкой пустыни, что близъ Путивля, и сказалъ, что ѣдетъ въ Кіевъ. Зварыкинъ поѣхалъ съ нимъ; но дорогой такъ заболѣлъ, что находился при смерти. Въ деревенской избѣ, гдѣ они остановились, Іоаннъ постригъ его въ монашество и назвалъ Георгіемъ. Но въ Сѣвскѣ оставилъ его больнаго, а самъ поѣхалъ въ Кіевъ. Оправившись отъ болѣзни, Георгій сталъ ходить по монастырямъ и проситься на житье; но его нигдѣ не принимали, потому что у него не было ни паспорта, ни указа о постриженіи. Въ мартѣ 1728 года, онъ явился въ московской дикастеріи и просилъ опредѣлить его въ Саровскую или Флорищеву пустынь, гдѣ онъ

бывалъ уже во время своего странствованія. Дикастерія дала ему указъ на жительство во Флорищевой пустыни. Но, не проживши года, онъ выпреспился у строителя Іерооѣя въ Саровскую пустынь и, нашедши тамъ все на пользу души своей, просилъ іеромонаха Іосію (который; за отбытіемъ строителя Іоанна въ Москву, правилъ дѣлами той пустыни) принять его. Іосія согласился. Зварыкинъ оставался тамъ до 1731 г. Въ этомъ году, пріѣхавши въ Москву, принять былъ, по просьбѣ своихъ родственниковъ, духовникомъ императрицы, сергіевскимъ архимандритомъ Варлаамомъ, и жилъ при его кельяхъ нѣсколько мѣсяцевъ, а потомъ опять уѣхалъ въ Саровскую пустынь.

Здѣсь, однакожь, онъ не нашелъ себѣ покоя. Бывши, вскорѣ послѣ того, въ Москвѣ, по монастырскимъ дѣламъ, онъ вспомнилъ о своемъ мешечкѣ, досталъ его изъ земли и взялъ съ собою; но, пришедши въ чувство, объявилъ о томъ своему духовному отцу. Духовный отецъ велѣлъ ему бросить мешечекъ въ рѣку. Но это его не успокоило. Георгій съ грустію вспомнилъ о предложеніи Вейца—дать ему способъ уѣхать въ Италію. Въ это время, взглянувъ въ окно, онъ увидалъ Вейца и старыхъ знакомыхъ бѣсовъ, которые прежде ему прислуживали. Вейць сталъ прельщать его льстивыми словами. Георгій, склонившись на эту приманку, просилъ, чтобъ дали ему способъ уѣхать въ Италію, или возвели его въ почетную монашескую должность. Бѣсы потребовали, чтобы онъ возобновилъ свое отреченіе отъ Христа. Зварыкинъ согласился и хотѣлъ было кощунственно попать икону, но явившійся старецъ возбранилъ ему. Зварыкинъ испугался и упалъ замертво. И много бѣсовскихъ страшилищъ являлось ему, и подолгу бывалъ онъ безъ памяти, и бывали и давили его бѣсы, и съ лѣстницы стаскивали и на воздухъ поднимали. Все это открывалъ онъ на исповѣди отцу своему духовному, Іосію Сам-

лицу; а съ отбытіемъ его (въ окт. 1731 г.) въ Берлюковскую пустынь, другому саровскому іеромонаху, Дороею.

Кто такой Вейцъ, человѣкъ, или діаволъ въ образѣ человека, онъ не знаетъ, потому что, приходя къ нему, онъ никого, ни русскихъ ни иностранцевъ, у него не видывалъ, ни отъ кого объ немъ не слыхивалъ, и ни съ кѣмъ, кромѣ духовника, о немъ не говаривалъ.

Теперь онъ (Георгій) находится въ Москвѣ, съ саровскимъ іеросхимонахомъ Іоанномъ, по монастырскимъ дѣламъ, и, изъявляя о своемъ грѣхопадѣніи, по приказанію отца своего духовнаго, іером. Дороея, просить у ея П. В. милосердія, а у св. синода милостиваго разсужденія, чтобы повелѣно было окончить жизнь въ покаяніи, въ Саровской пустыни, потому что онъ весь дряхлъ и скорбенъ, (хотя ему было не больше двадцати пяти лѣтъ).

Заявившись исключительно *милицескою* стороною своихъ похожденій, Зварыкинъ скрылъ за нею кое что изъ историческихъ воспоминаній.

Тайственное постриженіе въ дорогѣ, въ деревенской избѣ, какимъ-то встрѣченнымъ монахомъ—темное начало темной исторіи Зварыкина. Поступивши потомъ во Флорищеву пустынь, Зварыкинъ жилъ тамъ не долго, перешелъ изъ нея въ Саровскую. Іеросхим. Іоаннъ хотѣлъ прогнать его, видѣлъ, что въ немъ нѣтъ ничего монашескаго: но Іосія удержалъ, польстившись на то, что у него богатые родственники. Изъ Саровской пустыни Зварыкинъ перешелъ въ Новоспасскій монастырь, оттуда въ Борщовскую пустынь, потомъ опять въ Саровскую. Проживши здѣсь нѣсколькое времени, перешелъ въ курскій Знаменскій монастырь, оттуда въ Вязниковскій, наконецъ, опять въ Саровскую пустынь. Выпросившись въ Москву, поступилъ было въ Сергіевъ монастырь, но, соскучившись, опять ушелъ въ Саровскую пустынь, взявши съ собой монаха Сергія, которому

и написалъ фальшивый паспортъ. Это былъ такой же бродяга, какъ Зварыкинъ, какой-то придворный пѣвчій. Зварыкинъ дорогой надѣлъ на него монашеское платье и велѣлъ называться, вмѣсто Степана, Сергіемъ.

Синодальная канцелярія сдѣлала, по показанію его, розыскъ: кто такой слѣпой старикъ и гдѣ находится домъ, въ которомъ жилъ? Но ни дома, ни старика не оказалось на томъ мѣстѣ, гдѣ Зварыкинъ показывалъ. Синод. канцелярія спрашивала у синода, какъ вести это дѣло, которое кажется не маловажнымъ?

Но прежде чѣмъ получено было изъ синода такое или другое рѣшеніе, Зварыкинъ сдѣлалъ новое показаніе. Между бумагами попалась ему одна записка, писанная рукою берлюковскаго іером. Сильвестра, по которой берлюковскій строитель Іосія приказалъ имъ—Сильвестру, ему Зварыкину, іеромонаху Іакову, да монаху Боголѣпу, когда они жили еще въ Саровской пустыни, отправлять церковное правило. Въ этой запискѣ, или въ этомъ правилѣ, послѣ перечня святыхъ угодниковъ, которымъ полагалось по одному или по два земныхъ поклона, велѣно было класть поклонъ св. великому угоднику Божію Тимофею Архиповичу (*). «Те-

(*) Вечернее правило.

Господу Богу три поклона.

Богородицѣ два поклона.

Ангелу хранителю поклонъ. Преподобному Сергію поклонъ. Св. тому великому угоднику Божію Тимофею Архиповичу поклонъ.

Іоанну предтечи поклонъ. Верховнымъ апостоламъ поклонъ. Св. вел. Іоанну Богослову поклонъ. Тремъ святителямъ поклонъ. Николаю поклонъ. Св. прав. богоносцемъ поклонъ. Онуфрію великому поклонъ.

Священном. Харлампію и Власію поклонъ. Св. м. Аенногену поклонъ. Великому Пантелеимону поклонъ. Великомуч. Екатеривѣ поклонъ. Великому Варварѣ поклонъ. Всѣмъ святымъ поклонъ.

О здравіи государевомъ и всея Его Величества фамилин и за весь синклитъ поклонъ.

перѣ приходитъ мнѣ на мысль, показывалъ Зварыкинъ; нѣтъ ли въ этомъ какой противности церкви святой?» Къ этому Зварыкинъ прибавилъ, что названные выше монахи носили, въ шейныхъ крестахъ своихъ, въ воску и въ платныхъ частицахъ власы, называя ихъ святыми мощами великаго угодника Божія Тимофея Архиповича, и образы его у себя имѣл, написанные съ вѣнцомъ на бумагѣ, и писалъ тѣ образы, въ Саровской пустыни, трудникъ бѣлецъ Григорій, живущій нынѣ въ Берлюковской пустынѣ. И я грѣшный клалъ поклонъ по означенному писанію.»

Берлюковская пустынь находится въ московской губерніи въ 40 верстахъ отъ Москвы, лежитъ при рѣкѣ Ворѣ, впадающей въ Клязьму, и со всѣхъ сторонъ окружена лѣсомъ. Въ ту пору, съ которой начинается нашъ разсказъ, строителемъ ея былъ іеромонахъ Іосія, постриженникъ Саровской пустыни. Не прошло еще трехъ лѣтъ, какъ онъ перешелъ изъ Саровской пустыни въ Берлюковскую, взявши съ собой іеромонаховъ Сильвестра и Іакова. Въ Саровской пустыни они жили вмѣстѣ съ Зварыкинымъ, а Іосія кромѣ того былъ духовнымъ отцемъ Зварыкину.

Берлюковскіе монахи, слышавши, что Зварыкинъ за какое-то показаніе содержится въ синодальной канцеляріи, страшно перепугались, не открылъ бы онъ объ нихъ чего нибудь *юднаго къ истязанію*. Всѣ они знали, что живутъ въ страшное время, особенно для монаховъ, — что не было ничего легче, какъ попасть въ Тайную, и нѣтъ ничего

За Синодъ поклонъ. За настоятеля съ братією поклонъ. За духовнаго и наставнаго отцевъ поклонъ.

Богородице Дѣво радуйся, пять кратъ (иже малая) и поклонъ. И ненавидящихъ и обидящихъ.

Потомъ глаголи трижды съ поклонами:

Владычица наша пресв. Богородица, помози намъ другъ ко другу любовь стяжати нелицемѣрною.

труднѣе, какъ выдти изъ нея. А кто Богу не грѣшнѣе, кто бабкѣ не внукѣ, какъ говаривалъ Петръ великій? Въ страхѣ они передумывали и перебирали все, что могло коснуться до нихъ въ этомъ показаніи. Особенно пугали ихъ запрещенныя *тетради о монашество*, которыя они потихоньку списывали и читали въ Саровской пустыни.

Это была страшная вещь не только противъ указовъ, но брань на самые указы. Вотъ какъ было дѣло.

Въ 1724 г., 31 янв., государь императоръ Петръ I далъ синоду указъ, въ которомъ, объяснивши исторически начало монашескаго чина, онъ раздѣлилъ его на ученое и не ученое, и назначилъ каждому изъ этихъ классовъ особливую должность и занятія. Первый классъ составляютъ такіе, которые вступаютъ въ монашество ради уединеннаго житія, по чистой совѣсти. Но такъ какъ имъ, въ нашемъ холодномъ, суровомъ и непроизводительномъ климатѣ, не возможно быть вполнѣ уединенными и подражать жизни древнихъ отшельниковъ, то нужно изыскать способъ, какимъ бы образомъ иной путь предъ Богомъ угодный и предъ людьми не постыдный и неблаженный былъ. Такимъ способомъ богоугодной жизни могло бы быть служеніе престарѣлымъ, увѣчнымъ, больнымъ, отставнымъ солдатамъ, которые не могутъ трудиться, и подкинутымъ младенцамъ. Для этого всѣ монастыри раздѣлить по доходамъ и по ихъ средствамъ, распредѣлить между ними нищихъ и устроить госпитали; которые монахи останутся за числомъ служенія, такимъ отвести монастырскія земли, дабы сами хлѣбъ себѣ промышляли. А когда убылыя мѣста будутъ у служащихъ, то вписывать изъ сихъ, которые съ земли питаются опредѣлены; а на мѣста убылыхъ, кои опредѣлены съ земли питаться, не принимать и не постригать. А когда ужъ пашенныхъ не будетъ, то на убылыя мѣста въ служеніе опредѣленныхъ принимать и постригать.

Равнымъ образомъ содержать и монахинь, оставшихся за числомъ служащихъ, а питаться имъ руководѣиємъ вмѣсто пашни. Также опредѣлить нѣсколько монастырей, гдѣ всѣхъ сиротъ обоего пола принимать и подкидышей, которыхъ и воспитывать, мужскаго до 7 лѣтъ, а потомъ отсылать въ школы,—а женскаго обучать грамотѣ и мастерствамъ—пряжѣ, шитью, плетенью кружевъ и прочимъ.

Ученые монахи выходятъ изъ семинарій (которыя надлежитъ учинить въ двухъ мѣстахъ, въ невскомъ монастырѣ и въ Москвѣ). До исполненія 30 лѣтъ, они должны учить въ томъ же дому дѣтей, въ которомъ сами изучились. По тридцати лѣтахъ, которые похотятъ монашества (ибо иные пойдутъ въ бѣлое священство), тѣхъ принять въ невскій монастырь и три лѣта дать имъ для искуса, содержать ихъ въ послушаніи, да такомъ, которое не весьма бы отучало ихъ отъ книгъ чтенія и прочихъ учительскихъ экзерцицій; ибо тѣмъ, которыхъ производить въ учителя изъ монаховъ, невозможно монашескаго правила всего исполнить, но довольно настоящаго имъ дѣла учиться, а ученымъ исполнять народу ученіе.

Изъ оныхъ монаховъ, трудами, искусствомъ и добронравіемъ достойныхъ явльшихся, избирать въ архимандриты знатныхъ монастырей, также и въ архіереи.

«И что надлежитъ добраго содержанія гошпиталовъ, и ученія сиротъ, лишняго приниманія въ монахи, и кто противъ сего станетъ выходить изъ монастырей, тобъ наблюдали и свѣтскіе градоуправители, дабы все вышеписанное было посему, дабы другъ другу монахи непоминали».

Большая часть русскихъ епископовъ и, можно сказать, всѣ монашествующіе были не довольны этимъ указомъ. Между епископами и по монастырямъ ходилъ глухой ропотъ на это стѣсненіе монашества; всѣ вѣрили въ этомъ Осодосія и Ософана, главныхъ членовъ духовной коллегіи;

говорили, что они хотятъ истребить монашество и ввести лютеранство въ русскую церковь.

При Петрѣ никто не смѣлъ подать голоса противъ новыхъ стѣснительныхъ постановленій. У всѣхъ передъ глазами былъ печальный примѣръ Яворскаго, какъ онъ, бывши мѣстоблюстителемъ патриаршаго престола и потомъ синодальнымъ президентомъ, слѣд первымъ духовнымъ лицомъ въ Россіи, палъ жертвою борьбы съ новыми идеями и ихъ представителями въ церковномъ и гражданскомъ кругу. Послѣ смерти Петра, когда одинъ изъ первыхъ нововводителей палъ, а другой запутался въ интриги и стоялъ на скользкомъ пути, стали раздаваться голоса противъ стѣснительной новизны. При Петрѣ II, защитники старины бодро подняли голову и настояли объ отмѣнѣ многихъ постановленій и распоряженій по духовнымъ дѣламъ, данныхъ въ два прошлыя царствованія. Это то время вызвало на борьбу съ Теофаномъ лице, до сихъ поръ почти неизвѣстное въ нашей исторіи, но имѣющее за собой огромную заслугу передоваго дѣятеля и, можно сказать, вождя оппозиціи реформатскимъ идеямъ, наводившимъ русскую церковь въ началѣ прошлаго столѣтія. Маркелъ Родышевскій былъ товарищемъ Прокоповича по кievской академіи; послѣ того служилъ съ нимъ въ псковской и новгородской епархіяхъ, пользовался его расположеніемъ и довѣріемъ и, наконецъ, сдѣлавши крутой поворотъ въ другую сторону, повелъ сперва тайную, а потомъ и открытую оппозицію Теофану. Въ 1726 году, онъ подалъ въ верховный т. совѣтъ пункты о противностяхъ Теофана Прокоповича и требовалъ суда съ нимъ изъ за общаго дѣла—Вѣры и церкви. Родышевскій и его партія требовали этого съ такой настойчивостію, что Екатерина должна была поручить дѣло разсмотрѣнію совѣта и, наконецъ, объявить Теофану предостереженіе, съ замѣчаніемъ, что государыня прощаетъ

ему только по милости. При Петрѣ II, Родышевскій возобновилъ свое требованіе судиться съ Теофаномъ: его сторону держали синодальные члены—ростовскій архіепископъ Георгій Дашковъ, коломенскій митрополитъ Игнатій Смола и многіе изъ высшаго духовенства и образованнаго свѣтскаго общества. Теофанъ притихъ и выжидалъ лучшаго времени. Смерть Петра дала другой оборотъ дѣлу. Нѣмецкая партія опять взяла перевѣсъ. Родышевскій остался цѣль, не смотря на то, что тайная канцелярія многихъ поприбрала изъ русской партіи.

Не смѣя открыто состязаться съ Теофаномъ, Родышевскій вошелъ въ связь съ однимъ лицомъ, которое пользовалось довѣріемъ государыни и имѣло вліяніе на нее; это былъ духовникъ императрицы, троицкій архимандритъ Варлаамъ. Въ какой мѣрѣ нравственно чиста была эта связь, не было тутъ корыстныхъ видовъ съ той и другой стороны,—всѣ ли средства, которыя они употребляли для своей цѣли были законными, на эти вопросы мы здѣсь не будемъ отвѣчать, оставляя ихъ для своего мѣста. Теперь мы только поясняемъ нашъ рассказъ нѣкоторыми подробностями изъ предъидущихъ главъ нашей исторіи Теофана Прокоповича.

Дѣйствуя подъ покровительствомъ духовника, Родышевскій написалъ возраженіе на извѣстный и названный нами выше указъ о монашествѣ и подалъ Варлааму. Варлаамъ, выждавъ время, представилъ его императрицѣ. Императрица сдала его въ кабинетъ или, что все равно, въ т. канцелярію.

Этимъ путемъ ужъ не первая бумага переходитъ въ т. канцелярію. Тетради Теофилакта съ возраженіемъ противъ мнимаго Будея тоже попали въ т. канцелярію, благодаря услужливости Варлаама.

Кабинетъ спрашивалъ у Родышевскаго, какъ могъ онъ

писать возраженіе, и притомъ бранное, съ укорами на указъ, подписанный государемъ?

Родышевскій отвѣчалъ, что онъ, судя по складу рѣчи, составленъ Теофаномъ; да и самъ Теофанъ говорилъ ему, что онъ составлялъ этотъ указъ.

Кабинетъ потребовалъ у Теофана извѣстія: чьего сочиненія книга: *объявленіе о монашествѣ*? Теофанъ отвѣчалъ:

«Книга — *объявленіе о монашествѣ* есть сочиненія отчасти самаго блаженнаго и вѣчнодостойнаго памяти государя императора Петра I, и отчасти моего. А что дѣлалось тако 1723 года, въ послѣднихъ числахъ ноября, или въ первыхъ—декабря, Его Величество, призывавъ меня въ зимній свой въ С.-Петербургѣ домъ, показалъ отъ себя написанное помянутое о монашествѣ объявленіе. гдѣ были многіе мѣста оставленные пустые и сказалъ, что на оныхъ мѣстахъ надлежитъ вписать изъ книгъ древнихъ свидѣтельства, а намъ де того сдѣлать пельзя, и приказалъ ему архіерею въ выпискахъ тѣхъ потрудиться, такожъ, и чтобы мнѣ архіерею къ опредѣленію прибавить разсудилось, и то приложить. И обѣщавъ сочиненное собою оное объявленіе, съ оставленными мѣстами, прислать въ домъ ко мнѣ и скоро потомъ, иною рукою списанное, чрезъ секретаря Черкасова прислалъ. И по тому Его Величества приказанію выписалъ я свидѣтельства св. отецъ и древнихъ историковъ ко всякой того требующей писанія его величества части. Особливо же о должномъ монашеству трудолюбіи всѣ мои рѣчи, съ учительскими приведенными свидѣтельствами, до оныхъ словъ: по и сія намъ довольны. Такожъ и второе по ономъ объявленіи опредѣленіе, (объ ученыхъ монахахъ) кромѣ начала и окончанія, сочинено мною. И кому не неизвѣстенъ Его Величества штиль или составъ слова, тому и пылъ не трудно познать и разобрать, кои Его Величества рѣчи и кои не его, то есть мои».

Пока въ кабинетѣ и въ т. канцеляріи шли распросы и допросы: кому Родышевскій давалъ читать и списывать эти тетради. вдругъ запретныя тетради являются въ глухихъ пустыняхъ и такъ сказать, сами собою напрашиваются въ т. канцелярію.

У Іосіа сердце чуяло, что его сгубятъ несчастныя тетради. Онъ рвался и метался, какъ рыба, попавшая на крючокъ. Сердце говорило не доброе. Зварыкинъ выдастъ ихъ. Какъ спастись, какъ миновать страшной канцеляріи? Іосіа ужъ не первый годъ живетъ на бѣломъ свѣтѣ. Въ запасахъ его опытности нашелся мудрый, какъ ему показалось. совѣтъ, прежде чѣмъ сдѣлаться отвѣтчикомъ, самому сдѣлать доносъ на своего противника.

Зварыкинъ говорилъ ему на духу, будто онъ хотѣлъ съ своими товарищами извести блаженной памяти Петра перваго: не донести ли объ этомъ, спрашивалъ онъ у Сильверста? «Чего лучше», отвѣчалъ Сильвестръ. Іосіа написалъ доношеніе и поѣхалъ къ Салтыкову для подавія. Но прежде, чѣмъ явиться къ Салтыкову, онъ зашелъ къ князю Ивану Одоевскому, вкладчику берлюковскому, и рассказалъ ему о своемъ намѣреніи. Одоевскій не совѣтовалъ доносить объ этомъ: «на духу сказано и дѣло опасное». Іосіа зашелъ было къ Макарову (бывшему кабинетъ секретарю), но не засталъ его дома, поговорилъ только съ женой: та не нашлась ничево посовѣтовать ему. Такъ это намѣреніе и было покинуто. Взамѣнъ этого, Іосіа рѣшился выдать Зварыкина, какъ чародѣя и безбожника.

Онъ подалъ въ синодальную канцелярію доношеніе, что въ Саровской де пустыни есть бумаги, писанныя рукой Зварыкина о его отреченіи отъ Бога и о покаяніи.

Но какъ ни бились они, какъ ни скрывали роковыхъ тетрадей, несчастныя рукописи всплыли наверхъ, при первыхъ допросахъ.

Синодальная канцелярія сообщила объ этомъ дѣлѣ тайной конторѣ; а контора приказала арестовать Зварыкина, вытребовать изъ Берлюковской пустыни строителя Іосію съ Сильверстомъ, Іаковомъ и Боголѣпомъ, а изъ Саровской — Іоанна; да съ нимъ же взяли бывшего въ Москвѣ саровца іеромонаха Ефрема; наконецъ, по ихъ показаніямъ, взяли еще крестьянъ Ивана и Максима Щелягиныхъ.

Но съ того времени, какъ эти тетради попали въ т. канцелярію, и до того, какъ они явились въ Саровской пустыни, — то есть втеченіи двухъ лѣтъ, много воды утекло. Дѣло Родышевскаго усложнилось до чрезвычайности. Въ него вошло, или точнѣе, къ нему приплетено множество лицъ постороннихъ и бывшихъ съ нимъ и между собою въ какой нибудь случайной связи, но враждебныхъ и противныхъ Θεофану. Частію дѣйствуя въ интересѣ самосохраненія, частію оплачивая старыя обиды, Θεофанъ оцѣнилъ ихъ одной сѣтью, взвелъ на нихъ государственныя преступленія и сдавалъ одного за другимъ въ тайную канцелярію, т. е. въ крѣпость, откуда былъ выходъ только въ Охотскій островъ, въ Камчатку и подобныя пріятныя мѣста, гдѣ хоронили заживо. Въ Саровской и Берлюковской пустыняхъ, безъ сомнѣнія, знали объ этихъ страхахъ. И вотъ въ эту-то сѣть, въ этотъ водоворотъ, въ этотъ омутъ попали теперь саровскіе и берлюковскіе монахи. И никто, и ничто не защититъ васъ, несчастные страдальцы, отъ злобы бездушнаго человѣка! Вы переступили за порогъ, гдѣ нѣтъ ни жалости, ни состраданія. Пошелъ розыскъ. Контора тайной канцеляріи отправила въ саровскую пустынь солдатъ для взятія бумагъ, на которыя указалъ Іосія.

При обыскѣ, въ алтарѣ, подъ поломъ, найдены слѣдующія вещи:

1) Нѣсколько бумагъ, писанныхъ рукой Георгія и за-

ключавшихъ въ себѣ его отрицаніе отъ Бога (въ нѣсколькихъ экземплярахъ) и покаяніе въ отреченіи отъ Бога и данномъ бѣсамъ рукописаніи. Одно изъ этихъ отреченій написано углемъ, другое кровью, для того, какъ показывалъ Георгій, что бѣсы стужали ему о томъ непрестанно, приходя къ нему во образѣ человѣческомъ, а иногда и мучили его, и бивали различно, и онъ, прельстившись, раздавалъ имъ тѣ письма; а они обѣщали ему за то произвести его въ іеромонахи, а потомъ въ архимандриты Новоспасскаго монастыря и сдѣлать его у всѣхъ честнымъ, и славнымъ и любезнымъ, и возвратить ему богатство, о которомъ онъ далъ письмо Петру Петровичу.

2) Разрѣшительное письмо Іосія Георгію во всѣхъ его грѣхахъ. Іосія показалъ, что онъ далъ его Георгію, для того, чтобы онъ не пришелъ въ отчаяніе и не ушелъ изъ пустыни.

3) Тетради, писанныя іером. Сильвестромъ о Георгіѣ Зварыкинѣ, подъ названіемъ: *повѣсть, душеспасительная о бывшихъ ему видѣніяхъ* Іоанна Предтечи и Тимофея Архиповича.

4) Тетради о монашествѣ.

5) Въ кельяхъ строителя Іоанна нашли печатный манифестъ о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, 1718 г., февраля 3 дня, и печатную жъ книгу: правда воли монаршей, 1722 г. август. 17 дня. Іеромонахъ Іоаннъ показалъ, что обѣ книги его—купленные, а не объявилъ о нихъ, гдѣ подлежало по указу, отъ старости своей, въ забвеніи, понеже отъ роду ему близко 70 лѣтъ (ему было 63 года).

На первыхъ порахъ, самымъ важнымъ дѣломъ показались тетради о монашествѣ.

Кто и съ какимъ толкованіемъ читалъ ихъ въ Саровской пустыни? Зварыкинъ показалъ, что въ бытность его, вмѣстѣ съ Сильвестромъ, Іаковомъ и Боголѣпомъ, въ кельяхъ

у Іосіа, оныя Іосіа и Сильвестръ читали при нихъ попеременно тетради о монашествѣ и, прочтя, Іосіа говорилъ имъ: конечно, въ Россіи не подобаеть быть св. синоду, а надлежитъ быть святѣйшему патріарху; а что де вотчины вкладъ въ монастырь давать запрещено, и то де весьма противно волѣ Божіей учинено; а во оныхъ тетрадѣхъ писано только то едио, что Господу Богу вельми угодно и всѣмъ людемъ весьма полезно, и надобно де всякому челоуку за оныя стоять крѣпко, такъ что, ежели какой случай позоветъ, и живота своего не щадить, и ежели кто постраждетъ, то съ мученики причтенъ будетъ. На это всѣ монахи единогласно сказали: «и мы за оныя тетради смерть примемъ». А Іаковъ сказалъ: «дай Боже тому спасеня, кто о семъ попекся и оныя тетради написалъ». «Послѣ, однакожъ, прибавлялъ Зварыкинъ,—я отмыслился, что въ тѣхъ тетрадѣхъ написаны противныя случаи: того ради о томъ и объявилъ».

Бромъ того, въ Саровской пустыни ходили толки, что Родышевскій, сочинивши эти тетради, подалъ Гаврилъ Ивановичу Головкину. Головкинъ, взявши ихъ, выжидалъ время, чтобы подать самой Государышѣ; но такого времени къ подаію скоро не уллучилъ; а Маркелъ архимандритъ докучалъ ему, что медлитъ, и, думая, что Головкинъ его обманываетъ, подкинулъ тетради во дворцѣ. Съ того это дѣло и пошло «Чего же добивался онъ отъ Головкина? Гаврило Ивановичъ намѣреніе имѣлъ, чтобъ устроить тронцаго архим. Варлаама патріархомъ; а его архимандрита сдѣлать крутициемъ митрополитомъ».

Откуда и какъ тетради о монашествѣ попали въ Саровскую пустынь?

Іосіа показалъ, что, въ 1730 г., саровскій строитель Иванъ, бывши въ Москвѣ, прислалъ ихъ оттуда къ нему, съ монахомъ Аарономъ, для списываня и наказалъ, чтобы, какъ

спешутъ, прислать ихъ къ нему поскорѣе назадъ. Іосія, правившій монастыремъ въ отсутствіе Ивана, отдалъ ихъ для списыванія Зварыкину и Сильвестру; а тѣ пригласили съ собой еще іеромонаха Ефрема и іеродіакона Теофилакта. Когда переписка тетрадей кончилась, Іосія, не читая и не смотря, отослалъ ихъ въ Москву, къ помянутому Ивану, съ Аарономъ же, а списки остались у Сильвестра. Послѣ того, когда онъ Іосія собирался въ Москву, Сильвестръ принесъ къ нему списанныя тетради и спрашивалъ: куда де мнѣ дѣть ихъ,—я де вижу въ нихъ не какую пользу, а какую не сказалъ. Іосія отвѣчалъ ему: «для чего ты заранѣе не сказалъ мнѣ объ этомъ? Коли ты видишь въ нихъ какую пользу, положи ихъ куданибудь късторонѣ». Сильвестръ, не сказавши ни слова, принесъ къ нему деревянное дупло и говорилъ, чтобъ онъ Іосія положилъ то дупло гдѣ знаетъ; а въ томъ де дуплѣ письма, а какія—не сказалъ. Іосія, взявши дупло, зарылъ его въ землю въ саровской церкви, въ алтарѣ подъ поломъ, и сдѣлалъ то проста».

Никто изъ переписчиковъ не запырался въ своей работѣ. О чемъ тамъ говорится, спрашивали слѣдователи? «Не знаемъ; помнится, что о монашествѣ». Только Ефремъ прибавилъ: «кажется что то противное». Строитель Іоаннъ также не запырался противъ этого показанія и объявилъ, что онъ взялъ тетради у Ивана и Максима Щелягиныхъ, для чтенія, и смотрѣлъ оныя тетради сначала и въ срединѣ по немногу, а внятно не читалъ и спустя съ недѣлю отослалъ ихъ къ Іосію, а по присылкѣ отъ него, опять отдалъ ихъ Щелягинымъ. Максимъ Щелягинъ показалъ, что онъ давалъ Іоанну тетради о монашествѣ, а ему далъ Маркелъ Родышевскій, тому года съ три или больше, какъ онъ былъ въ Симоновѣ монастырѣ у обѣдни, и послѣ обѣдни, ходя по кельямъ, подавалъ монахамъ милостыню и пришелъ, гдѣ

жилъ оный Родышевскій и подалъ ему милостыню; а Родышевскій, принявъ милостыню, далъ ему означенныя тетради и сказалъ, что «это тетради о монашествѣ; ты ихъ прочти». И тетради онъ Максимъ спроста у него взялъ, и привнесъ домой и положилъ на столѣ, а прочесть не успѣлъ. Этой порой пришелъ къ нему іеромонахъ Іоаннъ просить на монастырскія потребы и увидавъ у него тѣ тетради, спросилъ: какія это тетради? Максимъ отвѣчалъ, какъ говорилъ ему Родышевскій, что это тетради о монашествѣ. Послѣ того строитель сталъ просить ихъ къ себѣ для прочтенія. Максимъ, не говоря ни слова отдалъ ихъ Іоанну, просилъ только возвратить, когда прочтается.

Спросили Родышевскаго: какъ онъ знакомъ со Щелягинъ и гдѣ видѣлся съ нимъ? Родышевскій отвѣчалъ, что видѣлся съ нимъ въ Симоновѣ, у сосланнаго туда изъ Кіева въ 1722 г., іеромонаха Дмитрія. Кто такой этотъ Дмитрій? Родышевскій отвѣчалъ, что онъ родомъ кіевлянинъ, а откуда и по какому дѣлу сосланъ былъ въ Симоновъ, того не знаетъ. Когда онъ бывалъ у того Дмитрія, бывалъ вмѣстѣ съ нимъ и Щелягинъ, а для чего не знаетъ; только слышалъ онъ отъ Максима Щелягина, что къ оному Дмитрію хаживалъ онъ для того, что онъ богоуховный и псствыій мужъ. И потому знакомству бывалъ онъ Максимъ и у него Родышевскаго и разговоры съ нимъ имѣлъ отъ божественнаго писанія. Въ разговорахъ Максимъ спрашивалъ: не сочинилъ ли онъ Родышевскій возраженія противъ двухъ изданныхъ тетрадей о монашествѣ? И когда онъ отвѣчалъ, что сочинилъ, то Максимъ просилъ тѣхъ тетрадей себѣ для прочтенія. Родышевскій велѣлъ сдѣлать для него списокъ симоновскому іеромонаху Клеопѣ.

По справкѣ тайной канцеляріи оказалось, что въ пей ужъ было дѣло о Щелягинныхъ, объ Иванѣ Щелягинѣ.

«Въ» Чтеніяхъ въ московскомъ обществѣ исторіи и древ-

ностей російскихъ», 1862 г., кв. 1, напечатанъ (впрочемъ необстоятельно) современный пасквиль на Теофана, подъ заглавіемъ: о житіи еретика Теофана Прокоповича. Авторъ этого пасквиля оказался келейникъ сергіевскаго архим. Варлаама, іеродіаконъ Іона, впоследствии лишенный сана и въ тайной канцеляріи извѣстный подъ именемъ разстриги Осипа. Этотъ-то Осипъ въ своей повинной показалъ, что у него въ жильѣ вмѣстѣ съ солбинскимъ іеромонахомъ Іаковомъ (*) бывалъ и крестьянинъ Ив. Щелягинъ и читалъ у него извѣстную тетрадь. Да хаживалъ же онъ Щелягинъ и къ Родышевскому, когда тотъ содержался на генеральномъ дворѣ, будто съ милостыней, и у того Родышевскаго соживалъ. Родышевскій, съ своей стороны, объявилъ, что онъ знакомъ съ Ивапомъ Щелягинымъ по брату его Максиму, что онъ былъ у него въ Симоновѣ разъ или два и припасилъ ему въ милостыню сѣтковъ и рыбы.

Кто такой и гдѣ находился іеромонахъ Димитрій, у котораго Родышевскій впадался съ Щелягинымъ? Симоновскій намѣстникъ и экономя показали, что онъ присланъ былъ въ этотъ монастырь изъ св. синода, при указѣ, въ 1722 году, и велѣно ему въ томъ монастырѣ быть до кончины жизни не исходу, гдѣ онъ и былъ; а въ 1729 г., август. 24 дня, убрался со всею келейною рухлядью невѣдомо куда, и нынѣ гдѣ—того не знаютъ.

Коптора тайной канцеляріи донесла обо всемъ этомъ дѣлѣ т. канцелярין; а т. канцелярія 4 апр. 1734 г.) приказала всѣхъ орестованныхъ по этому дѣлу лицъ переслать въ С. Пдтербургъ, потому что ихъ дѣло важное и принадлежитъ къ слѣдованію въ тайной канцеляріи.

(*) Этотъ Іаковъ, по дѣлу Іоны, по кабинетскому опредѣленію, приговоренъ къ вешадному наказанію плетью и къ ссылкѣ въ дальній монастырь, по усмотрѣнію св. синода (Марта 21 дня, 1733 года).

19 мая, Ушаковъ приказалъ секретарю Хрущову доложить кабинетнымъ министрамъ, что при допросахъ привезенныхъ изъ Москвы колодниковъ ему быть не возможно. Не изволятъ ли они присутствовать при оныхъ допросахъ? Остерманъ и Черкасскій отвѣчали, что они согласны и будутъ имѣть присутствіе въ св. синодѣ съ преосвященнымъ повгородскимъ, архіепископомъ Теофаномъ.

На другой день, 20 мая, было первое присутствіе и первые допросы колодниковъ въ св. синодѣ.

Зварыкинъ и Іосія утверждались на своихъ прежнихъ показаніяхъ,—первый только прибавилъ еще нѣсколько подробностей къ своей фантазмагоріи.

«Въ 1724 г., въ бытность его въ С. Петербургѣ, на выборгской сторонѣ, какъ вышелъ онъ на перекрестокъ и говорилъ показанныя (въ прежнихъ допросахъ) слова, явились къ нему два человѣки въ нѣмецкомъ платьѣ и перевели его за Неву, на адмиралтейскую сторону, къ почтовому двору, въ домъ къ иноземцу Вейцу, сухимъ путемъ: а рѣки онъ не видалъ—мерещится ему, будто вели его садами, потому что какъ взяли его тѣ два человѣка, съ той поры ничего онъ въ себѣ не чувствовалъ. И, по приводѣ къ помянутому Вейцу, червонцы, а послѣ того и деньги онъ Вейцъ подлинно ему давалъ; а разговоры, о которыхъ показалъ, говорилъ съ нимъ по русски, а бѣсы говаривали съ нимъ Зварыкинымъ порусски и понѣмецки, потому что онъ понѣмецки говорить умѣетъ. Иногда бѣсы являлись ему въ образѣ медвѣдя и мучили его различно.

Позвали Іосію и спросили:

Кто такой Петръ Петровичъ, о которомъ упоминается въ бумагахъ Зварыкина? Іосія отвѣчалъ: слыхалъ онъ отъ Зварыкина, что Петръ Петровичъ—крестьянинъ Павла Ивановича Ягужинскаго и будучи въ С. Петербургѣ убилъ (шпагою покололъ) человѣка иноземца Маріота; за это

взяли его за моря къ означенному Мариоту, и били, и богатство все у него взяли; а потомъ изъ-за моря онъ опять прѣѣхалъ и былъ въ Ярославѣ въ Толгскомъ монастырѣ; тамъ пристали къ нему бѣсы и возвратили ему богатство больше прежняго. Этотъ Петръ Петровичъ ѣздилъ для торговли въ Сибирь.

Кабинетные министры, слушая эту фантазмагорію, спросили у Зварыкина, не боленъ ли онъ? Зварыкинъ отвѣчалъ, что онъ отъ бѣсовъ былъ мучимъ; была у него также падучая болѣзнь; а больше никакой другой болѣзни онъ въ саровской пустыни не имѣлъ.

И теперь мучатъ его бѣсы? Нѣтъ; прежде мучили, а теперь нѣтъ, отстали съ 1731 г., съ праздника Покрова пресв. Богородицы.

Іосія между тѣмъ упрямо утверждалъ, что въ немъ и теперь бѣсы.

Въ слѣдующихъ допросахъ Зварыкинъ сталъ понемногу сдаваться, выступать изъ своей фантазмагоріи на живую почву. У слѣдователей возникло подозрѣніе: не хитрая ли штука эти бѣсы? Кому и на что они нужны? Зварыкинъ сталъ отъ нихъ отказываться, а Іосія тѣмъ упорнѣе защищалъ ихъ связь.—Однажды, въ допросѣ, спросили о чемъ-то у Іосіи: говорилъ ли онъ это Зварыкину? «Нѣтъ». Какъ же Зварыкинъ это показываетъ на него? Іосія отвѣчалъ, что Зварыкину говорилъ, въ его Іосіевѣ образѣ, чортъ, потому что Зварыкинъ, въ саровской пустыни, будучи у него Іосіи въ кельѣ, бирывалъ зажженную свѣчку и называлъ виноградомъ и кладывалъ себѣ въ ротъ. Спросили у Зварыкина: являлся ли ему бѣсъ въ образѣ Іосіи? Зварыкинъ отвѣчалъ—«нѣтъ, ни въ образѣ Іосіи, ни какого другаго монаха».—Стало быть бѣсы—хитрость Іосіи. На что и для чего они ему нужны? Что онъ хотѣлъ прикрыть ими?—Простирая далѣе свои подозрѣнія, слѣдователи пришли къ мы-

ели, что Зварыкиповы бѣсы — выдумка Іосіа, — что Іосіа научалъ его прикидываться бѣсноватымъ, — что все, что ни показываетъ Зварыкинъ, все это ихъ хитрость, что у нихъ — у Іосіа, Зварыкина и прочихъ сообщниковъ, кроются какіе-то тайные замыслы, изъ — за которыхъ Іосіа и бѣжалъ изъ Саровской пустыни въ Берлюковскую? — Вслѣдствіе этихъ подозрѣній допросы приняли новое направлеіе.

Какъ Самгинъ научалъ Зварыкина показывать на себѣ виды бѣснованія, и когда, и для чего? — спрашивали у колодниковъ.

«Я этого не знаю», — показывалъ одинъ изъ нихъ, іеродіаконъ Боголѣпъ, еще молодой человекъ, постриженный Іосіей и потомъ проклинавшій его за это; — «научалъ ли его Іосіа, я этого не знаю; а какъ онъ бѣсновался, это видалъ. Разъ пошли мы къ правизу, а онъ остался. Послѣ этого онъ намъ, Іосіа — та, келейнымъ братьямъ — та, сказывалъ, што Георгіе — ть повѣсился — база на лутушкѣ; да говорилъ намъ: Богъ ужъ такъ Георгію — та разум — отъ закрылъ, а то бы онъ на перекладѣ повѣсился. А Георгіе — ть и говорилъ: я эта нарошно сдѣлалъ, такъ попытался, а то я видѣлъ перекладу — то. — Разъ Іосіа — то взялъ насъ съ Сергіемъ къ себѣ въ пустыню (за монастыремъ), такъ ли побывать, аль пожить немножко, про это не помню. Въ одинъ день Георгій какъ — то пошелъ за пуждой, да тамъ и остался: такъ его оттуда на силу вытащили, потолокъ выняли, да туды влѣзли, да его подняли дверь отворили и принесли ево въ келью безъ памяти. Такъ Іосіа — то и говоритъ: «не знаю, што съ нимъ дѣлать»; да и пошелъ въ свою келью, а насъ Сергія — та, да меня и оставилъ съ Георгіемъ, сказалъ — я скоро буду, вы ничего не бойтесь. Такъ мы тутъ съ Сергіемъ — та и остались только двоя: ужъ мы такъ отъ него напугались, что помилуй Богъ. Глядимъ, Георгіе — ть ужъ на полу лежитъ, нельзя его

держатъ на лавкѣ—то, всего бросаетъ. Іосія та пришелъ ужъ послѣ вечерень, послѣ правила, и другіе монахи были: и велѣлъ Іосія—та Аркадію требникъ приесть, Георгія—та велѣлъ положить на лавку и сталъ читать молитвы заклинательныя; и какъ читалъ надъ нимъ, такъ онъ все смирно лежалъ, а какъ пересталъ читать, то и кинуло его черезъ голову; такъ Іосія—то и молвилъ: теперича я не знаю, што и дѣлать, видите и молитвы не дѣйствуютъ. Братія-та разошлись по своимъ кельямъ, а мнѣ Іосія-та велѣлъ съ Сергіемъ почевать,—такъ я отъ страха въ келейной чуланъ зашолъ спать. А Іосія-та меня въ полночь и будить: встань Боголѣпъ, пособи Георгія-то въ келью втащить. И въ ту пору я его Іосію-то и спрашиваю: какъ онъ эта, вышелъ штоль? Такъ онъ мнѣ сказывалъ: я, свѣтъ, двери-та крюкомъ заложу, да надъ крюкомъ-та крестнымъ знаменіемъ огражду, такъ бѣсу-та нельзя отворить: такъ онъ Георгія-то навзничъ, заволосы-та, потащить, да его локтями-та и отложить крюка-тъ да въ двери-та на порогъ положить свиною, да пополамъ и ломить,—да такъ-та неоднократно ночью-та стаскивали, Я, почевавши, къ завтрени-сходилъ, а отъ завтрени въ свою келью пришолъ. Всему этому какой конецъ былъ, ужъ не помню. Больше этого я ничего надъ Георгіемъ не видалъ».

Слыхалиль они, будто Зварыкишъ умертвить себя не могъ?

«Я про это не знаю—Георгіетъ-тъ такъ дѣлалъ, али пѣтъ. Только я помню, Іосія-та про него говорилъ, што Георгіетъ всяко хотѣлъ себя умертвить и чуркута (ножь) въ горло совалъ, но Богъ его хранить. Про это Іосія-та какъ началъ и окончалъ, я не помню, и Сильверста-тъ мнѣ сказывалъ такъ-та».

«Сталъ проситца Георгіетъ съ монастыря долой, такъ Іосія-та его уговаривалъ. Нѣтъ таки онъ не послушалъ».

нашолъ съ монастыря долой; ну такъ батюшка-то меня и послалъ за нимъ: такъ я изъ далека за нимъ и смотрю, куды онъ идетъ? Такъ онъ и пошолъ по дорогѣ-та къ мельницѣ; вотъ онъ недошодъ мельницы-та и своротилъ съ дороги-та и пошолъ дальше къ рѣкѣ, а я таки все за нимъ смотрю; вотъ онъ пошолъ туды и пришолъ къ рѣкѣ-та, сѣлъ на берегъ-то, да поги-то и свѣсилъ. Я—та къ нему: отецъ Георгій, што эта ты хошь надъ собой дѣлать? Мы тебѣ не возбранимъ, што хошь надъ собой дѣлай аташедши отъ монастыря, а то вить монастырю безчестье. Онъ меня и послушалъ. Такъ мы съ нимъ платину перешли. У мельницы-та стояли мужики. Я закричалъ: добрыя люди, спасайте миѣ монаха связать, онъ съ ума сошолъ, хочеть утопитца. Такъ они и пособили. Я ему и связалъ руки-то. Да тѣже мужики пособили платину перевести. Такъ онъ миѣ въ лѣсу-та сталъ противитца: такъ я ево повалялъ, да ну его по ногамъ палкой, а самъ приговариваю: будешь ли со мною смирно идти? Да ужъ какъ онъ миѣ взмолитца, такъ я и перестану, стану ево уговаривать. Да такъ-та я съ нимъ и пришолъ въ монастырь».

Пока продолжались допросы, Теофанъ, 4 июня, подалъ въ кабинетъ, на высочайшее имя, разборъ *тетрадей о монашествѣ*.

Обращеніе къ Императрицѣ, при которомъ онъ представляетъ этотъ разборъ, уже показываетъ всю тонкость и тайную цѣль этого разбора.

«При достождномъ моемъ пажайшемъ поклоненіи, одолженъ присяжною вѣрностію, доношу вашему императорскому величеству о слѣдующемъ. Въ недавнопрошедшемъ времени, превосходительный господинъ генералъ Андрей Ивановичъ, чрезъ тайной канцеляріи секретаря Хрущева, сообщилъ миѣ копію книжицы о монашествѣ чернца Маркела Родышевскаго. И хотя я давно о таковой книжицѣ

слышавъ, да еще оной не видѣвъ, и не сумнѣвался о томъ; что въ книжицѣ оной ничего полезнаго и крѣпкаго нѣтъ, по существу моему извѣстію, что тò головка весьма неученая, тупая, пустая, да еще и шаленая, и которой весьма прислушаетъ оное Спасителя нашего слово («еда объемлютъ отъ тернія грозды, или отъ рѣпія смоквы»), однакоже таковой злой въ письмѣ ономъ продерзости, каковую нынѣ вижду, вѣкъ не надѣялся.— Писмо оное явные содержитъ въ себѣ виды и образцы знатнаго неискуства, незнанія, и суесловія. Да то даромъ: инако писать не могъ таковой авторъ. Но, чего я безъ ужаса видѣть не могъ, наполнено оное писмишко нестерпимыхъ ругательствъ и лаевъ на царствовавшихъ въ Россіи, блаженные, и вѣчностойныя памяти, вашего величества предковъ. Славныя и благотворныя ихъ государей нѣкія указы, уставы, узаконенія, явственно порочить, и яко богопротивныя отмечаетъ. А между тѣмъ о монахахъ и монастыряхъ съ такъ безстуднымъ ласкательствомъ пишетъ, что всякъ не неразумный лжесловесіямъ его удивится, развѣ бы кто отъ злобы нарочно слѣпъ быть похотѣлъ. Да и всѣмъ почитай мирскимъ чиномъ приласкивается, не инымъ, воистинну, намѣреніемъ, только чтобъ хуленія его на государей и на ихъ опредѣленіе произносимыя, вѣще простому народу были пріятныя, и подвигнуть бы простыхъ чловѣкъ, а инакче не миролюбныхъ, и раскольщиковъ, къ яростномъ негодовашію. Однимъ словомъ: письмо сіе не ишо что есть, только готовый и нарочитый факель къ зажженію смуты, мятежа и бунта».

Заговоръ, бунтъ, возстаніе—все пошло въ дѣло. Въ объясненіи Феофанъ не скупится на самыя крупныя слова, чтобы уронить и запятнать своего противника въ глазахъ правительства. Шалушъ, плутецъ, дуракъ, чорный богатырь, пьяница—на каждомъ шагу. Вотъ нѣсколько первыхъ по-

равшихся мѣсть изъ этого объясненія, чтобы читатель могъ судить объ образѣ дѣйствій Теофана въ этихъ мрачныхъ областяхъ темнаго времени нашей исторіи.—«Между прочимъ же доказательствъ и сіе написалъ, что монастыри на предградіяхъ великихъ и малыхъ градовъ начались съ самыхъ первыхъ вѣковъ по Христу, якоже увѣдати мощно отъ древнихъ достовѣрныхъ исторій, и историковъ, и лѣтописцевъ, которыхъ ищущіи обрящутъ. Вотъ какой свѣтъ намъ подалъ! Гдѣ жъ то самъ онъ оныя исторіи, и историкъ, и лѣтописцы видѣлъ? Нѣтъ ли гдѣ полно такихъ шниковъ, въ которыхъ и библіотеки имѣются? Не показъ же ни стороны и дороги, куды итти, и гдѣ оныхъ историковъ искать. А то слово въ слово, какъ бы кто сказалъ; много корицы родится въ лѣсахъ, которыхъ ищущіи обрящутъ. Гнусный хвастунъ, нарочно такъ заговорилъ, чтобъ бѣдные разсказовъ его читатели подумали, что писалъ сія великій въ ученіяхъ мужъ, вся древнія книги въ памяти своей вмѣстившій, и таковой книжникъ, иже износитъ отъ сокровища своего новая и ветхая. И не все такъ гаркнулъ: ибо не мало и се годится къ возмущенію простыхъ челоуѣкъ... На присягу нарекаетъ. Невѣрно, де, клятися ни небомъ, ни землею, ни Іерусалимомъ, ни главою своею, кромѣ, ей, ей, ни, ни. А мы и самымъ Богомъ—о лютѣ намъ за сіе,—всегда клянемся, и ротимся зѣло. Которое парѣканіе не повинное было бы, если бы намѣрено было на злой въ народѣ обычай, легкомысленно и безъ всякія нужды клятвеня; но отъ союзниковъ его 1731 года явилось, что господа сіи, знатно чужимъ пѣкипимъ умысламъ служаще, противились присягамъ, которыми подданныи присягаютъ государямъ своимъ. На что мы тогда и разсужденіе о клятвѣ, или присягѣ написали... Ругаетъ уставленный Синодъ, сказуя, что никогда даже доселѣ не бывало такъ, ниже гдѣ либо въ исторіяхъ писано!

Опять мотъ хвастаетъ, подавая вѣдать, будто бы онъ всѣ книги, всѣ исторіи прочелъ. Правда, что о синодальныхъ правительствахъ нигдѣ въ исторіяхъ не написано, да тѣхъ исторіяхъ, которые онъ видѣлъ. Примѣчаютъ же и здѣ надобно, что, какіе онъ здѣ рѣчи написалъ, такіе и въ извѣстномъ пашквилѣ написаны. А если бы онъ столько лгалъ, плуталъ и кралъ, сколько онъ же исторій прочиталъ, то весьма былъ бы добрый человѣкъ...—Похваляетъ чинъ патріаршескій, да такъ скудно и студено, что сами патріархи въ награжденіе таковой чина своего похвалы, осудили бы его на плети и на шелепы и на вѣчную ссылку. Ибо онъ говоритъ первѣе, что самъ Богъ еще въ ветхомъ завѣтѣ узаконилъ патріаршество, разумѣетъ великаго ветхозавѣтнаго архіерея. О какая богословія! слово въ слово, какъ бы кто, потщався показать, что корованъ къ свѣтлomu Воскресенію печенье (по нѣкоmu глухому въ народѣ обычаю) суть прямыя пасхи, какъ ихъ люди простыя называютъ, и что ихъ весьма должны христіаны употреблять, приводилъ бы, на доказательство того, узаконенную отъ Бога въ ветхомъ завѣтѣ пасху...—Приходитъ же мнѣ на помысль, что есть чѣмъ поздравлять государей нашихъ, доселѣ царствовавшихъ, понеже которые доселѣ ни явились высочайшей ихъ власти и чести ругатели, вси были до дна глупы, какъ то и сей враль. Воистинну такъ дѣлается не безъ особливаго Божія смотра. Однакоже, какъ сей, такъ и подобные ему глупцы, не были такъ тупы и темны, чтобъ не вѣдали, коль жестокое злодѣйство, указы государей своихъ презирать, а колми паче порочить, ругать, и отметать. И того ради невозможно было никому надѣяться, чтобъ когда отважился кто нибудь, выскочить на среду съ явными на государей своихъ и на ихъ указы, лаями и укоризнами. А то сей *черный богатырь* дерзостно учинилъ».

Мнѹя самое Теофаново опроверженіе тетрадей о монашествѣ, мы покажемъ какіе выводы сдѣлалъ изъ него Теофанъ, выпишемъ его заключеніе.

«Двое о сихъ разсудить, и другимъ къ разсужденію предложить пужда кажется: 1) откуда бы пришла, и изъ чего родилась толь свирѣпая шалуна сего продерзость? 2) что остается дѣлать, дабы тайный толикаго злодѣйства корень исторгнуть, и выволочъ паружу и силу его изпразднить?»

1) Мнѣніе мое, на первую потребу таковое: что, хотя бездѣльникъ сей и скуденъ въ разсужденіи, однакоже не тако онъ виѣ ума, что могъ въ огонь броситься, наипаче, что по природѣ своей зѣло трусливъ а еще къ тому, не за одну вину подлежащій суду. И потому, самъ онъ собою, по ярости и злобѣ, безъ всякой надежды и упованія, никогда бы на такъ страшное дѣло не отважился. Неслыханная воистинну отвага явственно на государей толь поносительная, да и толь многія враки пространнымъ писмомъ издавать. Сего никто бъ не посмѣлъ и виѣ государства дѣлать, боясь долгихъ рукъ царскихъ, развѣ бы обнадеженъ былъ сильною пѣкою защитою. Отъ чего несумѣнно является, что были пѣкіи прилѣжныя наустители, которые плутца сего къ тому привели, отворяя ему страхъ показаніемъ *новой ппкой, импющей быть перемѣны, новаго въ государство состоянія*, и обнадеживая дурака великимъ высокога чина за таковой его трудъ награжденіемъ. И хотя умные затѣйщики подлинно вѣдали, что сосудъ сей тощъ и слабъ, однакъ то имъ, по ихъ мнѣнію, не помѣшательно къ начинаіямъ своимъ казалось; ибо вѣдая простаго народа немощь, что къ возмущенію его не тотъ силей, кто крѣпко говоритъ, но кто много и дерзко, хотя и безпунто вракаетъ, когда лучшаго къ сторонѣ своей стращаго не надѣялись, судилось имъ за благо и сего

бѣднаго школьника въ биричи употребить. Было, чаю, и то въ разсужденіи ихъ, что гладныя собаки зѣло послушны.

И самъ сей злодѣй, въ сихъ же отъ насъ обличенныхъ плебелахъ своихъ, когда скажетъ, что онъ написалъ оныя отъ всея Церкви, явно показываетъ, что *былъ онъ въ числѣ льюкаго немалочисленнаго сковничества*. Хотя бо и безстыдно лжетъ, якобы именованъ всея Церкви то сдѣлалъ, однакоже, если бы не имѣлъ многихъ товарищей, не могъ бы тако говорить.

Въ сихъ же своихъ писмахъ отвергаетъ Синодъ, въ чемъ себѣ особливой пользы не видитъ. А патриарху быть ревностно приговариваетъ: которой чести себѣ не надѣялся знатно же онъ другимъ пѣкіимъ тако угождаетъ, другихъ или властолюбію, или раздорной похотѣ служить. А роптаніе за отставку чина сего извѣстно и отъ сказокъ разстриги Рѣшилова, и отъ упомянутаго подметнаго письма (котораго овъ же Рѣшиловъ, по несумѣнному моему мнѣнію, авторъ) и отъ допросныхъ рѣчей Рѣшиловыхъ союзниковъ.

І. Мнѣніе мое на вторую потребу состоитъ въ изслѣдованіи совѣтниковъ, указчиковъ и помощниковъ, и другихъ въ дѣлѣ семъ сообщившихся ему, такожъ и нѣкихъ обстоятельствъ, которые къ ясному затѣкѣ показанію надобны».

Тайная канцелярія, разумѣется, испугалась Феофановыхъ представленій. Въ Россіи заговоръ, и какой заговоръ, — обхватилъ всѣ государственныя сословія! А у нея въ рукахъ одинъ только не ясный слѣдъ этого заговора, одинъ лоскутокъ ужаснѣйшихъ тетрадей о монашествѣ!

Въ страхѣ, Т. Канцелярія проситъ Синодъ (11-го іюня) отправить въ Саровскую пустынь достойную вѣроятія духовную персону въ самой крайней скорости, обыскать все

братство и допросить всѣхъ, кто ни есть въ той пустыни, о томъ: не имѣлъ ли кто и понинѣ не имѣетъ ли у себя и не знаетъ ли у кого инаго таковыхъ же о монашествѣ тетрадей и книгъ и прочихъ, съ потребными вымысли написанныхъ писемъ, даваемыхъ или оставленныхъ Іосією, и что по тѣмъ допросамъ покажется, о томъ изслѣдовать; каковыя же о томъ книги, тетради и прочія письменшики явятся, то все отобравъ прислать въ С. Петербургъ въ самой крайней скорости.

По распоряженію Синода, московская дикастерія отправила для этого слѣдованія Колоцкаго можайскаго монастыря игумена Пахомія.

Въ этихъ подозрѣніяхъ заговора, мятежа, бунта тайная канцелярія съ удвоенною горячностію принялась за дѣло.

Всѣ читатели и переписчики тетрадей о монашествѣ стали на ея глазахъ вождами заговора и мятежа, а Саровская и Берлюковская пустыни—пріютами бездѣльниковъ. А потому слѣдствіе приняло новое, горячее направленіе. На другой же день послѣ помянутаго распоряженія, Теофанъ предложилъ Синоду разстричь несчастныхъ Саровцовъ и Берлюковцовъ и передать для истязанія знаменитому кнутмейстеру Ушакову.

«Сего 12 іюня, его преосвященство и высокосіятельные гг. министры, по секретному важному дѣлу, которое слѣдуется ими въ т. канцеляріи о саровскомъ строителѣ Іоаннѣ и берлюковскомъ Іосіи, о монахѣ Георгіѣ Зварыкинѣ, іером. Іаковѣ и монахѣ Сильвестрѣ разсуждали, что изъ тѣхъ плутовъ чернцовъ оные берлюковской пустыни строитель Іосія, яко первый предводитель оному зѣло важному злоковарному дѣлу, и іером. Іаковъ и монахъ Сильвестръ явились въ жестокой важности, о которой значится въ ономъ дѣлѣ (а о прочихъ ихъ винахъ по отвѣтамъ ихъ

не неизвѣстно есть и св. Синоду, понеже допрошиваны оные плуты при св. Синодѣ), и по общемъ разсужденіи предложили, чтобъ снявъ съ нихъ Іосіа, Іакова и Сильвестра священническіе и монашескіе чины, отдать ихъ къ слѣдованію оной злодѣйской важности въ свѣтской судъ».—Синодъ утвердилъ это предложеніе и стали Іосія—Яковомъ Самгинымъ, Іаковъ — Иваномъ Кучинымъ, Сильвестръ—Степаномъ Викторовымъ.

Начался розыскъ о Самгинѣ и Іоаниѣ, что это были за люди, въ какихъ отношеніяхъ были между собою, какихъ людей содержали и постригали, съ кѣмъ знались, — когда и какъ устроены были эти пустыни и по чьему позволенію?

Когда и кѣмъ произведенъ Самгинъ въ берлюковскіе строители?

Потребовали свѣдѣнія изъ московской дикастеріи. Та отвѣчала, что Іосія опредѣленъ въ берлюковскую пустынь по прошенію тамошней братіи, и представила самое прошеніе, подъ которымъ подписались, отъ имени всей братіи, старецъ Іона и монастырскіе вкладчики: Савина Сторожевскаго монастыря архим. Антоній, братъ его ключарь московскаго Благовѣщ. собора Ермолай Яковлевъ, священникъ московской Воскресенской (что въ Барашахъ) церкви Петръ Георгіевъ, вмѣсто дочери своей духовной княгини Марьи Аврамовны Долгоруковой, и московскій купецъ 1-й гильдіи Потапъ Ключевъ.

Допросили вкладчиковъ.

Архим. Антоній показалъ, что Іосіа онъ не знаетъ и вкладчикомъ въ Берлюковскую пустынь не былъ, — развѣ подавалъ что нибудь по просьбѣ чернцовъ, — а подписалъ простотой своей.

Ключарь Ермолай Яковлевъ сначала показалъ, что онъ никакой челобитной не знаетъ и подъ нею не подпи-

сывался; а послѣ сказалъ, что не помнитъ, подписывался или нѣтъ. Купецъ Ключевъ оказался родственникомъ Самгину. Барашевскаго сваяцъ Петра Георгіева, подписавшагося за княжню Долгорукову, на мѣстѣ не нашлось; по розыску оказалось, что онъ самовольно оставилъ свой приходъ и постригся въ берлюковской пустыни въ монашество, и что это постриженіе его уже второе, что онъ еще до женитьбы былъ постриженъ, а потомъ вышелъ въ священники.

Княгиня Марья Долгорукова была вкладчицей Саровской и Берлюковской пустыней, присылала туда разные цѣпныя вещи изъ церковной утвари и каждый годъ четвертей по пятидесяти ржи и яроваго хлѣба, рыбы, масла и пр., изъ своихъ арзамасскихъ вотчинъ, бывшихъ не вдалекѣ отъ Саровской пустыни. Кажется, она была несчастлива въ семейной жизни (*), и потому вдалась въ хажество, ѣздила по монастырямъ, зазывала къ себѣ монаховъ и юродивыхъ, почитала Тимофея Архиповича и хаживала къ нему за совѣтомъ и благословеніемъ. Монахи поддерживали въ ней это расположеніе, равно выгодное для нихъ и для ихъ пустыней.

Во время этихъ допросовъ, четыре берлюковскіе монаха—Никодимъ, Иринархъ, Феодосій и Серафимъ, запуганные слѣдствіемъ, подали въ московскую синодальную канцелярію доношеніе, что они пострижены Іосіею, безъ трехлѣтняго испытанія, а по указомъ или безъ указовъ—того не знаютъ. Синодальная канцелярія рѣшила лишить ихъ монашества и отослать въ прежнія мѣста жительства.

(*) Въ бытность Самгина въ Москвѣ она жаловалась ему, что люди ихъ клеветуютъ на нее мужу въ домовныхъ дѣлахъ, отчего происходитъ между ними раздоръ; да и отъ свойственниковъ своихъ она также ненавидима чрезъ клевету людей.

Все это казалось Синоду очень подозрительнымъ; а потому онъ предписалъ московской синод. канцеляріи допросить все Берлюковское братство и Берлюковскихъ вкладчиковъ о монахахъ, когда и по какому указу кто постриженъ, а о пустыни, когда, и кѣмъ и для чего она основана и какія у ней есть грамоты. Синод. канцелярія назначила слѣдователями Рождественскаго владимірскаго моп. архим. Павла, Срѣтенскаго моп. игумена Евсевія Леонова и совѣтника коллегіи экономіи Ивана Топильскаго. Мы будемъ называть эту комиссію *Берлюковскою комиссією*.

Пока наряжалась эта комиссія, саровскій слѣдователь, Колоцкій игумень Пахомій допросилъ все братство и труженниковъ саровскихъ, пересмотрѣлъ всѣ кельи, обшарилъ всѣ углы, погреба и чердаки, и представилъ въ московскую Синод. канцелярію всѣ письменныя тетради и письма, какія только нашлись. Синод. канцелярія разобрала эти тетради и прислала въ Синодъ тѣ, которыя казались ей подозрительными. Тутъ были: 1) молитва Ангелу хранителю, найденная въ кельяхъ бывшаго строителя Ивана. Въ ней оказалась разица противъ печатной.—Вмѣсто:— *имый самохотльнѣ на всякое плотское возжеленіе*, написано: *имый самохотльнѣ на женскій полъ и на мужескій*. — *Господи помилуй* написано дважды, а не трижды, какъ слѣдовало по уставу.—2) У негожъ найдена тетрадь съ выпискою изъ проповѣдей Теофилакта Лопатиискаго, а на оборотѣ тетради написано: *вспомани душе моя преподобнаго Архиппа*.—3) Письма іеросхим. Іоанна къ братіи изъ С. Петербурга, 15 сент. 1727 г., по случаю извѣстія о болѣзни Іосіи. 4) Четыре письма его же къ М. А. Долгоруковой и три письма къ нему отъ Долгоруковой. 5) Черновое письмо Іосіи къ Долгоруковой.

Оеофанъ, разсмотрѣвши часть этихъ бумагъ, сдалъ ихъ 23 авг. въ Синодъ, съ объявленіемъ, что разсмотрѣтъ

всего не успѣлъ, а нынѣ разсматривать не возможно, потому что отъ нея и. в. повелѣно ему, для нѣкотораго дѣла, имѣть присутствіе съ высокосіятельными господами министрами. А изъ разсмотрѣннаго показуется подозрѣніе по допросу монаха Сергія о чтеніи нѣкихъ тетрадей, что увидя Іосія говорилъ: сіе — де дѣло не твое. И чтобъ изволили то все нынѣ разсмотрѣть и его преосвященству сообщить.

Въ Синодѣ возникло подозрѣніе о книгахъ, тетрадяхъ и письмахъ, которыя удержаны московской Синодальной канцеляріей, подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ не заключаютъ въ себѣ ничего сомнительнаго. «Напримѣръ, одна книга о естествѣ: а каково то естество, не показано; ибо естество довольно. Также о книгѣ, «еже не подобаетъ ясти въ церкви», не значится, съ чего та книга списана? И если изъ книгъ, то разсужденію подлежитъ къ неважности; а ежели отъ себя, или же изъ книгъ, да съ своими непотребными прилоги, то подлежитъ слѣдованію». Синодъ приказалъ всѣ книги прислать въ С. Петербургъ.

II.

Пока слѣдователи занимаются отысканіемъ и разборомъ бумагъ, мы познакоимся съ главными дѣйствующими лицами нашей исторіи.

Что за человекъ былъ Саровскій іеросхимонахъ Іоаннъ?

Въ табели саровскихъ монаховъ 1733 г. объ немъ показано:

Первоначальникъ іеросхимонахъ Іоаннъ, въ мірѣ Иванъ Ѳедоровъ, арзамаскаго уѣзда, села Краснаго, церковнаго дьячка сынъ, отъ рожденія 63 лѣтъ; въ монашество постриженъ и нареченъ Іоанномъ въ прошломъ 1689 году, въ городѣ Арзамасѣ, во Введенскомъ монастырѣ, начальникомъ того монастыря іеромонахомъ Тихономъ, а въ іеро-

монахи посвященъ въ Темниковскій монастырь въ прошломъ 1692 году, въ Москвѣ, преосв. Евѳиміемъ митрополитомъ Сарскимъ и Подонскимъ; а въ Саровской пустыни сталъ жить съ 1709 года, по благословенію правящаго тогда всеросійскій патриаршій престоль, преосв. Стефана, митр. резянскаго и Муромскаго; а изъ Введенскаго монастыря отошолъ онъ въ пустыню ради молвы, что оный монастырь посреди города Арзамаса, и ѣдали въ томъ монастырѣ обще; а во оной пустыни желалъ онъ быть въ уединеніи, ради спасенія души своей. А вышеобъявленной Введенской монастырь, хотя и скудной, токмо не для того во оную пустынь сошолъ, но для вышеозначеннаго безмолвія; и чтобъ сообщить вотчины къ оной пустыни намѣренія онъ не имѣлъ.—Въ 1715 г., бывши въ Москвѣ и весьма заболѣвъ, посхимился онъ отъ прилучившагося тогда въ Москвѣ, Гороховскаго уѣзда, Красногривской пустыни строителя іеромонаха Макарія; а въ прошломъ 1731 году, чувствуя въ себѣ изнеможеніе, просилъ въ духовной дикастеріи опредѣлить на свое мѣсто въ строители другаго; и по тому его прошенію опредѣленъ строителемъ другою, и тому новоопредѣленному строителю всякое въ оной Саровской пустыни правленіе велѣно имѣть съ согласія съ нимъ Іоанномъ. Какія послушанія несетъ? Уставъ содержитъ и находится въ разныхъ трудѣхъ. Изъ руководлій ланги плететь и лѣстовки дѣлаеть.

О характерѣ его показанія различны. Іосія называлъ его человекомъ нравнымъ. Іеромонахъ Ефремъ Короткой, державшійся вмѣстѣ съ нимъ въ Т. Кацеляріи, показалъ: «означенный строитель Иванъ мнитя мнѣ состоятія не коварнаго, только начальства надъ монастыремъ крѣпко держался, и того желателенъ, чтобъ ему въ его дѣлахъ, что ему захочется, дѣлать, хотя бы не на потребу обители; а чтобъ его любили, того желателенъ; въ вещахъ, какъ-то

въ книгахъ и въ другихъ, которыя при себѣ имѣеть. въ тѣхъ братіи не податливъ; нравъ имѣеть, мнится мнѣ, тяжелый».

О пустыни самъ первоначальникъ показалъ, что «она основана по благословенію м. Стефана и получила уставную грамоту; а монастырь построенъ на землѣ помѣщичьей, которая дана тому помѣщику изъ порожнихъ земель въ 705 году; а потомъ явилась та земля истцовая Темниковскихъ татаръ многихъ людей. Истцы стали землю оттягивать, чтобы монастырю на ней не быть. И я билъ челомъ, въ 1727 г., въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, а въ 1728 г. въ Москвѣ въ правит. Сенатѣ, и въ 1730 г. пожаловали имъ тѣ земли». Во время этого процесса у него бывали частыя ссоры съ Іосіей. Іосія говорилъ: ты-де татаромъ много денегъ даешь, а пути въ томъ мало будетъ; но я—говоритъ Иванъ—его не слушалъ, и было у насъ не малое распрѣніе.

Зварыкинъ показалъ, что Иванъ вырылъ въ пустынѣ пещеру глубины до ста сажень и въ ней устроилъ церковь: и онъ Зварыкинъ, бывши діакономъ, служивалъ въ пей; но какъ она стала ветха, то м. Стефанъ велѣлъ зарыть ее. Ефремъ показалъ, что «Иванъ вырылъ пещеру безъ всякой для монастыря нужды, чтобы отъ людей та пещера прославлялась; а потомъ, вѣрно запугавшись Синода, велѣлъ зарыть. Онъ же Иванъ выпросилъ грамоту на отправление въ первую недѣлю поста непрестаннаго пѣнія, по чину обители неусыпающихъ, которое и правилось до настанія св. Синода, а потомъ оставлено. И я съ начала моего къ нимъ пришествія какъ заваленіе пещеры, такъ и оставленіе неусыпающаго пѣнія полагалъ за просто, а потомъ, рассуждая, причиталъ къ каварству того ради, что когда не видѣли, тогда правили, а когда усмотрѣли, то оставили, а оставлено того ради, чтобы не при-

нять отъ св. Синода какого истязанія за такую необыкновенную въ Россіи вещь».

Іоаннъ пріобрѣлъ многихъ вкладчиковъ своей пустыни изъ высшаго круга и, во время хожденія по дѣламъ, пользовался ихъ совѣтами и помощію. Въ числѣ этихъ лицъ были: С. И. Путятинъ, князь Вас. Вас. Долгорукій, графъ Матвѣевъ и его супруга, С. Т. Кишкинъ, С. И. Соловцовъ, Л. В. Кошкаревъ, У. М. Новосильцова, князь Одоевскій и много другихъ. — Іоаннъ признался, что многихъ постригалъ безъ указа и въ противность правиламъ, *простотой своей*. Слѣдователи думали, что онъ дѣлалъ это для выгодъ пустыни и спрашивали: великиль были вклады? Іоаннъ отвѣчалъ—«самые не значительные: всего набралось серебряныхъ рублевыхъ монетъ и мелкихъ себреныхъ денегъ больше двухъ сотъ рублей, да червонныхъ золотыхъ двухрублевыхъ болѣе двадцати, а сколько подлинно того не упомянуть; придворный, жившій при домѣ блаженной памяти царицы Маріи Алексѣевны, Ѳедоръ (въ мон. Ѳеофилактъ) Журавскій при постриженіи далъ вкладомъ два слитка серебра, вѣсомъ, напри- мѣръ, фунта съ два и больше, а подлинно не упомянуть. Да отъ разныхъ чиновъ людей даваны были для привѣсу въ образамъ серебряные кресты, серги, перстни, а сколько—того числомъ не упомянуть. И всѣ эти вклады депыгами, слитками и вещами, положены были имъ въ небольшіе холщевые мешечки порознь, а во сколько того не упомянуть.—и хранилъ ихъ Иванъ въ кельѣ у себя, дабы о томъ, сколько означеннаго имѣется, никто не зналъ, чтобы де не провнеслось кому, потому что боялся онъ отъ разбойниковъ пограбленія, такъ какъ въ прошломъ 1714 году, въ осеннее время, пріѣзжали въ Саровскую пустынь разбойники человекъ болѣе десяти, съ какого случая того не знаетъ и, по пріѣздѣ, всѣхъ монаховъ, въ томъ числѣ

и его Ивана, связали, и били и зажегчи лучину, обнажа іеромонаховъ Дорофея и Іуста, жгли огнемъ, и сколько тогда монастырскихъ вещей было, все побрали.—Въ прошломъ 1733 году, при отъѣздѣ своемъ изъ Саровской пустыни въ Москву, за монастырскими нуждами, всѣ означенныя вещи онъ положилъ въ той пустыни въ пустой кельѣ, поднявъ изнутри потолочную доску, на потолокъ, надъ которымъ сверху имѣется другой потолокъ, а на срединѣ, или въ углу оное положилъ, того не упомнить».

Какія отношенія были у него съ Іосіей? Какая связь, какіе общіе интересы соединяли ихъ между собою?

На допросахъ Іосія показалъ, что онъ родомъ изъ Елатьмы, купеческій сынъ и при рожденіи названъ Яковомъ. Отецъ его переселился изъ Елатьмы въ Москву и приписался къ московской Кадашевской слободѣ; девятнадцати лѣтъ, съ согласія отца, онъ удалился въ Саровскую пустынь и въ 1708 г. постриженъ въ ней въ монашество; а въ 1716 г., по ходатайству и по благословенію м. Стефана, посвященъ въ іеромонахи.

Характеръ его описалъ Ефремъ въ своемъ показаніи. «Іосія имѣеть состояніе мнѣ льстивое: слово гладко, поклоны низки; каварства скоро въ немъ признать немощно, потому что ежели хотя и мало усмотритъ человѣка, кто куда склоненъ, то такъ и угождаетъ; а ктобъ дѣлъ его, какія бы онъ удумавши дѣлалъ, не зазиралъ, тѣ ему пріятны. Такъ онъ обманулъ и Іоанна».

Какъ былъ привязанъ къ нему Саровскій первоначальникъ, можно судить по письму его къ саровской братіи, извѣстившей его въ С. Петербургѣ, 1727 году, о тяжелой болѣзни Іосія. Іоаннъ не находитъ довольно самыхъ нѣжныхъ словъ, чтобы выразить свою любовь и всю горестъ утраты, которой онъ опасался. «Получили мы отъ васъ, чрезъ письмо ваше, вѣдомость о крайней болѣзни Іосія,

которая попремногу даже до смерти душу мою возмутила и премногимъ сокрушеніемъ сердце мое уязвила. И кто нынѣ дастъ главѣ моей воду, да плачуся онаго моего возлюбленнаго и дражайшаго сына разлученія, его же Духъ святыи пашей обителя породилъ, въ которомъ я недостойный въ старости своей покою и при смерти утѣшенію быти надѣялся. и се за моя безмѣрная согрѣшенія лишаюся сего. О посѣщенія Божія за моя прегрѣшенія! Еще бо отъ безмѣрныхъ скорбей моихъ и печалей душевныхъ не отру слезъ своихъ, абіе еще сугубая лютѣйшая явилась. Не получивши трудомъ моимъ желаемого покою, се дражайшаго и любезнѣйшаго сына моего, въ которомъ воли имѣлося желаемое получить, се скоро въ пребезмѣрномъ преогорченіи сего лишень хочу быти.

Довольно бѣ было къ моей немощи и старости, какъ бы ни восхотѣлъ Богъ скончати мнѣ къ покою немощи моей душевной и тѣлесной, скончати сей настоящій трудъ и покой себѣ воспріяти; но изволися Богу отнимати и зракъ очію моего отъ мене—онаго дражайшаго моего сына.

О кто не познаеть здѣ на мнѣ грѣшномъ пришедшаго гнѣва Божія, толь вреднымъ отъятіемъ аки бы уже нынѣ духъ отъемлющаго.

О сыне мой, сыне дражайшій мой, сыне Іосіе, души моей грѣшной утѣшеніе, немощи моей и старости твердый жезлъ, безмѣрнымъ моимъ душевнымъ скорбемъ и печалемъ утѣшеніе, трудомъ моимъ покой и крѣпкое подтвержденіе. Не терпите бо нынѣ во мнѣ духъ мой и утроба моя твоего отъ мене разлученія.

И кто нынѣ дастъ мнѣ крилѣ, да полещу и въ часъ сей къ тебѣ предстану и увидѣвъ персональнѣ, дабы хотя обрѣлъ ты обლობызалъ ты, хотя оный единъ часъ, духовно; но здѣ ради труднаго и зѣло продолженнаго и прискорб-

наго мнѣ настоящаго пути, не видѣвъ тя, по премногу жалостно съ тобою приѣмлю разлученіе.

Но вы дражайшіи и возлюбленніи мои отцы и братія, — аще по волѣ Божіей за моя прегрѣшенія не благоволятъ Богъ его нынѣ въ живыхъ увидѣть, — вы отецъ Дороеей и вся братія, до нашего къ вамъ въ монастырь прибытія, тѣла его не погрѣбайте, но, по отпѣтіи въ церкви надъ тѣломъ его паханиды, хотя гдѣ въ землѣ у церкви, но въ знаменитомъ мѣстѣ и пристойномъ ископайте пещеру, изъ которой возможноу гробъ его паки вынуть, понеже, аще благоволятъ Богъ въ обитель намъ возвратиться, то купно предадимъ погребенію тѣло его».

Іосія, однакожь, не умеръ — на горе Іоанна.

Слѣдователямъ показалось подозрительнымъ распоряженіе Іоанна о погребеніи Іосіи въ случаѣ его смерти. Іоаннъ показалъ, что онъ написалъ все это жалѣя его, потому что былъ состоянія добраго и желалъ тѣло его погребенію предать по пріѣздѣ своемъ, дабы послѣдній ему долгъ отдать, а не въ другой какой силѣ о томъ писалъ, и не ради какого прославленія, и не думалъ въ погребеніи или въ другомъ чемъ учинить важную каковую отмѣну; а что въ знатномъ и пристойномъ мѣстѣ ископать пещеру писалъ онъ, того ради, чтобы по пріѣздѣ въ Саровскую пустынь удобно было скорѣе сыскать, гдѣ погребено будетъ его тѣло.

Въ 1732 г. Іоаннъ отпустилъ его съ заручной отъ братіи въ пустынную келью, за труды его, ради упокоенія, и при немъ іеромонаха Іакова. Келья эта бы а въ лѣсу, верстахъ въ 4-хъ отъ монастыря. Іосія, слышно было, хотѣлъ востроить тамъ церковь, а для чего, — показывалъ Ефремъ. — того не знаю.

Тамъ въ кельѣ, въ лѣсу, онъ постригъ Боголѣпа, еще въ молодыхъ лѣтахъ. Ефремъ не одобрялъ этого и ую-

рягъ за это Юсію. Самгинъ очень обидѣлся за то на Ефрема и сталъ попрекать ему: «ну не зналъ я про тебя по се число, каковъ ты; только ты вотъ что распоролъ мнѣ»— а самъ по брюху своему рукою поволокъ: «Я услышалъ это отъ него и больше съ нимъ говорить не сталъ, и хотѣлъ изъ монастыря выдти, а онъ Юсію свѣдавъ про это, уговорилъ меня, чтобъ я изъ монастыря не выходилъ, а для чего уговорилъ, о томъ слышалъ я ужъ послѣ отъ Зварыкина. Юсію говорилъ ему: надобно—де какъ можно уговорить Ефрема, чтобъ онъ не выходилъ, а ежели—де выйдетъ, неравно придетъ къ Питириму, и архіерей его спросить: за чѣмъ изъ Саровской пустыни вышелъ, и онъ де тую вину на насъ укажетъ, что мы постригли Боголѣпа въ кельѣ».—Юсію постригалъ и многихъ другихъ безъ разбору.

Юаннъ ропталъ за это на Юсію и сталъ—было унимать его, но Юсію началъ ему грозить: «ты де словно какъ кошка лапою медвѣдя задираешь, а какъ медвѣдь тотъ оборотяся да давнетъ тебя, и духъ твой не попахнетъ».

Что заставило его выдти изъ Саровской пустыни? Не опасался ли онъ какого нибудь не малаго дѣла,—опрашивали слѣдователи?

«Я этого не знаю, какой ради причины Юсію—та въ Москву поѣхалъ», отвѣчаетъ нашъ правдивый докладчикъ Боголѣпъ;» только я отъ него слышалъ, што ѣхать хотеть за нуждами церковными. Да пришла грамотка отъ священника Барашевскаго, Петра Георгіева, што нынѣча монахомъ Пахоміемъ; а пишетъ въ грамоткѣ-та: пожалуста братюшка пріѣдь, нужда до тебя случилась. Такъ онъ и поѣхалъ въ Москву». Сидѣла допоздна показаніе Боголѣпа. «Братія, говорилъ онъ, недовольные пустынножительствою Юсію, позвали его на соборъ и требовали объясненія: для чего онъ ушелъ въ пустынную келью?»

Юсія отвѣчалъ, что онъ пошолъ съ благословенія Строителя. Іоаннъ что-то замыслился на счетъ своего благословенія; пошли ссоры. Юсія собралъ вокругъ себя партію и предложилъ смѣнить Ивана и выбрать на его мѣсто другого строителя. Выборъ ихъ упалъ на іеромонаха Ирinarха. Зварыкинъ, или кто-то другой, написалъ объ немъ челобитную. Тѣмъ временемъ пришло письмо отъ Барашовскаго попа и Самгинъ, не кончивъ дѣла, уѣхалъ въ Москву. Съ нимъ поѣхали Іаковъ и Зварыкинъ. Проводивши ихъ до Арзамаса, Зварыкинъ вернулся въ пустынь и сталъ разглашать, что Юсія поѣхалъ просить другаго строителя. Иванъ съ братіей, боясь, чтобы не дали имъ посторонняго, выбрали въ строителя іером. Дорооея Замятнина, одного изъ первыхъ постриженниковъ Саровской пустыни, и послали въ Москву Зварыкина съ іером. Ефремомъ бить челомъ дух. дикастеріи, чтобы утвердили строителемъ Дорооея и не дали посторонняго.

Боголѣпъ рассказывалъ какъ происходилъ этотъ выборъ.

«Какъ Юсія-та поѣхалъ въ Москву, а Иванъ-то сталъ вмѣсто себя выбирать въ строители и выбралъ Дорооея, а въ томъ-та стало несогласье. Одни говорятъ: хорошолъ ты батюшка здѣлалъ, опъ ужъ старикъ; а другіе говорятъ: это не ладно, что безъ-управителя выбираешь вмѣсто себя въ строители. И стали одни къ челобитной руки прикладывать, а иные не прикладывали. И я на нихъ глядючи не приложилъ руки къ челобитной, — а они за то меня выслали изъ монастыря, и я поѣхалъ въ Москву. Выслали тоже и Сильвестра. А послѣ не помню, сколько недѣль прошло, я опять пріѣхалъ въ Арзамасъ. Тутъ я не помню, ночевалъ ли, али нѣтъ, — анъ и Сильвестръ въ Арзамасѣ. И пришолъ ко мнѣ, да мнѣ и сказываетъ: я дескать умонастыря-та былъ, да меня не пустили: такъ я съ нимъ и поѣхалъ въ Москву. Пріѣхали мы къ Юсіи — та, онъ въ

тѣ поры жилъ у Барашовскаго попа. А тутъ ужъ не помню, какъ его опредѣлили въ строители-та». Самгину не понравилось, что безъ его совѣту выбрали игумена. Онъ сталъ подумывать, куда бы выдти изъ Саровской пустыни. Барашовскій священникъ, у котораго онъ останавливался, предложилъ ему Берлюковское строительство и вызвался хлопотать за него передъ братствомъ и въ дьякстеріи. Въ Саровской пустыни ничего этого не знали; только спустя нѣсколько времени стало слышно, что Іосія опредѣленъ Берлюковскимъ строителемъ. Съ нимъ перешли выгнанные изъ Саровской пустыни—Іаковъ, Боголѣпъ и Сильвестръ.

Несмотря на всѣ эти показанія выходъ Іосіа изъ Саровской пустыни казался подозрительнымъ.

Феофанъ узналъ у кого-то изъ подсудимыхъ, что Іосія, уѣхавши изъ Саровской пустыни, жилъ нѣсколько времени въ Чудовѣ монастырѣ, гдѣ былъ архимандритомъ въ ту пору извѣстный грекъ Евѣимій Коleti. Нашлись и улики въ сношеніяхъ его съ Евѣиміемъ. Іосія писалъ изъ Чудова письмо къ какой-то вдовѣ Акулинѣ въ Арзамасъ, въ которомъ увѣдомлялъ ея, что Евѣимій принялъ его благосклонно. По слѣдствію оказалось, что Акулища Борисова, вдова московскаго купца Рукавкина, жила въ арзамаскомъ дѣвичьемъ монастырѣ и была духовной дочерью Іосіа. Послѣдній, зная про знакомство ея съ Евѣиміемъ, просилъ ея написать Евѣимію, чтобы онъ позволилъ Іосіа пожить въ Чудовомъ монастырѣ. Евѣимій согласился. Пріѣхавши въ Москву Іосія и былъ у Евѣимія: тотъ показался ему благосклоненъ и позволилъ жить въ Чудовѣ. Іосія однакожь не жилъ въ Чудовѣ за тѣснотою, а токмо бывалъ за обѣднею. Какія заключенія Феофанъ сдѣлалъ изъ этого, мы сейчасъ увидимъ; а теперь обратимся пока къ таин-

ственному лицу Тимоея Архиповича, который ужь не разъ встрѣчался намъ въ этой исторіи.

Что за лицо былъ этотъ Тимоей Архиповичъ? Самгинъ показалъ, что Тимоея Арх. почиталъ онъ за святаго угодника, за его прозорливость. «Въ бытность его въ Москвѣ въ одно время, онъ Самгинъ обѣдалъ — а у кого не помнить, — и ради стыда ѣлъ мало, хотя и думалъ, что это грѣшечество къ лицемѣрству. Послѣ обѣда пришолъ къ Т. А. и говорилъ ему: батюшка, помолись. И на то онъ Тимоей сказалъ: вы — де лицемѣры и бранишь де матерно. Въ другой разъ онъ пришелъ къ нему съ Зварыкинымъ для совѣту въ томъ, что Зварыкина одолевало отчаяніе, и по приходѣ говорилъ онъ Тимоею: батюшка помолись о насъ, мы побѣждены отчаяніемъ; а паче сей человекъ. И на то онъ Тимоей сказалъ: старикъ, лишняго не говори. О чемъ онъ мыслию своею разсудилъ, что о себѣ неправду тому Тимоею сказалъ, якобы онъ общесъ Зварыкинымъ въ отчаяніи, на что Тимоей и сказалъ ему: лишняго не говори. Послѣ этихъ словъ, Тимоей, взглянувъ на Зварыкина говорилъ ему: подвинься ко мнѣ. И когда тотъ подошолъ, Тимоей спросилъ его: заповѣди де ты знаешь ли — не убій, не украдь и прочее показанное въ заповѣдяхъ? И пзобразя правою своею рукою триперстное сложеніе, сталъ того Зварыкина крестить и притомъ говорилъ: Богъ проститъ вся твоя согрѣшенія; и перекрестя трижды говорилъ же: буди совокупленъ Отцу и Сыну и св. Духу, Троицѣ единосущной. И послѣ того онъ Тимоей закричавъ громко сказалъ: не крадь. А кому то сказалъ и для чего, того онъ Самгинъ не знаетъ. Зварыкинъ, идя отъ него, дорогою разсказывалъ Юсѣи: какъ де онъ Тимоей рукою своею крестнымъ знаменіемъ его ограждалъ, тогда онъ Зварыкинъ мыслию своего сказалъ: Господи Ісусе Христе, молитвами раба твоего св. Тимо-

ося Арх. помилуй меня грѣшнаго. Въ эту-то пору Тимоѳею и закричалъ: не крадь; и потому онъ Зварыкинъ узналъ, что Тимоѳею обличилъ совѣсть его.

Послѣ того, въ бытность въ Саровской пустынѣ, Самгинъ навѣстилъ однажды Зварыкина и тотъ сказалъ ему: согрѣшилъ я, отъ Бога отвергся и рукописаніе бѣсамъ далъ, и хотѣлъ—де образъ Богородицы и животворящій крестъ потоптать и поплевать, а въ то время, какъ это въ мысляхъ своихъ содержалъ, явился ему Зварыкину Т. А. и закричалъ на него: врагъ Божій, покинь и не дѣлай этого. И почиталъ онъ Самгинъ Т. А. наипаче за святаго и за великаго угодника Божія. — А оной Тимоѳею какого чину былъ, того онъ Самгинъ не знаетъ; только слышалъ онъ, что былъ иконописцемъ и скончался въ 1731 г., въ маѣ мѣсяцѣ, и погребенъ въ Чудовѣ монастырѣ, о чемъ и надпись есть на стѣнѣ. И по той надписи еще больше почиталъ его за святаго, и какъ по смерти, такъ еще и при жизни его, когда ставалъ на молитвѣ предъ св. иконами, и тогда призывалъ въ помощь себѣ и онаго Тимоѳею и персонѣ его (*), которая у него въ кельѣ имѣлась, клалъ поклонны, какъ предъ св. иконами.

(*) Исторія этой персоны слѣдующая: когда Іосія былъ еще въ Саровской пустынѣ, то просилъ княжву Долгорукову, чтобъ она прислала къ нему, какъ можно, списокъ персоны Тимоѳею, которую она написавъ и послала къ нему въ 1739 г., по зимѣ. А какъ онъ Іосія перешолъ въ Берлюковскую пустыню, то сталъ просить княгиню, чтобы она приказала отдать ему персону изъ Саровской пустыни, которая и прислалана была къ ней княгинѣ въ домъ. Между тѣмъ Саровскій іеромонахъ Іоаннъ просилъ, чтобъ эту персону оставить у нихъ и не отдавать Іосію. Духовникъ Долгоруковой, свщ. Петръ, желая угодить той и другой сторонѣ, подлинную персону отослалъ, въ сентябрѣ 1732 г., въ Саровскую пустыню, гдѣ намѣренъ былъ постричься, а для Іосія снялъ копию. — Случилось, однакожъ, что священникъ по причинѣ тяжкой болѣзни не могъ ѣхать въ Саровскую пустыню, а поѣхалъ въ Берлюковскую—и съезъ туда копию. Іосія, смотря на нее, спросилъ: что ей сдѣлалось и та ли де она пер-

Припомнилъ онъ, что и другимъ имѣющимся въ Саровской пустынѣ монахамъ, а именно Ісаи, Зварыкину и прочимъ, тому Тимоѣю молитвы приносить и поклоны класть онъ приказывалъ. А іерод. Боголѣпъ, да разстрига Иванъ Кучицъ, Степаиъ Викторовъ и Зварыкицъ носили по приказу его, въ частицахъ платныхъ и въ воску въ крестахъ, волосы Тимоѣя Архиповича, вмѣняя ихъ за мощи святыхъ; а волосы эти даны ему отъ Тимоѣя по прошенію его, а стригъ ихъ съ головы и бороды ножницами жившій при немъ служитель» (*).

Вѣра Самгина въ святость Тимоѣя Ар-ча прошла чрезъ испытанія и сомнѣнія.

«Знать его онъ началъ съ того случая, какъ онъ былъ однажды въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ за обѣдню; вмѣстѣ съ нимъ въ той церкви былъ строитель московской Богословской пустыни, іером. Петръ и указавъ на стоящаго тутъ не знамо какого человѣка, который стоялъ яко изумленный, говорилъ ему Самгину: много де таковыхъ есть покровенныхъ рабовъ Божіихъ. Я—де знаю юродиваго Т. А., который совѣсти человѣческія знаетъ. Самгинъ просилъ довести его къ Т. А. И послѣ обѣдни строитель Петръ съ нимъ Самгинымъ пошли на мясницкую улицу въ домъ князя Меншикова, гдѣ жилъ оный Тимоѣй. По приходѣ ихъ, служитель Т. А. сказалъ имъ, что ему не время.—Спустя нѣсколько времени, Самгинъ пришолъ одинъ.

сова? Пахомій отвѣчалъ (солгалъ), что подлинная, только какъ олифиль ее мастеръ, въ то время она упала на землю и повредилась. Іосіа успокоился. (Показаніе Пахомія, 16 сентября 1734).

(*) По осмотру у Іакова и Боголѣпа въ крестахъ, которые на нихъ были, явился задѣланъ воскъ, а въ воску залѣплено волосовъ повѣскольку, видомъ сѣдые. Въ допросахъ оба показали, что носить ихъ изъ уваженія къ памяти Тимоѣя, а не для волшебства какова.

Т. А. лежалъ на постелѣ, безъ всякихъ разговоровъ. Говорилъ ему Самгинъ, Т. Архиповичу, неоднократно: батюшка, помолись обо мнѣ грѣшномъ. И на то онъ Т. ничего ему Самгину не сказалъ, токмо, не знамо для чего, обѣими руками своими вертѣлъ около головы подушку и носящей на себѣ крестъ. И тогда стоящіе при немъ служители говорили ему объ немъ Самгинѣ неоднократно: батюшка, скажи отцу, что на пользу. И онъ на тѣ слова говорилъ: «дайте—де срокъ», а большаго ни о чемъ не говорилъ. Съ тѣмъ Самгинъ и ушелъ, держа въ мысли, что напрасно онаго Тимоея святымъ называютъ и прельщаются.

Послѣ того былъ у Т. А. съ монахомъ Саровской пустыни Аркадіемъ, который очень того Т. похвалялъ и говорилъ, что онъ провидецъ, кому де что скажетъ то де и сбудется. Но приходѣ ихъ въ домъ, гдѣ оной Тим. жилъ, ночью, только еще съ вечера (понеже до того слыхалъ онъ, что къ оному Т. пускать не велѣно, а для чего не знаетъ) послали служителя—что времяль къ нему притить. И оной служитель къ тому Тимоею ходилъ и возвратясь сказалъ имъ, что оной Т. пьянъ, и кричитъ и не даетъ никому къ себѣ приступить, зная де что дѣвушки его напоили.—Помѣшкавъ часа съ два, послали опять; служитель сказалъ, чтобъ шли. По приходѣ ихъ, Т. сказалъ Самгину: садись отецъ. И потомъ сталъ онъ говорить Тимоею: помолись обо мнѣ, батюшка Т. А. и сталъ у него цѣловать плечо и руку, держа въ мысли своей, что можетъ ли онъ признать его помыслы, что онъ тогда сомнѣвался въ немъ. И тогда Т. говорилъ такъ: «иное ста имѣтъ во устѣхъ, а иное въ сердцѣ,—языкомъ хотя гузно лижи, а рукамъ воли не давай». И оные того Т. слова составляетъ онъ Самгинъ за истинну, понеже узналъ помыслъ его. И были у него съ часъ, потомъ пошли на квартиру

свою, которую имѣли у масницкихъ воротъ, въ домѣ Ст. Путьятина.

Изъ Саровской пустыни писалъ онъ съ монахомъ Аарономъ въ Москву, къ княгинѣ Долгоруковой, и вложилъ въ письмо къ ней цыдулку Т. Арх., въ которой написано было: «великому угоднику Божію, Тимоѳею Архиповичу, прибѣжище отчаяннымъ надежда ненадежнымъ»; а потомъ, сколько могъ, къ похвалѣ онаго Т. писалъ, и просилъ, чтобы помолился о Зварыкииѣ, а о чемъ, того во оной цыдулкѣ было не написано. Княгиня Долгорукова была у Т. А. и просила и напоминала, чтобъ онъ помолился о Георгіѣ, и оной Т. рукою своею билъ ее въ голову и говорилъ: я объ отступникахъ не молюсь. И потому онъ признавалъ его за святаго».

Въ январѣ 1735 г., Самгинъ показалъ еще: «Зварыкинъ, воротившись изъ Сергіева монастыря въ Саровскую пустынь съ монахомъ Сергіемъ, сказывалъ, что видѣлъ у троицкаго іерод. Іоны, который жилъ при кельѣ Сергіевского архимандрита, образъ написанъ Святыя Троицы, высокой работы, не упомяну подлинно на чемъ написанъ, а помнитъ ся мнѣ будто складни, а въ подножіи святыя троицы написанъ лежащей Тимоѳею Архиповичъ юродивый, а съ вѣнцомъ ли онъ написанъ или безъ вѣнца, того не помню, какъ онъ Зварыкииѣ сказывалъ».

«Да у негожъ, іеродіакона Іоны, видѣлъ и читалъ онъ Зварыкинъ написанныхъ чудесъ множество, отъ Т. А. бывшихъ; Зварыкииѣ и сказалъ сколько, да не упомяну; а кѣмъ писаны, о томъ спрашивалъ я его Зварыкина, и онъ сказалъ мнѣ: того не упомяну. Только я ему Зварыкину говорилъ: не можно ли и намъ списать тѣ чудеса для того, что мы Тимоѳею Архиповича имѣемъ за отца себѣ? Но Зварыкинъ сказалъ: онъ де Іона никому не даетъ списывать». По поводу этого разсказа, Іосія съ грустію говорилъ

іерод. Іакову, который привезъ къ нему изъ Москвы персону Тимофея Архиповича: «вотъ отецъ Яковъ, мы мнили, что мы первые потщимся написать персону угодника Божія Тимофея Архиповича, анъ перво насъ она написана».

«А съ персоны Тимофея Архиповича, которая была у меня въ Саровской пустыни и привезена ко мнѣ въ Берлюковскую пустынь, велѣлъ я списать малыхъ персонъ на бумагѣ чернилами, мѣрою вершка по полтора, всѣ ровны, такожь пять, или шесть или болѣе, подлинно не упомню, всѣ съ вѣнцами и поставлены они были въ моихъ кельяхъ и въ сѣняхъ; а одна персона поставлена была, гдѣ и Пахомій мимо ея ходилъ; и въ одно время, не упомню въ которое, монахъ Пахомій съ іеромонахомъ Никодимомъ про ту персону промежъ себя тайно говорили, а что именно говорили, того не упомню; и я опасаяся ихъ, чтобъ они падо мною, чрезъ ту персону, какую причину не вѣдали, что я почитаю Т. А. за святаго, безъ свидѣтельства всякаго, всѣ персоны сообща вмѣстѣ спрятали у себя въ кельѣ, въ чуланѣ, въ углу въ стѣнѣ, гдѣ конецъ лавки, какъ въ чуланѣ войдешъ по лѣвую сторону окна; а настоящая персона написана безъ вѣнца, только покрыта лавромъ, или вермизомъ, я не знаю какъ называется, вмѣсто олифы. А списывалъ малые тѣ персоны, по приказу моему, мальчишка Григорій, который, научась у мастеровъ, самъ собою сталъ писать, только чернилами пишетъ кистью, а пишетъ очень хорошо; и я ему велѣлъ сказывать, ежели кто его о той персонѣ спросить, чтобъ онъ сказывалъ— пишетъ Іеронимову персону».

Еще одинъ Саровецъ. Ефремъ Короткой, вздумалъ прославить Тимофея Архиповича церковными пѣснями и сочинилъ ему службу. «И я дерзнулъ, показывалъ онъ, безъ благословенія св. Синода; сочинять службу, какъ въ церкви обычай имѣется святымъ угодникамъ Божиимъ, юродивому

Тимоею Архиповичу, и сочинилъ, памятуется мнѣ, малую вечерню, а на большой стихиры, также и на литіи со славникомъ и на стиховнѣ, и тропарь, да канона, не знаю, четыре, не знаю, пять пѣсней; стихиры писаны на бумажкѣ, а тѣ бумажки заложены у меня во кровлѣ, а канона часть на дощечкѣ, а дощечка положена за печью въ моей кельѣ; а спряталъ я того ради, чтобъ кто отъ братіи пришедши не читалъ и отъ того мнѣ, ради моего грубаго сочиненія, не было смѣху; и того ради о той моей продерзости ни строителю, ни братіи отнюдь никому не извѣстно, а писано у меня то тайно. А вину того сочиненія принялъ я отъ похвальныхъ рѣчей разстриги Якова и другихъ, что они про него Т. А. сказывали, что онъ сущій угодникъ и рабъ Божій ради его прозорства, и я, вѣря ихъ словамъ, благодарилъ Бога о томъ, что онъ въ наши лѣта даровалъ такого стятаго мужа. А самъ я Т. А. не видывалъ»

Такъ какъ этотъ пѣснописецъ играетъ нѣкоторую роль въ нашей исторіи, то мы скажемъ объ немъ пообстоятельнѣе.

Иеромонахъ Ефремъ, въ мѣрѣ Евдокимъ Андрѣевъ Короткой, родомъ изъ г. Тулы, посадскаго челоуѣка сынъ; постриженъ въ монашество въ 1712 г., въ Соловецкой пустыни, что въ Маргузахъ, московскаго уѣзда; послѣ того жилъ въ Красногривской пустыни гороховскаго уѣзда, и только въ 1727 г. перешолъ въ Саровскую пустынь. Тутъ все казалось ему ново, странно, не по обычаю; ни съ Іоанномъ, ни съ Іосіей онъ не былъ связанъ никакими узамъ; и потому его показанія рѣзки, не щадятъ слабыхъ и темныхъ сторонъ въ характерѣ и образѣ дѣйствій его новыхъ начальниковъ и собратій.

По руководѣлю онъ былъ переплетчикомъ. Однажды строитель Иванъ прислалъ ему книгу: Камень Вѣры въ тетрадахъ для переплету. «И я, показывалъ Ефремъ, говорилъ

ему, чтобъ ее не переплетать. И онъ Иванъ сталъ мнѣ говорить: чего ради? И я ему говорилъ: слышно про нихъ, что ихъ продавать заказано. И онъ говорилъ мнѣ: чтожь то, что не продають? И я ему сталъ говорить: чтобъ не стали ихъ спрашивать въ монастыряхъ и не взяли въ Синодъ. И онъ говорилъ: на что де ихъ брать, они де печатныя. И я ему говорилъ: однако надобно ее спрятать. И онъ сказалъ: какъ хочешь. И я, потому его слову, сдѣлалъ въ стулѣ расколное мѣсто и положила во оной стулѣ склеилъ, и ему строителю Ивану сказалъ, гдѣ оную положилъ, а отъ братіи про то никто не зналъ; только при отлучкахъ моихъ наказывалъ о томъ стулѣ ради пожарнаго случая, чтобъ оное стуло изъ кельи было вынесено; а приказывалъ іеродіакону Теофилакту, да монаху Іусту, а кому еще—не упомяну; они меня спрашивали, что тутъ, и я имъ сказывалъ, что спрятана книга, а какая—про то сказывалъ ли, не упомяну; только говорилъ, что строитель велѣлъ спрятать».

Степанъ Викторовъ также показалъ про Тим. Архиповича, что считалъ его за святаго, и еще больше убѣдился въ томъ, когда бывши въ Москвѣ увидѣлъ надъ гробомъ его въ Чудовѣ монастырѣ надпись, гдѣ онъ жилъ и сколько, и тутъ же объявлено, что онъ Тимофей юродь былъ міру, а не себѣ, и по той подписи я размышлялъ, что вотъ моги и тутъ назначено, что онъ святой, хотя и не свидѣтельствованъ.

Ееофанъ поручилъ оберъ секретарю Дудину собрать свѣдѣнія о мѣстѣ погребенія Тимофея Архиповича. Дудинъ обратился къ секретарю моск. синод. канцеляріи Павлу Протопопову: «изволь, писалъ онъ, весьма секретно справиться и учтиво поступить, дабы никто никакъ догадаться не могъ: въ Чудовѣ монастырѣ гдѣ погребено тѣло Тимофея Архипова, и что надъ гробомъ его положено и нѣтъ ли каковыхъ отмѣнъ противу прочихъ?»

Также, какая при гробѣ его на стѣнѣ надпись написана, и кѣмъ и когда? И съ той списки формально копию и къ намъ съ вышеписаннымъ пришли, въ немедленномъ времени; ибо того требуется высокими персонами для нужнаго дѣла. Михаилъ Дудинъ. 1734 авг. 13 дня, изъ Питергофа».

Протопоповъ отвѣчалъ: «оной Архиповъ погребенъ въ Чудовѣ монастырѣ, въ церкви архистратига Михаила, по правую сторону алтаря, и вышеписанная надпись изсѣчена на лещади и замазана въ алтарной стѣнѣ; начальныя литеры наведены киноваремъ, а прочія чернилами; вкругъ лещади дорожникъ, наподобіе столярнаго, выкрашенъ мумією. а кругъ дорожника чернилами, а по угламъ шишки, наподобіе рамы. Противу той надписи, на земли на могилѣ ни камня и никакого знаку не имѣется. И тотъ осмотръ и списокъ учинилъ я мною единымъ и никто того не видалъ. А кѣмъ и когда та надпись учинена, о томъ я спрашивать опасался, понеже повелѣно мнѣ то учинить весьма секретно, дабы никто дознаться не могъ. А по видимому, та надпись сдѣлана отнынѣ около годищнаго времени, и не далѣе».

- Точная копія съ надгробной надписи. «1731 года маія въ КѠ день при державѣ блгочестивѣйшія и великія Гдрни нашей Императрицы Анны Иоанновны самодержицы всеа Росіи преставилъ рабъ Божіи Тимофей Архиповъ сынъ, который оставя иконописное художество юродствовалъ миру, а не себѣ, а жилъ при дворѣ матери ея императорскаго величества Гдрни императрицы: блгочестивѣйшія гдрни црцы и великія кнгни Параскевы Феодоровны двадцать осмь лѣтъ и погребенъ въ 1 день маія».

- Кромѣ этого святаго, въ берлюковской пустыни почитали другихъ таковожъ апокрифическаго происхожденія. Въ 1734 г., 2 дек., іеромонахъ Никодимъ показалъ: «въ оную Берлюковскую пустынь прѣзжалъ въ два времени и жительство-

валь по недѣлѣ, или же по двѣ, въ кельѣ у Іосіа, нѣкакой юродивый, солдатской сынъ, Иванъ Ивановъ, котораго разстрига Самгинъ почиталъ за праведнаго, и примано было отъ того юродиваго разстригою Самгинымъ благословеніе, на котораго де смотря, какъ онъ Никодимъ, такъ и прочіе къ принятію благословенія къ оному юродивому, въ кельѣ у онаго Самгина, подходили и благословеніе принимали. А тотъ юродивой благословеніе преподавалъ овогда двома персты, образомъ благословенныя руки, а иногда и единымъ. А пріѣзжалъ тотъ юродивый изъ Москвы и нынѣ имѣется въ Москвѣ, а въ какомъ мѣстѣ жительство имѣеть, того онъ не вѣдаетъ. Да объ ономъ же юродивомъ Иванѣ, въ прошломъ 1733 году, послѣ отъѣзду разстриги Самгина въ Москву, іеродіаконъ Богодѣецъ, призывая къ себѣ въ келью, говорилъ ему Никодиму, дабы онъ Никодимъ того юродиваго почиталъ за праведнаго».

Снося всѣ эти разнородныя показанія между собою, Теофанъ увидѣлъ, что множество нитей связываютъ это дѣло съ дѣломъ извѣстныхъ и открытыхъ противниковъ его, — Родышевскаго, Рѣшилова и прочихъ мятежниковъ.

Какъ ни независимо другъ отъ друга дѣйствовали всѣ эти лица, Теофанъ, однакожъ, считалъ ихъ членами одной злодѣйской факціи и утверждался въ этомъ подозрѣніи тѣмъ больше, что почти всѣ они такъ или иначе сходились и сталкивались между собою.

Теперь въ тужъ свиту попали Саровцы и Берлюковцы. Теофанъ только не могъ догадаться точно, въ чемъ состоятъ связь ихъ съ названными его противниками и что они взяли на свою долю? Вопросы, которые предлагали каждому изъ подсудимыхъ, сейчасъ покажутъ намъ, какъ слѣдователи смотрѣли на это дѣло и какъ они опутывали ихъ одной сѣтью.

«Покажи подлинно и ясно, куда и къ кому въ Москвѣ,

наипаче къ мірскимъ и духовнымъ, какъ бы къ благодѣ-
телемъ своимъ, и какъ часто хаживали Іосія и Иванъ, вмѣ-
стѣ или порознь?—Кто съ тобой говорилъ про арестъ
Родышевскаго, и когда, и гдѣ и каковымъ образомъ? О па-
пиномъ письмѣ, къ цѣкоей персонѣ въ Россію прислан-
номъ, что имянно ты слышалъ отъ нихъ и давнѣе и
гдѣ?—Что они говорили тебѣ о бытіи своемъ у Чудовска-
го архим. Евѣимія Колети и костромскаго Ипатскаго мо-
настыря архим. Платона (Малиновскаго) и какія съ ними
имѣли разсужденія?—О Буддеевой книгѣ на Камень вѣры
что говорили, по какому случаю и какимъ образомъ? О
монахѣ Іосифѣ Рѣшиловѣ, который обратился изъ расколь-
никовъ и былъ въ черниговской и тверской епархіяхъ въ
разныхъ монастыряхъ, а особливо въ Калязинѣ строите-
лемъ, что съ тобой и съ другими говаривали и разсуж-
дали, и гдѣ, и когда, и какова его Рѣшилова состоянія при-
знаваешь?».

Что же оказалось?—Что Рѣшилова не зналъ почти никто
изъ подсудимыхъ; съ Родышевскимъ встрѣчался только
строитель Иванъ въ Симоновѣ монастырѣ; Іосія зналъ Ев-
ѣимія; да еще Ефремъ далъ показаніе и, конечно, не поль-
стившее Теофану:

«Когда-то Зварыкинъ говорилъ ему что было де въ Си-
нодѣ собраніе и зашла рѣчь о книгѣ—Камень вѣры, и
архіерей новгородскій говорилъ: «сдѣлана-де она Стефана
митрополита пьянымъ умомъ», и на тѣ его рѣчи никто от-
вѣта не далъ; а архимандритъ Платонъ (Малиновскій) ска-
залъ: «пѣтъ, владыка святой, преосвященный Стефанъ ми-
трополитъ дѣлалъ ее трезвымъ умомъ; развѣ тѣ пьяни, ко-
торые о ней толкуютъ». За тѣ рѣчи новгородскій архіерей
велѣлъ его арестовать.—Спросили у Зварыкина: отъ кого
онъ слышалъ тѣ рѣчи и когда и гдѣ? Зварыкинъ показалъ,
что слышалъ ихъ, въ бытность свою въ Москвѣ, отъ Се-

мена Федорова сына Козакова, который бывалъ при покойномъ генералъ-фельдмаршалѣ князѣ Голицынѣ; а разговоръ у нихъ былъ о Платонѣ, что онъ былъ духовный отецъ покойному фельдмаршалу; а съ чего зашолъ тотъ разговоръ, не помнить.

Наконецъ, несчастная судьба вовлекла въ этотъ процессъ еще одного почтеннаго человѣка, изъ сподвижниковъ Петровыхъ, мирно доживавшаго свой вѣкъ вдали отъ дворскихъ интригъ,—бывшаго кабинетъ-секретаря Алексѣя Васильевича Макарова.

На него, въ эту пору, собрались одна за другой много бѣдъ, съ разныхъ сторонъ, и доканали его еще нестарую жизнь.

Въ 1732 г., онъ поручилъ какому-то ассесору Стечкину сдѣлать опись имуществу покойнаго брата своего И. В. Макарова. Кому какое дѣло до чужихъ пожитковъ? Однакожъ нашлись люди, которымъ было дѣло до чужаго дѣла. Послѣ этой описи, какой-то канцеляристъ Василій Калипинъ сдѣлалъ на Макарова доносъ, будто онъ приказывалъ Стечкину запечатать важныя государственныя бумаги—письма Петра, Царевича Алексѣя, Меншикова и между прочимъ приходорасходныя книги по кабинету 1708—1710 годовъ: «а дѣлалъ то закрывая свое воровство». Нарядили слѣдствіе въ особой комисіи изъ трехъ гвардейскихъ офицеровъ. Макаровъ оправдался почти по всѣмъ пунктамъ, исключая приходорасходныхъ книгъ, и на счетъ книгъ подозрѣніе держалось тѣмъ только, что въ кабинетѣ не оказалось расходныхъ книгъ за означ. годы. Комиссія по окончаніи слѣдствія присудила: доносителя за ложный доносъ бить кутомъ, а расходныя тетради взыскать съ Макарова, и къ этому надлежитъ принудить его держаніемъ въ той комисіи (9 марта, 1734 г.).

Въ то время, какъ оканчивалось дѣло въ слѣдственной

коммисіи, завязался узелъ другаго процесса, бѣдственно кончившагося для Макарова.

Одинъ изъ берлюковцевъ, разстрига Степанъ Викторовъ, дѣлая разныя показанія въ тайной канцеляріи по Зварыкинскому дѣлу, между прочимъ написалъ, что Самгинъ, собираясь подать въ т. канцелярію объявленіе на Зварыкина, заходилъ къ Макарову посовѣтываться,—не засталъ его дома и поговорилъ только съ его женой.

Тайной канцеляріи, особенно Теофану, показалось весьма важнымъ, что въ эту исторію вошло лицо, знавшее многіе государственные секреты и, не смотря на свое униженное положеніе, все еще весьма уважаемое въ обществѣ.

Викторова стали допрашивать въ точность: не говорилъ ли ему еще чего Самгинъ о Макаровѣ? Викторовъ показалъ, что Самгинъ говорилъ ему о Макаровѣ, что онъ человекъ доброй и многое другое, что къ похвалѣ его относится, и притомъ объявилъ, что и государыня императрица, когда еще не была здѣсь въ Россіи, писала къ нему письма—помнитца сказалъ просительныя,—а какія именно не выговорилъ; и Макаровъ надѣялся было, какъ государыня прибыла въ Россію, при ней быть, анъ-де вотъ куда опредѣлили»... «А таковыя рѣчи онъ Самгинъ говорилъ, сказывая, что слышалъ ихъ отъ жены Макарова въ разговорахъ; и еще-де говорилъ Самгинъ: какъ государыня изволила прибыть, то письма тѣ, которыя къ нему писала, приказала у него Макарова всѣ отобрать къ себѣ».

Допросили Самгина:—Самгинъ показалъ, что ему выхвалялъ Макарова—такими словами, какъ показалъ Викторовъ — покойный Степанъ Путятинъ. Онъ же говорилъ о Макаровѣ, что онъ человекъ умный и милостивый и всѣмъ былъ приступенъ, когда былъ въ силѣ, а нынче не такъ: мы надѣялись—было, что онъ останется въ прежней силѣ, при дворѣ государыни, а вышло натакъ.

«Для чегожъ не такъ? спрашивалъ Самгинъ. Для того отвѣчалъ Путятинъ, что нынче при домѣ ея величества болѣе все иноземцы».

Макаровъ былъ въ ту пору президентомъ камеръ-коллегии и жилъ въ С. Петербургѣ. Къ дому его приставили караулъ, и вслѣдъ за тѣмъ, 29 ноября 1734 г., тайная канцелярія, по именному указу, отправила въ Москву коннаго полка адъютанта Извольскаго, чтобы забрать имѣвшіяся въ тамошнемъ домѣ его письма, каковы бѣ они не были, и привезть въ С. Петербургъ. Извольскій въ точности исполнилъ возложенное на него порученіе. Съ Макарова и жены его взяли сказку, что никакихъ пожитковъ и писемъ, кромѣ тѣхъ, которые запечатаны, нигдѣ больше нѣтъ и на сохраненіе никому не отданы. Таковуюжъ сказку взяли и съ ихъ служителей.

И долго—долго суждено было наперснику Петра 1-го оставаться въ этомъ заключеніи и дѣлать въ т. канцеляріи показанія обо всемъ, что только онъ могъ припомнить изъ своихъ разговоровъ о государственныхъ лицахъ и дѣлахъ.

По показаніямъ Викторова и Самгина потребовали объясненій отъ него и отъ его жены.

Долго и непріятно выписывать эти допросы, а жаль оставить, потому что они хорошо рисуютъ духъ времени, тайную канцелярію и нашего архипастыря—инквизитора Ѳ. Прокоповича.

Говорилъ ли ему Самгинъ,—спрашивали у Макарова,—о своемъ доношеніи, которое собирался подать въ т. канцелярію?—«Говорилъ что-то:—подалъ или подасть, не помню; помнится только, что называлъ Зварыкина отступникомъ или еретикомъ и не потребнымъ человекомъ, а въ чемъ его непотребство, не выговорилъ».

Говорилъ ли онъ Самгину, что о Зварыкинѣ идетъ Синодѣ дѣло? Макаровъ показалъ, что, на оборотъ, Самгинъ ему говорилъ, что «вотъ-де въ синодѣ пошло дѣло о Зварыкинѣ и просилъ попросить за него Ростовскаго архіерея, чтобъ его Самгина не оставилъ».

Жена Макарова показала, что по просьбѣ Самгина просила за него совѣтника коллегіи экономіи Ивана Топильскаго, а тотъ обѣщалъ попросить Синодскаго секретаря Протопопова.

Говорилъ ли Макаровъ Самгину объ отобранныхъ у него письмахъ Государыни?—«Говорилъ, какъ отцу духовному, къ прославленію имени ея величества».

Что тутъ особеннаго, необыкновеннаго? А между тѣмъ всѣ эти показанія показались т. канцеляріи необыкновенными! Феофанъ въ тонкость разобралъ показанія Макарова и его жены, сличилъ ихъ между собою, выписалъ различія и составилъ новый рядъ вопросовъ.

1. «По моему мнѣнію не право и не по совѣсти и не такъ какъ дѣлалось, онъ Алексѣй — (по фамиліи Феофанъ его не называетъ) отвѣтствовалъ. Нѣкія рѣчи его съ егоже рѣчами и съ рѣчами жены его не сходны. А другія самому дѣлу и природному въ разговорахъ обычаю не сличны и противны, что въ слѣдующихъ примѣчаніяхъ показуемъ.

На первый (по нашему счету) вопросъ такъ сухо и скудно отвѣтствуетъ, какъ въ дѣлѣ быть не могло. Поневже нельзя было не спросить, кто онъ Зварыкинъ родомъ и чиномъ и гдѣ обрѣтается, и въ чемъ не добрый ли подозрѣнный. А по образу отвѣта его никогда и нигдѣ не бывають такіе полунѣмые разговоры, а намъ чаче между дружными и взаимно себѣ нужными людьми... И то противно природному человѣческому любопытству; какъ бы онъ Іосіа не спросилъ именно о богоотступничествѣ или ереси Зварыкиной?

На второй вопросъ сказуетъ, будто онъ нигдѣ ни у кого Іосіа заступленія не искалъ. А тамъ же мало иже (скоро забывъ прежнія свои рѣчи) говорилъ, что онъ заступленія Іосіа у Ростовскаго архіерея просилъ.

На третій вопросъ отвѣтствуя, чудную шутню произносить. Первѣе говорилъ, будто онъ Іосіа никогда и ни для чего о присланныхъ къ нему изъ Курляндіи письмахъ не

сказывалъ; а послѣ тамъ же придаетъ, что де можетъ быть сказывалъ о присланныхъ оттуду письмахъ для прославленія ея императорскаго величества. Да и то развратно, понеже присланные оттуда оные письма никакой славы не дѣлаютъ посылающему. Знатно отъ смущенія онъ сіе сказалъ.

II. Жена Алексѣева на второй вопросъ сказуетъ, что Іосія просилъ мужа ея, чтобъ попросить Ивана Совѣтника, а оной бы попросилъ секретаря, чтобъ по дѣлу его не оставилъ. Да не сказуетъ: дѣлалъ ли то мужъ ея по прошенію Іосія, цо говорить, что она сама просила онаго совѣтника. И то кажется плутня.

Въ томъ же ея отвѣтъ сказано, что и самъ Іосія къ оному совѣтнику хаживалъ и прашивалъ, а о чемъ и что получилъ, будто она не знаетъ и отъ Іосія не слыхала, и не слыхала жъ и отъ совѣтника. И тому ея отвѣту трудно вѣрить, для того: знала она, что Іосія къ совѣтнику хаживалъ и прашивалъ, и потому знала, что неоднократно было его хожденіе и прошеніе. Какъ же бы она не спросила Іосія, и какъ бы онъ ей не сказалъ за чѣмъ ходитъ и чего проситъ? Нельзя такъ быть въ разговорахъ, да еще съ человѣкомъ любимымъ и заступленія требующимъ.

Изъ показаннаго жъ отвѣта является ниже, что солгалъ Алексій, когда говорилъ на второй вопросъ, будто о заступленіи Іосія не искалъ, (какъ уже и въ примѣчаніи на отвѣты его отъ насъ показано).

На третій вопросъ необычное противорѣчіе произнесла. Сказуетъ, будто она о Курляндскихъ письмахъ Іосія не сказывала и о томъ разговоръ не имѣла и ничего о томъ ни въ какомъ намѣреніи не разсуждала: а послѣ придаетъ, что объ отобраніи писемъ оныхъ Іосія говорила и молитвы его, яко въ печали обрѣталась, требовала.

Достойно примѣчанія и сіе, что отвѣтчица сія сказуетъ якобы отобраніе упомянутыхъ писемъ сдѣлало имъ не малую печаль, что и быть имѣло. А мужъ ея говорилъ о письмахъ къ прославленію ея и. в.; а о взятіи писемъ отъ

нихъ сказывалъ Іосіи просто, яко отцу духовному: (гдѣ кромѣ явственнаго несогласія и то дико—яко отцу духовному: будто бы и рѣчи не подозрительныя и тайности не требующія, но еще къ славѣ государевой произносимыя сказывать кому опасно. развѣ отцу духовному!)

Жена Алексіева показываетъ, будто бы она о бывшей надеждѣ своего мужа и объ лишеніи ея отъ мужа своего не слыхала, которая ея сказка отнюдь вѣры не достойна; ибо если мужъ ея сказывалъ о томъ Іосіи, то какъ бы не говорилъ женѣ своей вѣрной и любимой?

III. Что осталось дѣлать съ извѣстными отвѣтчиками?

Мое о томъ мнѣніе слѣдующее. Понеже извѣстно стало, что между Алексіемъ и (*) ближняя любовь и союзъ, а обѣ стороны имѣли Іосію за святаго мужа и съ нимъ чинили тайные разговоры, то не мню, дабы ему и противныхъ какихъ своихъ помышлений, какъ одна, такъ и другая сторона не открывали, что отчасти уже въ присланныхъ Алексія и жены его отвѣтахъ и показалось. И понеже на..... усмотрѣно, что къ извѣстной особѣ не обычно припадаетъ и ласкается, то—*что Зварыкинъ на Іосію показалъ страшное, а кажется по всему вѣроятное, надѣюсь то Іосія отъ сей шайки почерпнулъ, отъ одной, или отъ другой стороны, или отъ обоихъ.* И потому надлежитъ Алексія о всемъ томъ, что знатнѣйшее на Іосію показано, допросить, именно: что они говорили между собою о престолонаслѣдіи? Что о войнѣ польской и вывозѣ богатства? Что о передѣлкахъ малыхъ серебряныхъ денегъ на рублевики? Что о преимуществѣ? Что о книгѣ исправленія монашескаго и о порицаціяхъ, въ ней написанныхъ на блаженныя и вѣчно-достойныя памяти великихъ государей Алексія Михайловича и Петра перваго? Что о Синодѣ и патриархіи? Надлежитъ, кажется, произнести и нѣкіе изъ пашквиля извѣстнаго, по моему нетрепетному мнѣнію, Рѣшилова—пункты. Сверхъ всего того при всякомъ допросѣ

(*) Мы не дознались, какое тутъ входитъ еще новое лицо.

спрашивать каждого изъ нихъ (если что нибудь скажетъ): одинъ ли съ однимъ говорилъ то и то, или другіе нѣкто былъ при томъ?

Допросы эти послать бы куды надлежитъ, къ дѣйствию; а между тѣмъ тутъ допрашивать допросами, на которые Алексій и другіе отвѣтствовали, Іосію, что нынѣ разстрига Самгинъ, потому что допросъ ему въ этомъ отложенъ былъ до полученія отвѣтовъ Алексіевыхъ.

Допросить бы Алексія и жены его еще о слѣдующихъ: что съ Іосіею говорили (или и съ другимъ кимъ) о воинствѣ російскомъ якобы уже слабомъ и въ какой силѣ? Что о скудости народа и о недородѣ хлѣбномъ? Что о смерти и погребеніи государя Петра перваго? Что о титулѣ императорскомъ? Что о возкѣ по Волгѣ корабельныхъ матеріаловъ? о всемъ томъ вышеписанномъ, что говорили и съ другимъ іеромонахомъ Іосифомъ Рѣпиловымъ и когда и въ какой силѣ?»

Ложь. Плутня... Чудная плутня... и все это о человѣкѣ, который не былъ изобличенъ, а только подозрѣвался въ преступленіи, или точнѣе въ связяхъ съ преступниками,—о человѣкѣ, который, пользуясь довѣріемъ государей Петра I-го, Екатерины Алексѣевны и Петра II-го, имѣлъ на своей сторонѣ несомнѣнную заслугу и нѣкоторое право на довѣріе и уваженіе къ нему общества, — наконецъ, о человѣкѣ, которому лично его противникъ обязанъ былъ многими одолженіями и услугами, во время его силы при Государяхъ! И теперь все это забыто. Бывшій Кабинетъ—секретарь, Андреевскій кавалеръ, довѣрениѣйшее лицо Петра и проч. и пр. попалъ въ лжецы и плуты.

Очевидно, что его подозрѣвали въ связи съ шайкой Самгина, думали, что Саровцы и Берлюковцы увлечены и дѣйствуютъ въ пользу какого-то волненія, какой-то перемѣны, а Макаровъ, знавшій кабинетныя тайны, былъ ихъ оракуломъ, заправлялъ ихъ образомъ мыслей и дѣйствій! Въ своихъ подозрѣніяхъ, Теофанъ можетъ быть опирался

еще на то, что Макаровъ былъ тесть Аврамова, хоть и слабого по натурѣ и по характеру, но самаго неотвязчиваго противника Теофанова, и у негожъ Макарова жилъ нѣсколько времени секретарь дворцовой канторы Александръ Яковлевъ, котораго подозрѣвали въ сочиненіи пашквильнаго письма на Теофана и который въ ту пору содержался въ т. канцеляріи. У Яковлева нашли выписки, которыя «ниже мало годятся къ его званію, да и обличенія наводятъ на нѣкиихъ знатныхъ особъ» (*). Что удивительнаго, что въ головѣ Теофана все это стягивалось въ одинъ узелъ и что Макаровъ, знавшій хорошо положеніе лицъ и событій, казался ему если не главной пружиной заговора, то однимъ изъ его участниковъ.

Какую роль игралъ тутъ Тимоѳей Архиповичъ и отчего имъ занимались такъ много?

Теофанъ, кажется, думалъ, что лига, составившаяся противъ него и противъ правительства, кромѣ гражданской поддержки, которую имѣла во многихъ вліятельныхъ лицахъ, надѣялась найти опору въ религіозной вѣрѣ, или точнѣе въ суевѣріи, разсчитанномъ на святость Т. Архиповича. Центромъ этого братства былъ, по видимому, Чудовъ монастырь; тутъ жилъ сильный противникъ Теофана, бывший духовникъ несчастнаго царевича, архимандритъ Евимій Колети, тудажъ ютились и прочіе члены лиги; наконецъ тамъ же похоренъ Тимоѳей Архиповичъ. Самгина спрашивали: не за тѣмъ ли онъ пробирался въ Чудовъ, чтобы склонять монаховъ, что отъ Т. А. чудеса были? Вотъ, по видимому, Теофанова точка зрѣнія. Саровская и Берлюковская пустынь казались ему тайными пріютами членовъ лиги, — Самгинъ — однимъ, изъ главныхъ въ ней вождей, а Зварыкинъ — орудіемъ для выполненія его замысловъ.

(*) Въ «Чтеніяхъ въ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ» 1862 г. кн. I. напечатано, но бумагамъ государственнаго архива, впрочемъ необстоятельно, дѣло объ Александрѣ Яковлевѣ, по подозрѣнію его въ сочиненіи подметнаго письма на Теофана Прокоповича.

III.

До сихъ поръ все дѣло ограничивалось намеками и полупризнаніями.

Въ одномъ изъ своихъ объясненій Зварыкинъ какъ-то проговорился самъ, что Іосія научалъ его прикидываться бѣсноватымъ. Теофану довольно было одного намека, чтобы увѣриться въ своемъ подозрѣніи на счетъ роли Зварыкина, и небольшого труда стоило вывести его изъ его искусственнаго положенія, изъ роли,—раздѣлить его съ Самгинымъ.

Зная его слабую сторону, Теофанъ велѣлъ дать ему бумаги и чернилъ, и допросить: «1) въ чемъ именно усмотрѣлъ онъ коварство Іосіево? 2) Куда и къ кому въ Москвѣ наипаче, къ мірскимъ и духовнымъ, почаще, и якобы къ благодетелямъ своимъ хаживалъ Іосія? 3) И съ чего ему Зварыкину на мысль пришло вымышлять, будто бѣсы научали его Россію развратить на римскую, или лютеранскую вѣру? А знатно изъ нѣкихъ съ Іосіею или съ другими разговоровъ. 4) Какъ именно научалъ его Іосія показывать на себѣ виды бѣснованія? Понеже о томъ онъ Зварыкинъ въ тогдашнемъ письмѣ упомянулъ, да не ясно. 5) Не было ли разговоровъ о томъ, что въ началѣ 30 года дѣлалось, — о небытіи впредь самодержавія въ Россіи, по преставленіи Петра втораго, и что кто говорилъ? 6) Не говорены ли были на Ея И. В-во нѣкоторыя шарѣканія, и отъ кого и какія именно? 7) Не говорено ли о взятіи за арестъ Маркела Родышевскаго? 8) Каковую причину отшествія своего изъ саровской пустыни и исканія другаго мѣста Іосія ему показывалъ? А видно, что чего опасался. Сія и симъ по-

добная если не скрытно и правдиво покажетъ Зварыкинъ, тогда будетъ совершенно извѣстенъ, что не токмо казни смертной, но и всякаго тѣлеснаго наказанія конечно избавить себе. Ибо полное во всемъ прощеніе, по докладу нашему, Ея. И. В.—во обѣщала ему третьяго дни. Да не думаетъ же онъ, будто укрытіе, да еще знатное воровство, ажи бы щадя братію, не грѣхъ. Но воистинну превеликой грѣхъ. Не надобѣ какъ своихъ, такъ и чужихъ самоличныхъ грѣховъ, душу единаго грѣшащаго врѣдящихъ, открывать развѣ на исповѣдѣ. А затѣваемыхъ отъ кого на вредъ другимъ, колыми паче государевой чести и народному тихожитію, крамоль, клеветъ, смуть мятежныхъ, такъ тяжелый есть грѣхъ укрывателю, какъ и самому затѣйщику. Подобнѣ, какъ бы кто вѣдая готовящихся пожаръ сдѣлать зажигателей не открылъ, —или, вѣдая о устроенномъ непріятельскомъ на городъ нападении не печальномъ, не сказалъ бы: таковое бо молчаніе творить молчащаго сообщникомъ злодѣевъ въ злодѣйствѣ ихъ. И не можетъ укрыватель имѣть правильнаго покаянія и надѣяться отъ Бога прощенія и за прочія грѣхи свои, покамѣсть вѣдомыхъ себѣ чуждыхъ на государя или государство умысловъ и непріязней необъявить, и се зѣло вящимъ милости лишеніемъ, нежели кто отъятаго неповиннѣ чуждаго имѣнія не возвратить. Извольте мое все предложеніе представить ему. Изъ мызы нашей, 3 Іюня 1734 г.»

«Извольте о семъ сообщить, если покажется надобно, ихъ сіятельствамъ гг. министрамъ и генералу Ушакову, наипаче, ежели бы г. секретарь Хрущовъ опасенъ безъ приказанія ихъ дать бумаги и чертила Зварыкину. А о Петрѣ Петровичѣ опаснѣйшаго показанія еще, кажется, не надобно».

14 іюня Зварыкинъ подальъ Теофану *Объявленіе*, вѣроятно,

въ отвѣтъ на вопросы 3 іюня; жаль, что у насъ не было его подъ руками.

19 Іюля допрашивали Викторова о нѣкоей непотребной исторіи: одну ли ту исторію онъ написалъ, что взята въ Т. канцелярію, или сверхъ того еще писалъ, и, если писалъ, не раздавалъ ли ихъ, или списывать кому не давалъ ли? У Сильвестра называется эта непотребная исторія: *Повѣсть душеспасительная о видѣніяхъ Георгія*; а Θεοφανъ написалъ по своему: *о основаніяхъ Зварыкинскихъ*. Викторовъ показалъ, что онъ писалъ эту повѣсть по приказанію Іосіа.

21 Іюня Зварыкинъ подалъ *Новоизвѣщеніе* къ первому объявленію.

Любопытно начало этого пополненія; въ немъ выражаются отношенія его къ Θεοфану: «Еще первенствующему св. пр. Синода члену, изведшему меня изъ тьмы въ свѣтъ, пресвященнѣйшему великому господину, Θεοфану архіепископу великоновгородскому и великолужцкому объявляю. Пришло мнѣ еще въ память и показалось прилично на вопросъ о бытіи Іосіиномъ у Чудовскаго архимандрита во отвѣтъ». ..

Рѣчь все кружится пока около Чудова монастыря.

22 Іюня приказано было Салтыкову разузнать въ Москвѣ, подъ рукою, о вдовѣ Акулино, знакомой Чудовскому архимандриту: опять Чудовъ монастырь.

Между тѣмъ Самгичъ, замѣчая по ходу дѣла, что его считаютъ главнымъ виновникомъ этого движенія, а Зварыкина его орудіемъ, и видя, что Зварыкинъ подался на удочку, и самъ написалъ и 10 іюля подалъ пространное *Объявленіе о великомъ злоумышленіи*.

Сущность этого объявленія заключается въ томъ, что Зварыкинъ есть членъ тайнаго общества, которое замы-

шляло измѣнить въ Россіи форму правленія, возвестъ на престолъ Елисавету Петровну, соединить церковь русскую съ латинскою или лютеранскою; все это будто бы открылъ Зварыкинъ Іосіи, на исповѣди, въ саровской пустыни.

«Зварыкинъ не монахъ, надѣлъ только монашеское платье. Какой то волхвъ сдружилъ его съ бѣсами, такъ что онъ можетъ сдѣлать все, что захочетъ. Бывши въ Петербургѣ присталъ къ тайной компаніи, которая замышляла разныя злодѣйскія дѣла. Зварыкинъ называлъ ему двухъ членовъ этой компаніи: Бѣлова и Петра Петровича Чистова. Чистой былъ купецъ и велъ заграничную торговлю. Въ той компаніи придумали написать государю Петру I просительное письмо, какимъ бы образомъ россійскую церковь съ лютеранскою склонить, для того что онъ Государь—человѣкъ сильный, лучше сдѣлаеть; а когда оснуетъ, то чтобъ его извести, для того, что государь человѣкъ умный, хотя въ чемъ когда и погрѣшитъ, а послѣ скоро и осмотрится. Вейцъ, по видимому, былъ членомъ этой компаніи и обѣщаль Зварыкину сдѣлать его правителемъ Россійскаго государства и говорилъ, что и цесаревна уже готова, (а какая цесаревна и кому готова, того Зварыкинъ не сказалъ)». Вотъ оно куда залетѣли монашескія мечты! За тѣмъ раскрываются одно за другимъ дѣянія этой компаніи.

«Сказывалъ онъ Зварыкинъ, что былъ разговоръ о вѣрѣ и ссылка была на книгу, которая съ нашей стороны очень сильна; а имѣлась она въ кіевскихъ странахъ, и государь—де Петръ первый наскоро послалъ — велѣлъ оную книгу привести, и они съ компанією послали, чтобъ того посланнаго, дождавшись на перевозѣ, и съ книгою въ рукѣ утопили. Потомъ государю вскорѣ и кончина стала быть».

«Зварыкинъ же сказывалъ ему,—когда было слѣдствіе о бывшемъ Феодосѣ архіереѣ, у-онаго слѣдствія, не упомяну,

онъ Зварыкинъ, или кто другой изъ ихъ компаніи, былъ. И когда де пришлются какіе пункты и они, со оныхъ пунктовъ списавши копіи, отдавали Федосову келейнику, а онъ заранѣе отвѣты и приготавливалъ. А когда нашлись руки онаго келейника черныя письма, то Зварыкинъ пришедши предупредилъ его, чтобъ онъ убирался. Помнитца мнѣ, что тутъ былъ и Федосъ, и они открыли ему не помню ларецъ не помню сундучекъ, въ высоту, напимѣръ, четверти съ три, полною накладенъ алмазовъ и прочихъ каменевъ, и говорили ему, чтобъ онъ Зварыкинъ бралъ себѣ, сколько хочеть: но онъ, сказывалъ, ничего не взялъ и думалъ, что тѣ каменя всѣ церковныя, только взялъ у нихъ часы, которые проигралъ въ компаніи за шесть сотъ рублевъ. А куда оный келейникъ съ тѣмъ сундучкомъ укрылся, того онъ Зварыкинъ не сказалъ».

«Онъ же Зварыкинъ сказывалъ: въ какомъ-то мѣстѣ они ножомъ искололи образъ, не упомяну, Спасителя или Богоматери и о томъ прибиты были указы, что тотъ образъ исколотъ явился и, ежели виновный ко опредѣленному числу не явится, положена будетъ на него церковная клятва».

«Онъ же Зварыкинъ сказалъ: какой-то человекъ Иванъ Васильевъ приговоренъ былъ къ смерти, помнитца за подписку вмѣсто руки Государя Императора Петра перваго, а къ чему того не упомяну; а они компанією его, не упомяну какимъ способомъ, тайно изъ тюрьмы освободили, и жилъ онъ Иванъ Васильевъ гдѣ-то въ крѣпкомъ мѣстѣ; въ землѣ были сдѣланы свѣтлицы и при немъ было служителей не упомяну шесть человекъ или восемь человекъ; богатъ де очень».

«Онъ же Зварыкинъ сказалъ: изъ компаніи де нашей одинъ отъ намѣренія нашего отмѣнился и мы де хотѣли его убить, но онъ всякими клятвами клялся, чтобъ ничего никому не сказывать».

«Онъ же Зварыкинъ сказывалъ ему, что, по приѣздѣ въ С.-Петербургъ онъ, жилъ съ мѣсяцъ или полтора въ домѣ государыни цесаревны Елисаветы Петровны, а потомъ перешолъ въ домъ графа Сантіа».

«Ему Зварыкину Гаврило Замятинъ другъ великой былъ, да Осипъ Дудинъ знаемъ же». Поэтому Самгинъ просилъ производить слѣдствіе объ немъ не въ Синодѣ, чтобъ удобнѣе было сыскать ту злодѣйственную компанію.

Феофану многое казалось подозрительнымъ въ этомъ объявленіи.

«Первое его представленіе до сего письма—писалъ онъ—за долго было, а именно за 52 дня. Для чего же ни на первомъ, ни на другомъ, ни на третьемъ, ни на четвертомъ ничего не объявилъ? А пишетъ, что отъ первой его ставки сталъ разсуждать, что подлежитъ объявить».

«Если Вейцъ какой-то имѣлъ Зварыкина сдѣлать такимъ-то сильнякомъ, и то говорилъ Зварыкинъ Іосіи, то, конечно, говорилъ, какъ то Вейцъ имѣлъ сдѣлать. Долженъ же сей дошопчикъ или объявитель о томъ ясно показать. Долженъ же показать, которая царевна и кому уготовлена была: а то онъ разстрига лжетъ, сказуя, что того не помнить. Таковыя дѣла и лица, если бы правда была, забвенію не подлежатъ».

«Что придумали, какъ бы государя преклонить, не пишетъ разстрига. А нельзя было ему разстригѣ, толь коварному плуту, не спросить о томъ Зварыкина, и Зварыкину нельзя было, что ни есть, о томъ не соврать передъ нимъ».

«Какъ имѣли государя извести, конечно, о томъ разговоръ былъ съ Іосіею и Зварыкинскимъ, если Зварыкинъ о томъ зломъ умыслѣ Іосіи говорилъ. И потому тутъ вопросы разстригѣ подлежатъ. Да какъ его разстригу, такъ и Зварыкина и всѣхъ прочихъ допросить: не знаютъ ли о нынѣшнихъ и недавно прошедшихъ таковыхъ затѣй-

какъ? Если же укрѣпится разстрига, что отъ Зварыкина яко бы о томъ слышалъ, то долженъ ооотвѣтствовать, для чего о такъ ужасномъ воровствѣ доселѣ молчалъ?»

«За тѣмъ мое мнѣніе: 1) обязать разстригу сказкою, что онъ не лжетъ; 2) велѣть ему онять тогожъ дѣла объявленіе написать, не показуя сего прежде написаннаго. 3) допросить Зварыкина».

Когда Зварыкину показали объявленіе Іосіи, онъ заперся почти во всемъ, исключая волхва и Вейца. Все что онъ ни говорилъ Іосіи о своемъ бѣснованіи, о волхвѣ, о Вейцѣ, о кореньяхъ, о бѣсахъ,—все это онъ выдумалъ на себя и обманывалъ Іосію. Но никакой компаніи не знаетъ, ни съ кѣмъ въ обществѣ не бывалъ, ни Бѣлова ни Чистова не знаетъ, ни о какихъ дѣянiяхъ компаніи не говорилъ.

Для чегожъ онъ выдумалъ старика—волхва и Вейца?—Сперва, чтобы попасть въ монахи, а потомъ, когда узналъ, что вѣлѣно подать вѣдомость о монахахъ—кто, какъ и по какому указу постриженъ,—то боялся, чтобы за постриженіе безъ указу не былъ лишенъ монашества.

«Только, въ бытность его въ Саровской пустыни, въ сновидѣніи привидѣлось ему Зварыкину, будто, не знамо за какую книгу и за отданную ему Зварыкину отъ означеннаго Феодоса табакерку, кабы голову ему Зварыкину отсѣгли: объ этомъ онъ и сказывалъ разстригѣ Якову; а что тотъ ему говорилъ, не упомянуть».

«Да имѣлись у него Зварыкина вирши объ ономъ Феодосѣ, изданныя послѣ ссылки его, а отъ кого не знаетъ, и что въ тѣхъ виршахъ написано было, того не упомянуть».

«Да имѣлся у него съ разстригою Яковомъ разговоръ о Фомкѣ, какъ онъ разрубилъ образъ чудотворца Алексеѣя и за то государь императоръ гнѣвался на рязанскаго архіерея Степана и не велѣлъ ему казаній сказывать. А отъ кого

изъ нихъ о томъ говорить началось, такожь и всѣхъ тѣхъ рѣчей, онъ Зварыкинъ не упомянуть».

«А въ Москвѣ въ Синодѣ, также и въ конторѣ тайной канцеляріи, о приводѣ его отъ бѣсовъ къ иноземцу Вейцу, о отверженіи своемъ отъ Христа и въ дачѣ о томъ писемъ и потомъ о обращеніи своемъ, и о приходѣ къ нему бѣсовъ, и о мученіи отъ нихъ, и о явленіи ему святыхъ и о прочемъ—обо всемъ объявлялъ онъ Зварыкинъ вымысла отъ себя притворно, въ чемъ онъ кается по чистой совѣсти».

Кромѣ того Зварыкинъ сдѣлалъ на Іосію такія показанія, которыя выводили его изъ ряда обыкновенныхъ преступниковъ.

«Была въ Саровской пустыни графа Андрѣя Матвѣева жена, вдова Наталья Ермилова, и жила въ той пустыни два или три дни. И по отъѣздѣ оставила она въ той пустыни сына своего Алексѣя, а присмотръ надъ нимъ приказала имѣть Іосію. А оный Алексѣй подарилъ іером. Іакова (Кучина) книгою, для того, что Кучинъ въ тамошней пустынной церкви, вмѣстѣ съ онымъ Алексѣемъ, росписывалъ клиросы. И какъ оную Настасью, при отъѣздѣ изъ Саровской пустыни, провожалъ означенной Іосію Самгинъ, и послѣ провожанія, пришедъ въ келью свою, говорилъ при нихъ Кучинъ и Зварыкинъ про дѣло оной Матвѣевой: подавалъ де пасынокъ ея государынѣ челобитную о помѣстномъ своемъ дѣлѣ, и та челобитная, мимо вотчинной коллегіи, отослана была въ Сенатъ и въ томъ ей турбацію учинили, хотятъ отнять у ней четвертую часть помѣстья: а все то иноземцы сдѣлали. «Вотъ наши министры и прочіе господа, — говорилъ поэтому поводу Іосію, — мимо достойной наследницы, государыни цесаревны, избрали на престолъ російской эту государыню императрицу, чая, что при ней не будутъ иноземцы имѣть большины, а цесаревну мимо обошли,

меня, что при ней иноземцы будутъ имѣть болышину. Но Богъ де, за презрѣніе достойной наслѣдницы, сдѣлалъ надъ нашими господами такъ, что только на головахъ ихъ не ѣздятъ иноземцы». Кучинъ къ слову прибавилъ: «да ништо де; какъ отъ кого ни послышишь, государыня цесаревна любезна и многіе очень сожалѣютъ, какъ де и ты отъ многихъ слышалъ, батюшка». Зварыкинъ тоже не отсталъ отъ другихъ въ разговорѣ: «и мнѣ де, батюшка, очень жаль было государыни цесаревны, какъ мимо нея да эту государыню избрали,—такъ жаль было, что едва не плакалъ,—и не знаю, что мнѣ она кажется взоромъ очень любезна; какова то будетъ эта государыня?» Іосія замѣтилъ, что эта государыня груба лицомъ.

«И о вышесказанномъ—показывалъ Викторовъ—оной Самгинъ говаривалъ въ кельѣ своей неоднократно; понеже де когда кто въ оную пустыню изъ Москвы пріѣдетъ, то онъ Самгинъ спрашивалъ все, что въ Москвѣ дѣлается и потомъ въ кельѣ своей говаривалъ: кого изъ Москвы въ ссылку послали, а о комъ именно говорилъ, того не помнить».

«Да послѣ того, на другой или на третій день, будучи онъ Зварыкинъ у Іосіа, при означенномъ Кучинъ, спрашивалъ у него Іосіа: ежели кто послышитъ или почувствуетъ въ себѣ такое мнительство, что правильно достойная наслѣдница оставлена, а неправильная избрана, и кто де не пойдетъ для онаго неправильнаго избранія къ присягѣ и за то постраждетъ, что де такому за тобудетъ? И онъ Іосія на то говорилъ: вотъ неправильное избраніе, кто ни пойдетъ за него къ присягѣ всѣ погибаютъ; въ прежніе де времена печерскіе святыя за неправильныхъ государей и Бога не маливали, не боясь, что за то постраждутъ».

«Онъ же Іосія, передъ постриженіемъ Боголѣпа въ монахи, говорилъ Зварыкину: что на это смотрѣть, что ны-

нѣ указами постригать запрещено? То де тверже намъ, что въ Евангеліи написано: грядущаго ко мнѣ не изже-ну вопъ».

«Онъ же Іосія говорилъ имъ о новгородскомъ архіепископѣ Теофанѣ, называя его ереси водителемъ, за то, что вѣнчалъ царевну Анну Петровну съ Голштинскимъ Герцогомъ».

Теперь передъ глазами слѣдователей были два разныхъ показанія—Самгина и Зварыкина; тотъ и другой, выгораживая себя, взводилъ на другаго важныя преступленія. Слѣдователямъ и не такихъ предлоговъ довольно было, чтобы обратиться къ пыткамъ. Начали съ Самгина, который казался хитрѣй и подозрительнѣе Зварыкина.

Августа 7, кабинетные министры и генералъ-лейтенантъ Шаховской рѣшили: разстригу Якова Самгина, въ объявленіи имъ на помянутаго Зварыкина о показанной важности, изъ подлинной правды, розыскивать и при розыскѣ спрашивать, сочинивъ вопросы изъ дѣла.

По приходѣ въ застѣшокъ, авг. 8., Самгину еще разъ сдѣлали увѣщаніе, чтобъ показалъ сущую истину и показали приготовленныя орудія, чѣмъ въ розыскѣ будетъ пытанъ, если станетъ заператься. Послѣ того его допрашивали по содержанію его показаній и показаній Зварыкина. Но розыскъ не привелъ ни къ чему. О компаніи онъ утверждалъ одно, что все то говорилъ ему Зварыкинъ на исповѣди, не о всемъ вдругъ, по порознь, а въ объявленіи своемъ написалъ онъ Самгинъ все по порядку, какъ отъ того Зварыкина онъ слышалъ. А какимъ бы образомъ церковь российскую съ лютеранскою склонить, и какъ государя Петра перваго извести, и которая цесаревна и кому готова, и для чего онъ Зварыкина о томъ не спрашивалъ,— и онъ де Самгинъ думалъ, что оное дѣло уже минувшее. А что теперь онъ Самгинъ о такой опасности во объяв-

земли своемъ написалъ, и то де дознавался собою въ т кой сидѣ, что были въ немъ бѣсы и что преждее намѣреніе ихъ было чрезъ мноземца Вейца (о которомъ Зварыкинъ сказывалъ, что онъ волшебникъ): то не могутъ ли и нынѣ чрезъ волшебство таковажъ намѣренія учинить? А судя по словамъ Зварыкина признавалъ онъ, что цесаревна готова ему.

Когда его спросили: почему онъ прежде не показывалъ этого, онъ отвѣчалъ: потому, что ему преосвященный (Феофанъ) сказалъ: говори де только о томъ, о чемъ тебя спросятъ; съ того времени онъ все и думалъ, какъ бы ему объявить и, надумавшись, во объявленіи своемъ своеобразно о томъ и написалъ.

«Въ Зварыкинѣ, безъ сомнѣнія, были бѣсы, потому что онъ самъ видѣлъ, какъ его лежачаго съ лавки къверху подымали не высоко, и какъ онъ растягивался, и у рукъ пальцы всѣ протянутца и жилы напрягутца, а ноги скорчатца, и ежели бы де не отъ бѣсовской сиды то происходило, то анаго-бъ просто учинитца не могло; а какъ Зварыкинъ бывалъ съ нимъ Самгинымъ въ дорогѣ до Арзамаса и до Москвы, и на дорогахъ ему отъ бѣсовъ мученія никакого не было; только однажды, ѣдучи съ Арзамасъ, имѣлъ онъ Зварыкинъ при себѣ мышьякъ и хотѣлъ себя умертвить, токмо того не учинилъ, а для чего того онъ Самгинъ не знаетъ».

Когда онъ Самгинъ воѣхалъ изъ Саровской пустыни въ Москву, и тогда Зварыкинъ писалъ объ немъ къ Петру Мошкову, къ Алексѣю Носову, къ Семену Казакову и къ синодскимъ секретарямъ Замятнину и Дудину, чтобы они къ нему Самгину были милостивы и о чемъ будетъ просить, въ томъ не оставили, что—де онъ Самгинъ ему Зварыкину учинилъ многое благодѣяніе».

Узелъ затянулся крѣпко.

Въ первыхъ числахъ августа, или въ послѣднихъ іюля, арестантовъ—11-ть человекъ—перевели изъ С. Петербурга въ Ораніенбаумъ, чтобы Теофану, во время отдыха на приморской дачѣ, можно было распутывать этотъ узелъ по предметамъ «не пущей касающейся до нихъ важности, о чемъ персонально условлено у него съ кабинетными министрами». Августа 13 онъ вытребовалъ въ Ранбовъ 8 ямскихъ подводъ для привоза къ нему арестантовъ и отвоза отъ него на мѣсто ихъ обыкновеннаго пребыванія, кажется въ заливѣ, на корабль (*). Но, при чрезвычайномъ усложненіи дѣла, затруднялся одинъ его производствомъ,

(*) Преосвященнѣйшій архіепископъ великоновгородскій и великолукскій. Сего августа 12 дня отъ вашего преосвященства, чрезъ секретаря Хруцова, сообщено къ намъ на разсужденіе, что для произведенія о содержащихся въ Ранимбомѣ извѣстныхъ вашему преосвященству арестантахъ, о не пущей касающейся до нихъ важности, о чемъ персонально вашему преосвященству отъ насъ было донесено, потребно для привозу оныхъ арестантовъ къ допросамъ, такожъ и для отвозу ихъ для содержанія по прежнему, ямскихъ восемь подводъ, или не оставить ли онаго произведенія до прибытія въ Санктъ-петербургъ; но токмо де оныя арестанты въ Ранимбомѣ уже завезены: того де ради безъ изслѣдованія возвращать тѣхъ арестантовъ видѣтца не можно. И по оному вашего преосвященства разсужденію, для вышепоказаннаго, ямскихъ восемь подводъ съ ямщиками, сего августа 13 дня, въ Ранимбомѣ отправлены, велѣно имъ явитца у стоящаго въ Ранимбомѣ лейбъ-гвардіи подпоручика Шшикина, и когда оныя Арестанты отъ вашего преосвященства къ допросамъ востребуютца, то ихъ отвозить на оныхъ подводахъ, о чемъ по оному подпоручику ордеръ, такожъ и на платежъ за прогоны изъ тайной канцелеріи денегъ двадцать рублей послано.

Вашего преосвященства всепокорнѣйшіе слуги : Андрей Остерманъ,
Бнязь Алексѣй Черкасской.

Августа 13 дня
1734 года.
Санктъ-петербургъ.

Феофанъ подалъ Государынѣ докладъ, чтобъ дали ему помощниковъ.

«По извѣстному Вашему Величеству, слѣдующемуся въ Ранибомѣ, секретному дѣлу, по общему ихъ сіятельствъ господъ министровъ со мною согласію, надлежитъ арестантовъ тѣхъ, о нѣкоторыхъ указомъ противныхъ причинахъ и другихъ обстоятельствахъ, спрашивать нынѣ здѣсь; а чтобъ мнѣ чинить то не одному, изволили ихъ сіятельства господа министры согласовать о присутствіи со мною при томъ архимандритомъ. Того ради не изволить ли Ваше Величество повелѣть прибыть сюда архимандритомъ Чудовскому и Ипацкому».

Государыня утвердила докладъ и 16 авг., отдала приказъ перевести арестантовъ изъ Рамбома на прежнее мѣсто и дѣлать съ ними, что надлежитъ. Для перевоза ихъ въ С. Петербургъ отправлены четыре судна, еще одно для подъячихъ съ находящимися у нихъ дѣлами. Находящемуся у означенныхъ арестантовъ на кораблѣ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подпорутчику предписано перевести ихъ подъ крѣпкимъ карауломъ (*).

(*) Преосвященный Феофанъ архіепископъ великоновгородскій и великолукскій.

Милостивой Государь мой.

Сего августа, 17 дня, вашего преосвященства, милостиваго Государя, письмо, въ которомъ написано, что сегожъ августа, 16 дня; Ея Императорское Величество, всемилостивѣйшая Государыня, соизволила указать извѣстныхъ арестантовъ перевести изъ Ранибома на прежнее мѣсто, и того ради дѣлать, что надлежитъ.

И на оное вашему преосвященству, милостивому Государю моему, доношу, что объ ономъ докладывалъ я его превосходительству генералу и кавалеру Андрѣю Ивановичу Ушакову. И его пресходительство изволило приказать, для привоза оныхъ арестантовъ въ Санктъ-петербургъ отправить четыре судна, да обретающимся тамъ подъячимъ съ извѣстнымъ

По привозѣ арестантовъ въ С. Петербургъ, Самгина пытали въ другой разъ и, такъ какъ онъ съ двухъ розысковъ утверждался, что Зварыкинъ подлинно говорилъ ему означенныя не пристойныя слова, а о написанныхъ отъ него Зварыкина, въ своеручномъ письмѣ, важныхъ не пристойныхъ словахъ оной Самгинъ не винился, а между тѣмъ Зварыкинъ, по слѣдующемуся о немъ съ прочими въ Т. К. дѣлу, явился въ подозрѣніяхъ, то рѣшено было Зварыкина лишить монашества, и какъ Самгинъ розыскиванъ будетъ въ третій разъ, то тогда для очной ставки съ нимъ привести въ застѣнокъ и Зварыкина; и ежели Самгинъ, съ третьяго розыску, утверждаться будетъ на прежнемъ своемъ показаніи, тогда изъ подлинной правды розыскивать и имъ Зварыкинымъ. Т. канцелярія просила Синодъ прислать надлежащую духовную персону для снятія съ Зварыкина сана. Синодъ командировалъ, жившаго при домѣ крутицкаго архіепископа Леонида, іеромонаха Герасима. 31 авг. Зварыкина лишили монашества. Спросили о мірскомъ имени, — назвался Григоріемъ Аврамовымъ, сыномъ Зварыкинымъ.

Между тѣмъ и въ Синодѣ свѣдѣнія о главныхъ и по-

дѣломъ одно судно; которые суда, сего числа, съ присланнымъ отъ вашего Преосвященства лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку капрадомъ, Таиѣвымъ и отправлены, и къ стоящему въ Раннѣмъ у означенныхъ арестантовъ на карабѣ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку господину подпоручику, о привозѣ оныхъ арестантовъ и о содержаніи ихъ въ пути подъ крѣпкимъ карауломъ, какъ прежде данная ему инструкція гласитъ, отъ Его Превосходительства посланъ ордеръ, о чемъ донести остаюсь,

Вашего Преосвященства, милостиваго Государя моего, покорный рабъ
Николай Хрущовъ.

Августа 17 дня
1734 году.
Санктъ-петербургъ.

бочныхъ лицахъ этого дѣла пополнялись новыми показаніями, которые не только не ослабляли, но еще болѣе усиливали, на ихъ счетъ, подозрѣнія гражданскаго и духовнаго правительства.

Въ сентябрѣ взятъ былъ въ С. Петербургъ, изъ Николаевской Солбнненской пустыни, монахъ Пахомій и сдѣлалъ очень важныя показанія какъ о себѣ, такъ и объ Іосіи.

Былъ онъ священникомъ въ Москвѣ, при воскресенской Барашевской церкви, и, оставивъ свой приходъ, постригся въ монашество; а о томъ постриженіи указа не имѣлъ, только передъ отходомъ въ монастырь приходилъ къ преосвященному Іоакиму, архіеп. ростовскому и объявилъ ему о томъ своемъ намѣреніи; на что его преосвященство сказалъ ему: Боже помози. При отходѣ отъ церкви онъ ни ризницы, ни утвари церковной никому не поручилъ, а ушелъ тайно, и указа не требовалъ, опасаясь, что, по силѣ запретительныхъ указовъ, его не постригутъ.

Онъ думалъ было постричься въ Саровской пустыни, къ чему располагала его строгая жизнь тамошней братіи. А узналъ онъ о ней по слѣд. случаю. Познакомившись съ Саровскимъ строителемъ Іоанномъ, еще до 1727 г., онъ спрашивалъ, какой у нихъ чинъ въ монастырѣ держать. Іоаннъ далъ ему уставную грамоту своего монастыря, за подписью М. Стефана, и сказалъ, что у нихъ всегда непремѣнно дѣлается такъ, какъ въ грамотѣ написано. По прочтеніи ея, онъ и возимѣлъ рѣшительное намѣреніе постричься въ Саровской пустыни, и для того отправилъ туда все свои вещи; только въ ту пору еще нельзя было ему постричься, потому что еще жена его жива была. А такъ какъ строитель часто бывалъ въ Москвѣ, то онъ спрашивалъ: кто же, въ небытность его, Іоанна, по той грамотѣ чинъ отправляетъ и надъ братією надсматриваніе имѣеть? Іоаннъ отвѣчалъ: іеромонахъ Іосіи; онъ же у него въ монастырѣ

и духовникомъ въ братствѣ. Когда послѣ того Юсіа прибылъ въ Москву, то имѣлъ у него квартиру и, разговорившись о монастырскихъ дѣлахъ, сказывалъ, что—де, отъ возмущенія въ Саровской пустыни монаха Георгія Зварыкина, избранъ новой строитель Дорощей, и хотя ты и многое усердіе имѣешь къ постриженію въ той пустыни, только тебѣ тамъ не ужитья. Бывшей де строитель іеромонахъ Іоаннъ человекъ правной, и все обращается за приказными хлопотами, и бываетъ года по два и больше въ отлучкахъ изъ монастыря, а правительство монастыря и братства имѣлъ все я; и монахъ—де Георгій Зварыкинъ врагъ Божій, и какъ де онъ приметъ правительство, то де и многіе монахи разбредутся. Онъ—де человекъ бѣсноватой. И ежелибъ Богъ далъ мнѣ какое въ монастырѣ мѣсто, тобѣ—де я во всемъ непременно противъ Саровской пустыни чинъ содержалъ». Вотъ почему онъ Пахомій и началъ стараться объ опредѣленіи его въ Берлюковскую пустынь, ѣздилъ къ братіи и взялъ отъ нихъ заручную въ пользу Юсіа.

Послѣ опредѣленія его Берлюковскимъ строителемъ, Пахомій и самъ постригся въ этой пустыни. Но, взглянувши на Юсію поближе, онъ разочаровался въ его аскетическихъ добродѣтеляхъ. Онъ видѣлъ все его продѣлки, какъ онъ не служилъ ни царскихъ молебновъ, ни панихидъ: «наше—де пустынное дѣло»;—какъ съ разными хитростями принималъ и постригалъ монаховъ. «Онъ принималъ къ себѣ монаховъ, яко постриженныхъ въ иныхъ монастыряхъ; а какъ я увѣдомился, что они пострижены отъ него строителя, говорилъ ему: для чего онъ самъ постригаетъ, а сказываетъ, что пострижены въ другихъ монастыряхъ? И онъ мнѣ говорилъ: ты внимай себѣ и своему спасенію, а отца не подзирай и наготы его не обнажай». Когда велѣно было подать о монахахъ сказки, то сказки тѣ сочинялъ Сильвестръ,

а ему Пахомію давали переписывать—и въ тѣхъ сказкахъ писано все неправда. А которые изъ бѣльцовъ просились у него постригаться, онъ въ тѣ сказки писалъ ихъ монахами, къ которымъ сказкамъ они и руки монашескимъ именемъ прикладывали, много такихъ, которые еще и женъ имѣютъ. Когда онъ Пахомій говаривалъ объ этомъ Іосіи, тотъ отвѣчалъ: ничего, у насъ вкладчики хороши. А вкладчики архим. Варлаамъ, князь Одоевскій и прочіе люди знатные. Да въ великій постъ, послѣ церковнаго правила, пришолъ я къ нему въ келью, для благословенія, и онъ на іеромонаха Никодима весьма кричалъ и упоминалъ, что онъ общества монастырскаго не хранитъ, а имѣетъ положенныя на сбереженіе деньги 30 р. въ міръ: «или—де отдай ихъ мому, или въ монастырь привези. Тыжъ возмущаецъ братство и хвалишь Саровскую пустынь». Когда онъ Пахомій вышелъ, слышно было, что строитель Никодима билъ и отъ тѣхъ побой онъ лежалъ съ недѣлю и больше, и рукою не владелъ недѣли съ три. Когда Пахомій сказалъ, что онъ будетъ доносить обо всемъ начальству и что съ нимъ согласны монахи Ирнархъ и Никодимъ, то онъ всѣхъ ихъ выгналъ изъ монастыря; а ему Пахомію, вспомявши Хама и Іуду, сказалъ: бѣсъ тобою обладалъ, что ты все подзираешь за отцомъ».

«Когда онъ, строитель, посылалъ его въ троицкій и въ другіе монастыри, то по прозвбѣ позволялъ ему захватить и въ Саровскую пустынь, къ которой онъ имѣлъ склоненіе, но при томъ говорилъ: какъ—де ты станешь близко подъѣзжать къ Саровской пустыни, и ты всѣ чувства свои огради крестнымъ знаменіемъ и весьма сіе наблюдай, чтобъ де тебя не обошли вокругъ, а больше берегися монаха Георгія; онъ такой, что, ежели не сможетъ самъ чего учинить, то другому дастъ щепочку и тою щепкою обойдутъ вокругъ человѣка, и умъ станетъ не свой».

Берлюковское слѣдствіе официально подтвердило эти показанія. Любопытно это слѣдствіе для исторіи прошлаго столѣтія, утѣдпаго отъ насъ еще не Богъ знаетъ въ какую даль.

Во первыхъ о пустыни. Она имѣетъ какое-то апокрифическое происхожденіе. Прѣдвѣль оказалось только, что на основаніе ея, въ между—патріаршество, данъ указъ, за рукою архим. Антонія, когда онъ былъ казначеемъ въ синодальномъ домѣ, купецкому человѣку Вуколу Мартынову, а строителемъ опредѣленъ, по такомужъ указу, іеромонахъ Стромнинскаго монастыря Діодоръ. Послѣ этого Діодора и Серапіона, опредѣленъ строителемъ іеромонахъ Никифоръ, родомъ изъ крестьянъ, постриженникъ Богословской пустыни. Въ опредѣленіи его, кажется, примала участіе царица Евдокія Федоровна. За самовольное постриженіе монаховъ онъ попалъ подъ судъ и содержался подъ карауломъ въ московскомъ духовномъ приказѣ; потомъ изъ подъ караула бѣжалъ и урывался сперва у Антонія, въ Саввиномъ сторожевскомъ монастырѣ, послѣ того въ Москвѣ на сергіевскомъ подворьѣ и въ сергіевскомъ монастырѣ; наконецъ, пробрался въ С. Петербургъ; содержался нѣсколько времени подъ карауломъ въ Невскомъ монастырѣ, битъ плетми и сосланъ подъ арестъ въ Богословскую пустынь. Прѣемникъ его Іосія дѣйствовалъ въ томъ же духѣ. Не говоря о множествѣ постриженныхъ безъ указа, вотъ какія показанія читаемъ у многихъ берлюковцевъ: «монахъ Макарій сказалъ—родомъ онъ изъ Смоленска, польской націи, сапожниковъ сынъ, женатъ на дочери Кадашевца, Оумы Иванова, дѣвкѣ Агаѣ, которая и понынѣ жива.... о чемъ онъ и говорилъ строителю, но онъ въ томъ ему не спорилъ». «Монахъ Іустъ сказалъ—родомъ онъ изъ вотчины столбника Дохторова Ярослав. узда, и по возрастѣ жинилъ, и женясь жилъ въ Москвѣ, а въ прошломъ 1732 г.

данъ имъ съ женою отъ помѣщика увольнительный паспортъ на постриженіе: мужъ отправился въ Берлюковскую пустынь, а жена отправилась въ Хатьково. Іосія, безъ постриженія, велѣлъ надѣть на него полное монашеское платье и назвалъ Іустомъ. О женѣ въ Хатьковомъ показали, что она живетъ тамъ съ позволенія архим. Варлаама, но не пострижена. Прочіе его постриженники всѣ пострижены безъ испытанія и безъ указовъ, большею частію въ кельѣ, а не въ церкви, и безъ увольнительныхъ видовъ отъ своихъ общинъ. Самгинъ показалъ, что онъ отважился на это отъ простоты своей: «окаянный и безумный, былъ я Саровской пустыни правителемъ, а изъ монастыря мало ѣздилъ въ міръ, и то когда по неохотной какой нуждѣ, и такимъ безумнымъ своимъ въ монастырѣ сидѣньемъ до такой бѣды себя довелъ, что указовъ истинно, какъ о бѣглыхъ крестьянахъ повелѣваютъ, не читывалъ; и со обстоятельствомъ о томъ не слыхалъ; только опасался о постриженіи монашескомъ, что о томъ указы вѣдалъ, но и въ томъ окраденъ былъ:—простоты ради мнилъ, что указомъ о постриженіи есть какая перемѣна, потому что слышалъ въ троицкомъ монастырѣ постригаютъ. А о постриженныхъ имъ монахахъ въ шнуровыхъ книгахъ не писалъ, боясь, чтобъ за постриженіе ихъ не было взыску. Также согрѣшилъ окаянный простотою своею — держалъ въ пустыни бѣльцовъ нѣсколько человекъ,—а держалъ не за бѣглыхъ. Первой Степанъ, отецъ Боголѣпа, который пришедши въ монастырь сказывалъ, что онъ желалъ постричься и жену имѣть. А въ то время указы и застали, чтобы въ монастыряхъ сдѣланы были зашнурованныя книги и табели, и монахибъ всѣ были написаны; а помнится мнѣ указы тѣ были въ 33 году, и я боясь тѣхъ указовъ, что впредь нельзя будетъ пришлыхъ монаховъ принимать, а жить мнѣ не съ кимъ, по желанію Степана написалъ его

въ табель монашескихъ именемъ, и другаго съ нимъ, купцаго жь челоуѣка, Григорія Дмитріева женатаго, по желанію его; третій записанъ въ табель безъ постриженія Федоръ Семеновъ холостой; да Яковъ Семеновъ, да Григорій—малой, лѣтъ шестнадцати. Такъ они и подписались въ табели монашескими именами».

Отправляя новопостриженныхъ къ посвященію въ іеромонахи и іеродіаконы, Самгинъ приказывалъ имъ дѣлать ложныя показанія. Вотъ правдивый разсказъ Боголѣпа: «изъ новопостриженныхъ посвящены только двое—я, да другой Никодимъ. Я въ Саровской пустынѣ постриженъ, а Никодимъ въ Берлюковской пустынѣ постриженъ. Никодима—та посвящалъ архіерей ростовской Іоакимъ въ іеромонахи, а меня—въ іеродіаконы. Меня научилъ Іосія сказку-то сказать. Мнѣ говорилъ: скажи ты села Кужендѣй, церкви Воскресенія Христова поповъ сынъ. Такъ я спросилъ, какъ она-та назвать? Такъ онъ сказалъ мнѣ: хоть отца-то скажешь своего, а лѣтъ-та двадцать четыре. Я такъ и сказалъ. А Никодима-тъ какъ сказку-то сказалъ, я не знаю. А за дѣломъ этимъ въ ставленическую ходилъ Сильвестръ; а архіерея-та просилъ Іосія-та, што бы насъ посвятилъ».

Новое показаніе Пахомія въ тайной канцеляріи еще мрачнѣе набрасывало тѣнь на Берлюковцевъ и гнѣздо ихъ.

«Въ прошломъ 1733 г.—показывалъ онъ къ слову—января противъ 19 числа, въ Берлюковской пустыни, кромѣ бывшаго строителя, іеромонаха Іосія, что нынѣ разстрѣга Яковъ Самгинъ, другихъ іеромонаховъ никого не прилучилось». Теофану это показаніе явилось страннымъ; онъ написалъ на немъ: «о томъ, что кромѣ строителя другихъ іеромонаховъ въ пустыни не прилучилось, (хотя то къ настоящему дѣлу, кажетца, и не надлежитъ), допросить Пахомія и другихъ, гдѣ бывають іеромонахи и монахи, когда мнѣ въ монастырѣ и въ ночи нѣтъ, да еще

и всё вдругъ отлучаютца; а и безъ показанія ихъ показуется, что та пустыня видъ только монастыря имѣла, а была пристанище бродягамъ и прелестнымъ лицемѣромъ».

Вслѣдствіе этихъ показаній и донесенія Берлюковской комисіи, въ Синодѣ, 17 янв. 1735 г., состоялось опредѣленіе: монаховъ и тружениковъ Берлюковской пустыни исподоволь разослать, куда указы повелѣваютъ; московское подворье Берлюковской пустыни продать, а деньги отдать въ монастырь, куда изъ той пустыни церковную утварь и прочее церковное имѣніе отдать повелѣно будетъ».

Такой же патриархольнаго простотой отличалось производство дѣлъ въ московской дикастеріи и въ синодальной канцеляріи.

Духовная дикастерія опредѣлила Іосію въ строители Берлюковской пустыни безъ надлежащихъ справокъ объ немъ и о прежнемъ бѣжавшемъ строителѣ Никифорѣ. Судья архим. Аввакумъ Львовъ показалъ, что сдѣлалъ это упущеніе отъ простоты своей; но Барашевскій попъ Пахомій вывелъ наружу домашнюю тайну; онъ повинился, что купилъ два ведра ренскаго, да три четвертныя—водки: вино далъ архим. Аввакуму, а водку Секретарю съ подьячими; прочіе проторы и хлопоты по дѣлу несъ купецъ Кляюевъ. Въ дѣлѣ оказались подчистки и поправки въ годѣ и числѣ такого рода, что нельзя было объяснить ихъ иначе, какъ поддѣлкой. Аввакума взяли въ тайную канцелярію и держали три года въ казематѣ Петропавловской крѣпости. Наконецъ, разобравши дѣло, тайная канцелярія опредѣлила: такъ какъ онъ учинилъ все съ простоты своей, то бить его, вмѣсто кнута, плетью и сослать въ монастырское братство, куда Синодъ назначить.

Подозрѣнія шли еще дальше. Когда у Берлюковцевъ

спросили: почему узнали они, какое показаніе сдѣлалъ Зварыкинъ въ синодальной канцеляріи, Викторовъ отвѣчалъ: что Іосія узналъ объ этомъ отъ ростовскаго архіерея Іоакима, и отъ секретаря Топильскаго. Тайная канцелярія заподозрила образъ ихъ дѣйствій, но передала слѣдованіе о нихъ Св. Синоду.

Въ синодскихъ дѣлахъ оказалось, что Іосія переведенъ въ Берлюковскую пустынь съ вѣдома Іоакима; онъ же посятилъ въ Бараши, на мѣсто Пахомія, который постригся въ Берлюковской пустыни, другаго, безъ слѣдствія о бѣжавшемъ священникѣ. Наконецъ открылось за нимъ еще одно, очень важное подозрѣніе.

По распросамъ Зварыкина, Самгина и Викторова, оказалось, что Іоакимъ велъ ихъ дѣло медленно, нерѣшительно, заставляя Сильвестра перечеркивать, переправлять и переписывать поданныя имъ доношенія на Зварыкина. Феофану показалось, что Іоакимъ принимаетъ въ этомъ дѣлѣ участіе; но какое и по какимъ побужденіямъ?—Синодъ поручилъ изслѣдовать это дѣло коломенскому епископу Веніамину. Съ какою строгостію велось это дѣло, можно видѣть изъ слѣдующаго указа преосв. Веніамину. «По полученіи Ея И. В. указа, въ тожъ самое время, не промедля нимаю, ѣхать вамъ изъ Коломны въ Москву; въ тое самое время, какъ ваше преосвященство въ Москву пріѣдете, какъ сей, такъ и пріобщенный при семъ къ синодальному члену, преосвящен. Іоакиму, архіеп. ростовскому послушной Ея И. В. указъ его преосвященству въ синодальномъ домѣ, въ кельѣ казначея Филагрія, наединѣ объява, требовать, чтобы его преосвященство обо всемъ написалъ правдивой, по архіерейству, подъ лишеніемъ онаго, отвѣтъ: какъ, и когда, и при комъ, и какимъ образомъ, и для чего, и чрезъ кого, и за чьимъ согласіемъ подлинно все оное происходило, — объясня въ немъ каждую строку и рѣчь,

отъ слова до слова, съ подписаніемъ, притомъ имени своего, въ томъ же самомъ времени, безъ всякаго упущенія и отлагательства;—допросить о томъ же синод. секретаря Протопопова и дикастерскаго члена Тонильскаго, каждаго порознь, подъ лишеніемъ за ложныя показанія живота;—все вышесказанное отправлять тебѣ преосв. епископу, невзирая ни на какия пристрастія, вспоминая всегда показанную къ тебѣ Ея И. В. милость, а когда въ отправленіи сего дѣла покажешь себя исправнымъ, безъ всякаго подозрѣнія и ласкательства, то впредь уповай, ваше преосвященство, за то отъ Ея И. В. къ себѣ показующіяся милости. (Ужъ конечно выше и святѣ этаго ничего и на свѣтѣ нѣтъ для епископа и для человѣка!). Въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ и которомъ часу, предъ полуднемъ или послѣ полдни, и гдѣ сей Ея И. В. указъ получите, и съ того времени, какое ваше дѣйство начнется, о всемъ томъ имѣть вашему пр. своеручный журналъ».

Обнадеженный начинающеюся милостія Ея В. Веніаминъ былъ точенъ до нетерпѣливости.

«Полученъ мною въ Коломнѣ указъ декабря 5 числа, въ 5-мъ часу пополудни,—доносилъ онъ св. Синоду.

«Тогожъ числа съ Коломы поѣхалъ въ Москву во 2-мъ часу по полудни. Тогожъ числа послалъ синодальнаго діакона Павла, дабы его преосвященство, Іоакимъ ростовскій и ярославскій, изволилъ пріѣхать въ синодальный домъ, въ келью отца казначея, іеромонаха Филагрія.

По той посылкѣ его преосвященство пріѣхалъ въ синодальной домъ тогожъ 6 числа; въ кельи казначейскія вышелъ въ 4 часу, въ началъ, пополудни; въ томъ же часу присланный ко мнѣ указъ его преосвященству объявилъ и съ того самаго времени его преосвященство отвѣтствие началъ писать; а какъ ударило пополудни 8 часовъ, не окончивъ

отвѣтсвѣи, запечаталъ я своею печатью и оставилъ у казначея, а его преосв. и я поѣхали на свои подворья.

7-го числа въ 6 часу пополночи, паки пріѣхали въ тѣже казначейскія кельи и началъ его преосвященство тотъ отвѣтъ писать и, какъ заблаговѣстили къ обѣдни, неокончанный отвѣтъ взялъ я къ себѣ, и пошли въ соборъ къ обѣдни, и, отслуживъ обѣдню, гѣли съ прочими всякаго званія церковнослужителями благодарный молебенъ.

По отпѣтїи молебна, въ 1 часу пополудни, паки вошли въ тѣжъ кельи, и началъ его преосвященство тотъ же отвѣтъ писать.

А какъ заблаговѣстили къ вечерни, его преосвященство пересталъ писать и сказалъ, что утро предлежитъ его преосвященству имѣть служеніе въ соборѣ, такожде и въ понедѣльникъ отвѣту писать не соизволить, понеже на-мѣренъ быть въ служенїи. И я такой неокончанный отвѣтъ паки запечаталъ своею печатью и отдалъ казначею, іеромаху Филагрію, а сами разѣхались ко своимъ подворьямъ; только весьма медленно изволить писать».

Ростовскій архіерей показалъ, что Іосія пріѣзжалъ къ нему на подворье и въ разговорѣ сказалъ, что есть—де у насъ монахъ, а ему сынъ духовный, и имѣетъ въ себѣ волшебство. Я спросилъ его: какое? И онъ разстрига сказалъ: временно бѣснуется и мучаетъ его крѣпко зѣло; мы и въ цѣпяхъ его держали, и къ стѣнѣ приковывали и заклиательныя молитвы читали надъ нимъ, и онъ—де разстрига Григорій говорилъ имъ: какъ хочу—де, меня ничто не удержитъ; мнѣ служить нѣкоторыя дѣвы, не можете видѣть; какъ—де имъ что велю, то и дѣлаютъ, и куда пошлю для чего,—и они мнѣ сказываютъ. Да онъ же разстрига Григорій въ духовности сказывалъ, что сатанѣ прїобщился и Христа письмомъ отвергся». Слыша это Юанимъ велѣлъ Іосію подать письменное объявленіе. Недѣли

черезъ двѣ послѣ этого пришолъ къ нему берлюковскій монахъ и сталъ просить, чтобъ въ духовности прислушать за нимъ тяжкіе грѣхи, потому что онъ въ отчаяніи: это былъ Зварыкинъ. Іоакимъ принялъ его ласково, выслушалъ и велѣлъ принести письменное объявленіе о своихъ грѣхахъ, а больше съ нимъ ничего не говорилъ—«понеже я имѣлъ страхъ не малой, чтобъ пакости какой мнѣ не сдѣлалъ». Послѣ того Іосія опять пришолъ къ Іоакиму съ Сильвестромъ (Викторовымъ), и когда Іоакимъ напомнилъ ему, чтобы подалъ доношеніе на монаха, замѣченнаго въ волшебствѣ, Іосія отвѣчалъ, что онъ и самъ теперь въ Москвѣ. Іоакимъ приказалъ арестовать его, а объявленіе сдалъ въ синод. канцелярію. Гдѣ теперь Сильвестрово доношеніе, и не изодрано, того онъ не знаетъ; только отъ него такого приказа не было, чтобъ его изодрать. Секретарь Протопоповъ наказалъ прямо, что Іоакимъ прежнія два доношенія разодралъ, и что Зварыкинъ потомъ жаловался, что его повели къ суду не по какому нибудь доносу, а по его собственному признанію на духу. «И то,—прибавилъ Протопоповъ, — что преосвященный то Зварыкино самовольное покаяніе превратилъ въ доношеніе отъ другаго, наказалось мнѣ непорядочно и яко бы составленное».

Разсмотрѣвши отвѣтъ Іоакима, Феофанъ написалъ: «по мнѣнію моему, надлежитъ отвѣтъ преосвященнаго ростовскаго, въ дѣлахъ и рѣчахъ здѣ показуемыхъ, сообщить изъ Синода въ т. канцелярію, для вторичнаго о томъ допросу разстригъ Викторову. 11-го января 1735 г.»—25 февраля показаніе Іоакима отправлено въ т. канцелярію,—и больше съ нимъ, кажется, не было судебныхъ переговоровъ.

IV.

Дѣло несчастныхъ саровцевъ и берлюковцевъ кончилось ужъ по смерти Феофана, но въ томъ направленіи, какое

далъ ему Феоданъ. Они признаны величайшими государственнымн преступниками и осуждены съ трогостію, отличающею тѣ ужасныя времена.

Раньше другихъ кончилось дѣло побочныкъ лицъ. Мы упоминали выше о двухъ лицахъ іеросхимонахѣ Дмитріѣ, котораго Щелягины видали съ Родышевскимъ, и іером. Клеопѣ, который, по порученію Родышевскаго, переписывалъ тетради о монашествѣ для Щелягина. Само собою разумѣется, что Т. канцелярія не могла остзвить безъ изслѣдовація этихъ показаній.

30 апр. 1734 г., слѣдовательно тотчасъ же, какъ дѣло перешло въ С. Петербургъ,—Т. к. предписала московской конторѣ: собрать свѣденія объ іеромонахѣ Дмитріѣ: откуда онъ сосланъ былъ въ Симоновъ монастырь, и за какую вину и въ которомъ году, и, въ бытность въ томъ монастырѣ, съ кѣмъ и какое обхожденіе имѣлъ, и почему освобожденъ и куда отпущенъ? А іеромонаха Клеопу взять въ контору Т. канцеляріи и, при взятыѣ, обыскать у него писемъ и книгъ, и, что по обыску явится, разобрать и рассмотреть и распросить съ не малымъ подтвержденіемъ: по какому случаю и давноль онъ свелъ знакомство съ Родышевскимъ, и многоль копій снялъ съ сочиненныхъ имъ статей о монашествѣ, и кому роздалъ, и для чего, и по онымъ копіямъ что приказывали чинить?

По розыскамъ оказалось, что іеромонахъ Дмитрій проживаетъ въ Софроніевской пустынѣ. Какъ развязалась его судьба, не знаемъ. Но досталось бѣдному строителю, который принялъ его въ свою пустынь.

Въ 1737 году, Т. канцелярія положила отослать его въ Синодъ, съ слѣдующимъ рѣшеніемъ: Софроніевской пустыни строителя Сергія, за то, что онъ бѣлаго іеросхимонаха Дмитрія принялъ къ себѣ въ Софроніеву пустынь, и когда Дмитрій изъ той пустыни бѣжалъ и сдѣлавъ се-

бѣ въ лѣсахъ келью жилъ, то не только не объявлялъ, но еще далъ письмо, будто они съ монахомъ Онуфріемъ отпущены имъ изъ Софроніевой пустыни, — лиша монашескаго сана, бить плетью нещадно, и сослать въ дальній монастырь, въ которомъ содержать его неисходно въ братствѣ, и впредь не токмо въ настоятели, но и до іеромонашества не допускать.

При отсылкѣ въ Синодъ, Сергій объявилъ, что имѣеть до генерала Ушакова нѣкоторую нужду. Спросили—какую? Сергій объявилъ, что въ 139 зачалъ апостола есть рознь въ чтеніи старыхъ и новопечатныхъ книгъ (въ новыхъ: намъ единъ Богъ отецъ, изъ него же вся и мы у него и единъ Господь Иисусъ Христосъ, имже вся и мы тѣмъ,— и третьей Персоны нѣтъ ни въ московскихъ, ни въ кievскихъ, ни въ черниговскихъ) и прибавилъ, что показалъ это не ради клеветы, но ради самой пресв. Троицы. Т. канцелярія объявила, что это слѣдуетъ къ разсмотрѣнію Св. Синода. Синодъ сослалъ его въ Кириловъ монастырь (*).

Клеопы въ Симоновѣ не оказалось; онъ былъ опредѣленъ строителемъ въ приписную къ Симонову монастырю Великовражскую пустынь нижегородской губерніи. По взятѣ въ контору т. канцеляріи Клеопа на допросахъ показалъ, что онъ сынъ смоленскаго мѣщанина, по мірскому имени Кондратій Дмитріевъ, что онъ хотѣлъ учиться въ школахъ и для того пришолъ въ Москву, но встрѣтившись съ Игуменомъ Бѣжецкой Добрынской пустыни, іеромонахомъ Рувиномъ, уѣхалъ съ нимъ въ пустынь и постригся въ монашество. Изъ пустыни перешолъ въ Симоновъ монастырь, познакомился тутъ съ Родышевскимъ и переписывалъ ему

(*) Освобожденъ еще при Аннѣ, маннестомъ по случаю окончанія Турецкой войны. (Дѣла арх. Св. Синода, 1740 г. № 164).

спроста разныя тетради. Такъ какъ другихъ подозрѣній за нимъ не открывалось, то, въ 1735 г. 26 авг., состоялся объ немъ приговоръ: за вину его, о которой явно по дѣлу, учинить ему наказанье, бить плетьюми нещадно; а чтобъ отъ него впредь какихъ продерзостей происходить не могло, послать его въ пристойный монастырь, по разсмотрѣнiю св. Синода; взятыя у него въ контору печатныя книги и монастырскiя письма, въ которыхъ, по разсмотрѣнiю, важности никакой не явилось, отослать въ Московскую Синодальную канцелярiю. Синодальная канцелярiя послала его въ Сѣвскiй Спасскiй монастырь, запретивъ ему «іеромонашеское дѣйствовать, людей и трапезы благословлять».

Въ 1738 г., дек. 13, по доношенiю т. к., состоялся высоч. указъ, рѣшившiй участь Саровцевъ и Берлюковцевъ: разстригу Якова Самгина, вмѣсто смертныя казни, бить кнутомъ и, съ вырѣзанiемъ ноздрей, сослать въ Камчатку, въ работу вѣчно; разстригу Ивана Кучина бить кнутомъ и сослать на сибирскiя казенныя желѣзныя заводы, въ работу вѣчно; разстригу Степана Викторова отослать въ военную коллегiю, для написанiя въ писари; разстригу Григорья Зварыкина, вмѣсто смертныя казни, сверхъ бывшихъ ему розысковъ, бить кнутомъ нещадно и, съ вырѣзанiемъ у него ноздрей, сослать въ Охотскiй острогъ, въ работу вѣчно (*).

Декабря 16, тайная канцелярiя просила Синодъ прислать духовную персону, для снятiя сана съ іеромонаха Ефрема и іеродиакона Богодѣпа, о которыхъ 15 декабря состоялся Ея И. В. указъ за подписанiемъ, собственныя Ея И. В. руки: іеромонаха Ефрема, за важныя его вины, по лишенiи іеромонашества, бить кнутовъ нещадно и со-

(*) 15 Декабря Салтыковъ изъ Москвы доносилъ Ушакову: «присланные, при письмахъ вашего превосходительства, для ссылки, колодники—быв-

слать въ Оренбургъ въ шахты вѣчно; іерод. Богодѣпу, за вины-жъ его, лина монашескаго чину, вмѣсто кнута, учинить нещадное наказаніе плетью и отослать въ военную коллегію, для написанія въ солдаты. По разстриженіи, приказано имъ называться мірскими именами: Еврему-Евдокимомъ Короткимъ, Богодѣпу-Борисомъ Степановымъ.

Декабря 19, состоялось рѣшеніе о Пахоміѣ и Никодимѣ.

«Онымъ Никодиму и Пахомію, за то, что слыша они той пустыни отъ бывшаго строителя іеромонаха Іосія, нынѣ разстриги Якова Самгина, важныя и непристойныя разсужденія, и вѣдая Никодимъ объ одномъ, а Пахомій о трехъ неотправленныхъ Самгинымъ молебнахъ, на него не доносили и о томъ молчали, закрывая его Самгина, — къ тому же и въ прочихъ винахъ и подозрѣніяхъ они явились, о чемъ явно по дѣлу, — учинить жестокое наказаніе, вмѣсто кнута бить плетью нещадно, и послать къ несходному жительству въ дальные монастыри, въ которые Св. Синодъ заблагоразсудитъ. А что они въ монахи постриглись безъ указа, своевольно, и за оное чему имѣютъ быть они достойны, оставить на разсужденіе Синода. По разсмотрѣнію Синода, Никодимъ отправленъ къ Новгородскому, а Пахомій къ Вологодскому архіереямъ, для опредѣленія въ дальніе монастыри ихъ епархій (*).

шій оберъ секретарь св. Синода Михаилъ Дудинъ, бывший же канцеляристъ Якимъ Филиповъ съ женою и Михайла Аврамовъ, да разстриги, Александръ Давыдовъ, Яковъ Самгинъ, Григорій Зварыкинъ, Иванъ Кучинъ, Евдокимъ Короткой, Павелъ Малиновской, монетной канцелярши камериаръ Бѣликовъ съ женою, въ Сибирь и въ Оренбургъ, въ показанныя мѣста отправлены изъ тайной конторы, подъ надлежащими караулы, на ямскихъ подводахъ, всѣ порознь».

(*) *Никодимъ* сосланъ въ Бѣжецкій монастырь, въ которомъ и остается до смерти императрицы Анны. Въ 1741 г., марта 9, былъ освобожденъ и опредѣленъ въ московскій Чудовъ монастырь.

Саровскій первоначальникъ, Іеросхимъ Іоаннъ, четыре года содержался въ крѣпости, получая кормовыхъ по 2 к. на день. Послѣдняя выдача ему была 16 декабря, 1737 г. (*). Послѣ этого имени его не упоминается, на ряду съ прочими, въ расходной книгѣ денежной казны. Стало быть онъ скончался между 16 декабря 1737 г. и 1 января 1738 года,—но, судя по ходу дѣла, скончался не насильственною смертію. По показанію самаго Ивана, въ годъ смерти, ему было 67 лѣтъ (**). Гдѣ онъ погребенъ, изъ дѣлъ Т. к. невидно.

Невинность Макарова въ дѣлѣ Саровцевъ и Берлюковцевъ доказана была его собственными показаніями, всѣмъ ходомъ дѣла и показаніями Берлюковцевъ съ очныхъ ставокъ и пытомъ. «Самгинъ въ распросѣ до третьяго розыску утверждался: Алексѣю де Макарову и женѣ его Прасковѣ о показанныхъ отъ него Самгина и ни о какихъ важныхъ дѣлахъ онъ, Самгинъ, не сказывалъ, и ни о чемъ

(*) По указу Ея И. В., за подписаніемъ его превосходительства (Ушакова), выдано содержащимся въ т. к. колодникамъ, декабря съ шестаго на десять, января по первое число 1738 году, и того на шестнадцатидней, кормовыхъ: архимандриту Маркелу Родышевскому, жонкѣ Татьянѣ Якимовой и того двумъ по 4 к. на день; Димитрію Мещерскому, Филипу Бѣликову, разстригамъ Свдору Маевскому, Ивану Рѣшилову, и того пяти, по 5 к. на день, архимандриту Теофилакту, іеросхимонаху Іоанну,.... и того пятидесяти шести по 2 к. на день.... (Расходная кн. денежной казны по т. канцеляріи, на 1737 годъ).

(**) Издатели описанія Саровской пустыни («Общежительная Саровская пустынь: записки собранныя Іером. Авелемъ, 2 изд. Москва 1860 г.») приложили къ описанію портретъ Іоанна, въ сѣлѣ, съ подписью внизу: скончался въ 1737 году, 4 іюля, на 81 году. Оба числа не вѣрны. У нихъ же самихъ въ текстѣ описанія, на 22 стр., сказано объ Іоаннѣ: житія его въ сей маловременной жизни было шестьдесятъ семь лѣтъ». Это вѣрно.

о томъ съ ними, такожь и они съ нимъ Самгинымъ не разсуждали, и согласія ли въ какихъ важныхъ дѣлахъ не имѣли и никакихъ важныхъ дѣлъ отъ нихъ Макарова и жены его онъ не слыхалъ».

Но Тайная канцелярія все еще подозрѣвала что-то и продолжала держать Макарова и семью его подъ домашнимъ арестомъ.

Въ 1737 г. янв. 11, онъ подалъ государынь прошеніе объ окончаніи его процесса.

«Содержимся мы бѣдные, съ женою и съ дѣтьми, за крѣпкимъ арестомъ, тому уже третій годъ, и не только къ намъ кого, но и насъ до церкви Божіей не допускають а пожитки мои, и жены и дѣтей и племянниковъ моихъ, оставшихъ въ сиротствѣ послѣ брата моего, всѣ запечатаны и письма забраны; отъ чего, чрезъ продолжительное время, запечатанное платье и другіе тѣлныя вещи, въ нижней палатѣ отъ сырости гниють; деревнишки наши по-сторонніе не только нападками своими разоряють, но видя насъ въ такой бѣдности отнимають напрасно. Всемилостивѣйшая государыня императрица, умилосердися надъ нами бѣдными, горькихъ слезъ и печалей наполненными! повели, всемилостивѣйшая государыня, для приходящихъ преславныхъ торжественныхъ дней рожденія и тезоименитства Вашего Императорскаго Величества и для своего Императорскаго Величества многолѣтнаго здравія и благополучнаго на всероссійскомъ престолѣ пребыванія, по дѣлу моему милостивое рѣшеніе учинить.

Вашего Императорскаго Пресвѣтлаго Величества, всеподданнѣйшій и всенижайшій рабъ Алексѣй Макаровъ съ женою и съ бѣдными дѣтьми». Въ 11 д. Января 1737 году.

Черезъ полгода послѣ этого прошенія (11 сент.), Остерманъ, безъ сомнѣнія по приказанію государыни, велѣлъ объявить письма Макарова Ушакову. Ушаковъ велѣлъ положить ихъ въ удобное мѣсто. на этотъ разъ тѣмъ и ограничилось движеніе дѣла. Еще черезъ полгода (31 января 1738 г.). Остерманъ приказалъ секретарю т. к. Хрущову, съ кабинетнымъ секретаремъ Пуговичниковымъ, разобрать и рассмотреть письма Макарова и, если явится въ нихъ какая важность, или какіе покажутся имъ сомнительны, тѣ, отобравъ и описавъ поименно, доложить ему немедленно. Въ письмахъ не оказалось никакой важности, а дѣло опять затянулось. Наконецъ, ужъ по окончаніи дѣла о Саровцахъ и Берлюковцахъ, поданъ былъ въ Кабинетъ желанный экстрактъ о Макаровѣ (27 сент. 1740 г.).

Какое было окончаніе дѣла, не знаемъ. Судя по послѣдующей перепискѣ, знаемъ однакожъ, что Макаровъ былъ освобожденъ и въ томъ же 1740 г. скончался.

Въ 1741 г., сынъ Макарова, поручикъ Петръ Макаровъ, съ согласія мачихи своей, вдовы Прасковьи Юрьевой, просилъ возвратить ему изъ т. к. взятыхъ у отца его письма, записи, векселя и крѣпости. Т. к. возвратила всѣ, исключая сомнительныхъ, которые положила хранить при дѣлѣ.

Чтожъ это были за сомнительныя письма? Исторія Петра великаго, письма императрицы къ женѣ Макарова изъ Митавы, и нѣсколько писемъ графа Матвѣева и жены его объ увеличеніи содержанія графини Матвѣевой при Курляндскомъ дворѣ!

V.

Въ 1740 г., окт. 23, правительница Анна дала указъ о прощеніи и освобожденіи всѣхъ духовныхъ, военныхъ, статскихъ и другихъ чиновъ, которые за несправность

должностей своихъ и за непорядочныя поступки, въ противность высочайшимъ указомъ и за другія вины, (кроме важнѣйшихъ мѣтъ по первымъ двумъ пунктамъ, и воровъ, и разбойниковъ, и смертоубицъ и похитителей многой казни государственной) осуждены на смерть, или въ паторажную работу, или куда въ ссылку, или кому какое гражданское наказаніе учинить и чиновъ лишить повелѣно, — всѣмъ такіи учиненныя ими вины всемілостивѣйше прощены и отъ наказанія ссылки и штрафовъ освободить повелѣно».

22 Декабря, данъ указъ св. Синоду, которымъ разрѣшено было, для снабженія монастырей монахами и школъ учителями, постригать въ монашество изъ священнаго чина, изъ кончившихъ курсы семинаристовъ, изъ разночинцевъ и помѣщичьихъ крестьянъ, по представленіи ими увольнительныхъ свидѣтельствъ отъ своихъ вѣдомствъ и общинъ. Вмѣстѣ съ этимъ прекращено взысканіе денежнаго штрафа съ тѣхъ настоятелей, архимандритовъ, игуменовъ и строителей, которые подпали этому за противное указамъ постриженіе, за приѣмъ пришлыхъ и за отпускъ изъ монастырей своихъ монаховъ; прочимъ опальнымъ настоятелямъ, лишившимся за это своихъ мѣстъ и монашескаго званія, велѣно было возвратитъ званіе и прежніе чины, — постриженныхъ въ противность указамъ, оставитъ въ монашествѣ, а разстриженнымъ, вслѣдствіе извѣстныхъ запретительныхъ указовъ (*), возвратитъ монашеское званіе, если они пожелаютъ этого (**).

(*) Вотъ эти указы: въ 1723 г., Янв. 28, оберъ прокуроръ Болтинъ объявилъ въ синодѣ высоч. указъ: во всѣхъ монастыряхъ монаховъ и монахинь впредь отнюдь никого не постригать, а сколько ихъ будетъ убывать, на тѣ мѣста опредѣлять отставныхъ солдатъ. Въ 1729 г., Юля 3, дозволено постригать изъ нихъ, въ монахи, кто пожелаетъ. Въ 1734 г., Юля 10, подтверждено: кроме вдовыхъ поповъ и діаконовъ и

(**) Дѣло Св. Синода, 1741 г. № 285.

И наступило точно воскресеніе мертвыхъ. Сотни тысячи людей, безъ вѣсти пропавшихъ и считавшихся умершими, ожили снова. Со всехъ отдаленныхъ мѣстъ Сибири потянулись освобожденные страдальцы на свою родину, или въ мѣста прежней службы, — кто съ вырванными ноздрями, кто съ отрѣзаннымъ языкомъ, кто съ перетертыми отъ цѣпей порамъ, — кто съ наувѣченными отъ вытокъ руками и изломанной спиной.

Трудно сказать, изъ какого званія было больше опальныхъ и ссыльныхъ. Проповѣдники слѣдующаго царствованія, выхваляя Елисавету, въ проповѣдяхъ своихъ, приписываютъ эти опалы релігіозной нетерпимости Барона, Остермана, Миниха, Левенвольда и прочихъ нѣмцевъ-лютеранъ, старавшихся будто бы истребить самый корень восточнаго благочестія, и потому считаютъ, что больше всехъ потерпѣли духовные архіереи, священники и монахи. «Доселѣ дремахомъ, говорить одинъ проповѣдникъ (*), а нынѣ увидѣхомъ, что Остерманъ и Минихъ съ своимъ сонмищемъ влѣзли въ Россію, яко эмиссаріи дьявольскіе,

отставныхъ солдатъ, отнюдь никого, ни изъ какихъ чиновъ, не постригать. Въ 1735 г., Марта 11, въ дополненіе къ этимъ указамъ, св. синодомъ повелено: во всехъ монастыряхъ, постригенныхъ въ монашество въ протавности божіенныхъ указовъ, всехъ монашества лишить и разослать на прежнія жилища, кто откуда пришолъ въ монашество; а пришлыхъ и безпутно волокащихся, лиша монашества, для учиненія публичнаго наказанія, отослать въ свѣтскій судъ. А настоятелей, за постригеніе и приемъ оныхъ пришлыхъ, и кои настоятели монаховъ изъ монастырей своихъ отпустили чинили безъ благословныхъ винъ, взять съ каждаго челоуѣка по десяти рублевъ; а если кому такого штрафа платить будетъ не чѣмъ, таковыхъ лиша начальства и іеромонашества, сослать подъ началъ въ другіе монастыри.

(*) Кирилль Флоринскій, Законоспасскій архимандритъ и ректоръ оск. академіи. Лѣтописи рус. литературы и дрвн. изд. *Труды* 1859 г. кн. 3.

ниже, попустиву Богу, и богатства, и слава и честь желанная приключася; сия бо имъ обѣтова сатана, да поды видны министерства / и вѣриво / служенія государству / российскому, еже (первѣйшее) и дражайшее всего въ Россіи, правосѣріе и благочестіе / не чюца превратитъ, / но и до корня истребитъ... Чютоже Остерманъ и Минихъ съ своими соузники такими амисаринъ были, дозвѣють сія доводы. Первый: яко законной наследницы, правосѣрной, благочестіа хранигельницы Елизаветы, престолъ отеческаго злодѣйскими тестаментами узурпаторьскими наследовать не допусшали. Кто же не вѣсть, чюто таковой наследницы да отеческаго престола не доущать и есть правосѣріе и благочестіе, отъ апостоловъ первоуказаннаго Андрея вѣянное, равноапостоломъ Владиміромъ разсѣянное, православныи предками Петра и Екатерины, Петромъ и Екатериною по лицу всея Россіи располженное, искоренять и въ конецъ истреблять? Второй доводъ: Миниховы въ многобѣдствовавшей отъ него Украинѣ воровѣрія его замышленныя и еднакъ не востановленныя кирхи, да и сего царствующаго града въ зовомомъ Китаи, на прельщеніе душъ неповинныхъ, христіанскій рогъ, вѣреть Христовъ, вознесшая армянская церковь, не ихъ ли дѣло являетъ?»

Со смертію Петра и Екатерины, говорилъ другой проповѣдникъ, въ присутствіи Императрицы, (*) наступили частыя и вредительныя перемѣны: и вида то, противники наши добрую дорогу, добрый ко путъсненію насъ сыскали способъ, показывали себе, аки бы они вѣрныя государству служы, аки бы они оберегатели здравія государей своихъ, аки бы они все къ пользѣ и исправленію Россіи

(*) *Дмитрій Спиченовъ*, архимандритъ Свеяжскаго монастыря (впоследствии митрополитъ Новгородскій). Лѣтописи руск. литер. и древн. изд. *Тихомировъ*. 1859, кн. 3.

промыслимо; а какъ прибрали все отечество, взяли въ руки, козникъ ядъ злобы на вѣрныхъ чаде, россиянокъ оторыгнули, — козникое гоненіе на сарирь Христову и на благочестивую вѣру, возставши, оныхъ была година и область темная, что хотѣли, тамъ дѣлали. А во ирвѣхъ пытались благочестіе, отнять безъ козиратъ бы мы быци торщія: Турокъ, Жидовъ и Араповъ. А такъ то они удумали, какъ да благочестіе у нихъ стѣмемъ; тогда двѣ сами къ намъ вѣру приложатъ, и сами въ слѣдъ насъ пойдутъ, и такъ по всей Россіи правдеи антихристовы въ разослади, вездѣ введельми ученія расбѣвали, толико поведди, что мнози малодушнѣ возлюбилъ тьму, паче свѣта, возлюбилъ паче славу зловѣческую, нежели славу Божию, и нушнѣ въ нихъ милости, отъ насъ изыдоша; но не бѣша отъ насъ..... И что бѣдственнѣе, догматы христіанскіе, на которыхъ вѣчное спасеніе зависить, въ башни и ни во что поставили; ходатайну спасенія нашего неуслышную христіанскую помощницу, покровъ и прибѣжище, на помощь не призывали и заступленія ея не требовали; святыхъ угодниковъ божіихъ не почитали; иконамъ святымъ не кланялись; знаменіемъ креста святаго, егоже бѣси трепещуть, глумалися; преданія апостольскія и святыхъ отецъ отвергали; добрыя дѣла, и ниже вѣчная мзда снискуется, отметали; въ посты святые мясо пожирали, а о умерщвленіи плоти и слышать не хотѣли; поименованію усоншихъ смѣялись; сами суше чада и наследники геены, гееннѣ быти не вѣрили.... И оимъ близнѣемъ толико любителей міра сего въ безстрастіе и сластолюбіе привели, что мнози и въ епикурская шѣвья впадали. Яждь, нѣтъ, веселися; по смерти никакого де утѣшенія нѣсть, — и которые такъ бредили, таковыя — то у враговъ нашихъ и въ милости были, таковыя и въ чины производилися; а которые такихъ прелестниковъ не слушати, козникія имъ ру-

танъ, пощепенія враги благочестія чинили, — мужиками, грубиянами (нарцзали). Кто посты хранить, называли ханжа. Кто молитвою съ Богомъ бесѣдуетъ — пустосвятъ. Кто иконамъ кланяется — суевѣръ. Кто языкъ отъ суесловія воздерживаетъ, — глупъ, говорить не умѣетъ. Кто милостыню неоскудно подаетъ, — простъ, не умѣетъ куды имѣнія своего употребить, не къ рукамъ досталось. Кто въ церковь часто ходитъ, въ томъ де пути не будетъ. А наипаче колкое гоненіе на самыхъ благочестія защитителей, на самыхъ священныхъ таинъ служителей, чинъ духовный: архіереевъ, священниковъ, монаховъ мучили, казнили, разстригали; непрестанныя почты, и водою и сухимъ путемъ, куды? за чѣмъ? — монаховъ, священниковъ, людей благочестивыхъ въ дальнія сибирскіе города, въ Охотскъ, въ Камчатку, Оренбургъ отвозятъ; и тѣмъ такъ устрашили, что уже и самые пастыри, самые проповѣдники слова Божія молчали и усть не смѣли о благочестіи отверзти. И правда, духъ бодръ, а плоть не мощна: не всякому — то благодать мученичества посылается.»

Насталъ конецъ мученіямъ нѣкоторыхъ и изъ нашихъ страдальцевъ.

Въ 1741 г., декабря 17, Кабинетъ увѣдомилъ Т. канцелярію, что Ея И. В. всемплоствѣйше соизволила указать черица, который былъ попомъ въ Москвѣ, у Воскресенія въ Барашахъ, именемъ Петръ, а въ черицахъ названнаго Пахомія, изъ ссылки, куда онъ посланъ, свободить и вину его простить. По справкѣ въ Т. к. оказалось, что онъ содержанъ былъ въ синодѣ, а куда оттуда посланъ, того въ т. канцеляріи неизвѣстно.

По дѣламъ синодальнымъ оказалось, что онъ сосланъ былъ, въ 1738 г., въ Кириловъ Новоозерскій монастырь Вологодской епархіи, и, вслѣдствіе общихъ указовъ 1740 г., уже возвращенъ былъ ему іеромонашенскій чинъ. По ува-

женъ въ той нашей пустыни и жительство имѣлъ долго-временное въ добродѣтельномъ житіи и безпорочно».

Синодъ потребовалъ свѣдѣній изъ т. к. Тайная канцелярія отвѣчала, что Самгинъ, Кучинъ и Короткій значатся въ *впчныхъ* ссылкахъ,—Самгинъ въ Камчаткѣ, Короткій въ Оренбургѣ, Кучинъ на Сибирскихъ казенныхъ желѣзныхъ заводахъ; бывший іеродіаконъ Боголѣцъ, а по разстриженіи Борисъ Степановъ, въ кронштадскомъ гарнизонномъ полку въ солдатахъ, и въ прошломъ 1739 году въ генварѣ мѣсяцѣ (какъ онъ поданнымъ доношеніемъ 1741 г., апрѣля 29, объявилъ) вступилъ въ брачное сочѣтаніе. Бывшіе саровской же пустыни іеросхимонахъ Иванъ и іеродіаконъ Теофилактъ, будучи въ т. канцеляріи подъ карауломъ померли.

Тѣмъ дѣло и кончилось. Синодъ, по причинамъ, которыя сейчасъ же и объясняются, не вошелъ въ дальнѣйшее объ нихъ ходатайство.

Прошло еще два года. Дѣло было и затихло, но неожиданно поднялось снова. Мы встрѣчаемъ нашихъ старыхъ знакомыхъ въ московской Синодальной конторѣ, тамъ же, гдѣ встрѣтили ихъ въ первый разъ, одинадцать лѣтъ назадъ.

Въ 1745 г., 7 февраля, московская синодальная контора донесла св. Синоду, что въ ней явились, съ данными изъ сибирской губернской канцеляріи пашпортами, бывшіе въ Берлюковской пустыни—строитель іером. Іосія, да іером. Іаковъ, нынѣ же растриги Яковъ Самгинъ, да Иванъ Кучинъ, и просятъ возвратить имъ іеромонашескіе чины и опредѣлить въ монастырь въ братство; ибо-де, въ прошломъ 1744 году, доносителю на нихъ монаху Георгію Зварыкину монашество возвращено и опредѣленъ онъ въ Саровскую пустыню.—Контора, не имѣя свѣдѣній—въ какихъ винахъ они явились и подлинноль Зварыкину возвращено монашество, потребовала изъ Саровской пустыни извѣстіе:

женію того, что государыня принимала въ немъ участіе, Синодъ поручилъ мѣстному епископу спросить его, не пожелаетъ ли онъ перейти изъ Кирилова монастыря въ другой, по своему выбору?

Эта новая милость не застала его въ живыхъ: онъ скончался за три дня до полученія синодскаго указа (17 Января 1742 г.)—

Въ 1742 г., 13 Мая, по ордеру генераль-фельдмаршала графа Ласси, велѣно было: писаря кронштадской гарнизонной канцеляріи Степана Викторова, который былъ монахомъ Берлюковскаго монастыря и за нѣкоторое погрѣшеніе, въ 1734 году, написанъ въ военную службу въ писари, вслѣдствіе высочайшаго указа 15 декабря 1741 года, изъ военной службы выключить и для возвращенія ему прежняго монашескаго чина отослать въ Синодъ при доношеніи. Куда онъ былъ послѣ того опредѣленъ Синодомъ, не извѣстно.—

Въ 1743 г., января 27, саровскій строитель Дороеей съ казначеемъ Филаретомъ, подали въ Синодъ, на высочайшее имя прошеніе о бывшихъ Саровцахъ — іеромонахѣ Ефремѣ, іеродіаконѣ Теофилактѣ, монахѣ Ааронѣ, да о переселившихся изъ той пустыни въ Берлюковскій монастырь іеромонахахъ—Іосіи и Іаковѣ и іеродіаконѣ Боготѣпѣ, взятыхъ по нѣкоторому дѣлу въ т. к., въ 1734 году, «дабы повелѣно было высочайшимъ В. В. указомъ, возвратить ихъ по прежнему, въ нашу пустынь, и изъ нихъ іеромонаха Іосію опрѣдѣлить Вашего И. В. указомъ, на мое строительское мѣсто, во оной пустынѣ строителемъ, того ради, что я нижайшій, за старостію своею и дряхлостію, въ строительствѣ болѣе быть не могу; а онъ іеромонахъ Іосія въ томъ строительствѣ быть достоинъ и той нашей пустыни общежительный уставъ въ настоящемъ сохраненіи ненарушимо содержать можетъ, ибо онъ постри-

додлинноль; и по какому указу, возвращено Зварыкину монашество? а изъ Синода просила разрѣшенія, какъ поступить съ Сибиряками-Саровцами.

Чтобы они «не шатались праздно» въ ожиданіи этой резолюціи, Контора отослала ихъ пока въ Донской монастырь.

Какіе сны снились этимъ несчастнымъ? Вотъ доплыли они, послѣ бурь и крушеній, до берега; вотъ видѣется и родной домъ, честная ихъ обитель, гдѣ проведено столько лѣтъ,—съ которымъ связано столько воспоминаній. Съ сѣрдечнымъ замираніемъ они хотятъ ухватиться за берегъ. Но какая—то невидимая рука отталкиваетъ ихъ. Невыразимое отчаяніе охватываетъ сердце. Еще одно послѣдніе усиліе... Нѣтъ и нѣтъ.

Синодъ, выслушавъ донесеніе московской конторы, потребовалъ извѣстія изъ т. канцеляріи: вины Самгина, Зварыкина и Кучина, за которыя они были истязуемы и сосланы въ ссылки, не касаются къ важнѣйшимъ первому и второму пунктамъ, и слѣдуетъ ли отпустить имъ эти вины на основаніи общей амнистіи—высочайшихъ всемплютивѣйшихъ указовъ?

Предсѣдателемъ Синода былъ въ ту пору Крутицкій архіепископъ Платонъ, самъ прошедшій чрезъ огонь и воду, бывшій въ Сибири и въ Камчаткѣ,—тотъ самый, котораго, подъ именемъ Павла Малиновскаго, мы видѣли въ нашей исторіи наряду съ Самгинымъ и Зварыкинымъ.—Стало бытъ дѣло это не было проволочкой. Синодъ уже вспоминалъ объ этихъ несчастныхъ по смерти императрицы Анны, да видно еще свѣжи были преданія ея царствованія.

Не умирающій генералъ, въ то время уже графъ, Ушаковъ отвѣчалъ, что они, вмѣсто смертной казни, отправлены на работы вѣчно,—и о свободѣ ихъ изъ ссылокъ въ Т. в. не токмо указу, но и извѣстія не имѣется; а потому, взявъ ихъ Самгина и Кучина изъ Донскаго монастыря, а Зварыкина изъ

Саровской пустыни въ контору т. канцеляріи, по-сходенно съ московской синодальной конторой, снѣтъ съ Зварыкина монашество, ежели оно подлинно ему возвращено, и отправить изъ той конторы велѣхъ тѣхъ, на амекнхъ подводахъ, немедленно въ Сибирь, по-прежнему, а именно: Самгина — въ Камчатку, Зварыкина — въ Охотной острогъ, Кучина — на сибирскіе наведенные заводы, въ работу — вѣчно, и ту всю отправку учинить на поимѣ сибирскаго губернатора потому что вины этихъ растригъ, за которыя они наказаны и въ ссылки побѣдны, состоятъ по важнымъ двумъ пунктамъ, и свободѣ за тѣ свои важныя вины они не подлежатъ; а потому сибирскому губернатору, не имѣя изъ т. в. точнаго указа объ ихъ свободѣ, и освободить ихъ собою не надлежало; за что подлежалъ оной губернаторъ штрафу, но вмѣсто того учинить на его счетъ означенную обратную ихъ въ Сибирь отправку, 22 марта, 1745 года.

Синодъ сдѣлалъ исполнительное распоряженіе, чтобы растригъ Самгина и Кучина отдать въ контору т. канцеляріи немедленно, — съ Зварыкина снѣтъ напередъ монашескій чинъ и безъ всякаго удержанія отдать туда же.

У Саровскаго настоятеля потребовали отвѣта: по какому указу возвращено Зварыкину монашество?

Строитель отвѣчалъ, что Зварыкину, въ 1744 г., возвращено монашество по указу московской дикастеріи. Дикастерія, — сколько ужъ вышесла она, изъ-за этихъ Саровцовъ и Берлюковцевъ во время перваго слѣдствія, — дикастерія отвѣчала, что она дозволила Зварыкину жить въ Саровской пустыни по-прежнему и возвратила ему монашество, увѣрясь его паспортомъ, въ которомъ, за подписью сибирскаго губернатора Сухарева сказано, что Зварыкинъ изъ ссылки освобожденъ и отправленъ въ Москву, по силѣ Высочайшаго указа 1741 г., 15 декабря, и велѣно ему явиться въ духовной дикастеріи. Судя по этому паспорту чая-

тѣмъ было, что объ увольненіи его изъ ссылки тобольская губернская канцеларія имѣла особый указъ, по которому и возвратила ему свободу и, давъ паспортъ, мимо всѣхъ мѣстъ, велѣла явиться въ духовной дикастеріи. Духовная дикастерія допустила потомъ съ нимъ такъ, какъ со всѣми возвращаемыми изъ ссылки, возвратила ему прежнее мѣсто, и прежнее званіе. Но на всякій случай, дикастерія просила у Св. Синода милостиваго прощенія (28 Мая 1745 г.).

Во время атой передраги, атихъ страховъ и пересылокъ, одинъ несчастный.—Зварыкинъ 10 марта скончался. Что стало съ прочими, не знаемъ (*). Въ 1747 году Саровская пустынь возобновила свои напоминанія объ освобожденіи бывшаго іеромонаха Ерема Короткаго и возвращеніи въ Саровскую пустынь по прежнему. Московская синодальная контора отнеслась въ Т. канцеларію съ вопросомъ: вины Ерема, за которыя онъ разстриженъ, и истязанъ и въ ссылку посланъ, въ отпущенію ему и свободѣ его изъ оной ссылки по содержанию высоч. указовъ, слѣдовательныя?

Тайная канцеларія ничего не отвѣчала на этотъ указъ. Только чрезъ восемь лѣтъ (6 апр. 1755 г.), неизвѣстно по какому поводу, дала знать св. Синоду, что 7 мая 1752 г. послѣдовао разрѣшеніе освободить Короткаго изъ ссылки, и что 1 сентября онъ прибылъ изъ Оренбурга въ С.-Петербургъ и явился въ Т. канцеларію. Здѣсь, кромѣ паспорта, онъ предъявилъ аттестатъ, выданный ему изъ Оренбургской крѣпости, за руками штабъ и оберъ офицеровъ, въ которомъ написано, что предъявитель, во всю бытность свою въ Оренбургской крѣпости, исполнялъ должность дьячка и пономаря, и по должности своей велъ себя бла-

(*) Дѣло Св. Синода 1743 г. № 186.

GAN

— 113 —

гочинно и добропорядочно, ко всему по надлежности прилагая тщательное стараніе и ни въ какихъ подобствіяхъ и въ другихъ неблагочиніяхъ не бывалъ.

Синодъ поручилъ рязанскому епископу Димитрію возвратити ему монашескій чинъ и потомъ, 2 мая 1755 г., отправилъ къ суздальскому епископу, для опредѣленія въ Саровскую пустынь по прежнему (*). Братія выбрали его своимъ строителемъ.

Z.

(*) Дѣла Св. Синода, 1747г. № 136.

10-00

1901

...и ...
 ...и ...
 ...и ...
 ...и ...
 ...и ...
 ...и ...

...
 ...
 ...

... 1772 ...

